

АРАМЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

С.В. Лёзов

АРАМЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Арамейскими языками (А.я.) называют языки, произошедшие от общего предка, праарамейского языка. С генеалогической точки зрения все известные А.я. относятся к одной из двух ветвей, западной либо восточной. А.я. и ханаанейские языки образуют две подгруппы северо-западной группы семитских языков.

Из аккадских источников известно, что существительное с консонантным составом *?rm* было в конце II тыс. до н. э. названием народа, населявшего тогда Верхнюю Месопотамию. В надписи Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.), датированной 1112 г., упоминаются *aḥ-la-me-e... ar-ma-a-ia*^{MES} ('ахламеи <то есть> арамеи'), которых царь преследовал к западу от Евфрата в его среднем течении (на широте впадения Хабур в Евфрат). Это первое дошедшее до нас датированное упоминание об арамеях. В ассирийских царских хрониках с XI в. до н. э. встречается топоним *māt a-ri-mi* 'страна арамеев', обозначающий территорию между Евфратом и Хабуром. Существительное *?rm* 'Арам, страна арамеев' встречается в ранней арамейской эпиграфике (IX в. до н. э., КА I 201:3), а также в древнееврейском тексте Ветхого Завета (*?ārām* в тивериадской огласовке). Нам неизвестна ни этимология этого слова, ни то, когда и почему арамеи приняли этот этноним. Не исключено, что он происходит от топонима *A-ra-me*^{KI}, обозначавшего область на среднем Евфрате и засвидетельствованного в XXIII в. до н. э. в надписи царя саргоновской династии Нарам-Сина. Фонетически схожие личные имена встречаются в старовавилонских аккадских текстах из Мэри и в угаритском алфавитном корпусе (*?arm*). От существительного *?rm* образовано и название арамейского языка: в арамейских источниках Ахеменидской эпохи *?armyt* ([?aramāy-at] или [?aramāy-īt]), др.-евр. *?ārāmī*.

В аккадских источниках конца II — первой четверти I тыс. до н. э. арамеи и арамейский язык несколько раз обозначаются термином *aḥlamū*, происхождение которого неизвестно.

В Европе вплоть до XX в. А.я. часто называли «халдейскими» (англ. *Chaldean*). «Халдеи» — название западносемитского народа, в I тыс. до н. э. жившего на юге Месопотамии. Из аккадских источников они известны как *kaldu*, еврейская Библия называет их *kašdīm*. Этнически халдейская династия правила Новоавилонской державой (626–539 гг. до н. э.); в частности, халдеем был упоминающийся в Библии царь Вавилонии Навуходоносор. Об исконном языке халдеев не осталось никаких свидетельств; принято считать, что он был близок к арамейскому. В ветхозаветной книге Даниила др.-евр. *kašdīm* и его арамейский эквивалент *kašdā?ē* употребляются не в первичном этническом смысле, но как термины для обозначения придворных гадателей. В Да 2:4 указано, что эти гадатели-«халдеи» говорили с царем Навуходоносором «по-арамейски» (*?ārāmī*). В христианской традиции из этого библейского текста был сделан вывод, согласно которому арамейский язык следует называть «языком халдеев», т. е. «халдейским». Так, уже Иероним (около 340–420) называл арамейский язык книги Даниила *chaldaicus sermo*.

В раннесредневековой иудейской традиции (например, в Вавилонском Талмуде) арамейский язык нередко называется по-древнееврейски *lšwn ḥwl* ‘профанный (= повседневный) язык’, в отличие от древнееврейского, который называли *lšwn ḥqwdš* ‘священный (или, возможно, ‘храмовый’) язык’.

2. Вопрос об арамейской прародине не может быть решен положительно из-за недостатка данных. При нынешнем состоянии наших знаний наиболее достоверной выглядит локализация прародины арамеев в Верхней Месопотамии, где А.я. и арамеи впервые появились на исторической арене. Прежде (особенно в XIX в.) была распространена гипотеза о том, что арамеи попали в Сирию и Северную Месопотамию в конце II тыс. до н. э. в результате миграции с Аравийского п-ова или из Сирийской пустыни, однако сейчас эта идея утратила популярность.

Представление о локализации А.я. в XII–VII вв. до н. э. можно составить преимущественно на основании двух типов источников — сведений об арамеях и А.я. в аккадской литературе и Ветхом Завете, географического распределения эпиграфических арамейских текстов IX–VII вв., а также содержащейся в этих текстах исторической информации. Из аккадских царских хроник следует, что в XII–XI вв. до н. э. арамеи (и, следовательно, А.я.) присутствовали в Верхней Месопотамии. Ветхозаветный рассказ о патриархах помещает арамейских родичей Авраама в *ʿāram nahārayim* ‘Араме двух рек’ (Gn 24:10): из контекста Ветхого Завета очевидно, что речь идет об области Харрана в Верхней Месопотамии. Принято считать, что библейский *ʿāram nahārayim* в географическом отношении тождествен встречающемуся в амарнской переписке термину *na-aḥ-ri-ma*^{K1} (например, EA 288:35): этот термин обозначает территорию Митанни, хурритского государства, центральная часть которого в амарнскую эпоху находилась в верховьях Хабура. Из сохранившегося в Ветхом Завете исторического предания следует, что на рубеже I–II тыс. до н. э. А.я. были распространены и на юго-западе Сирии (в частности, в районе Дамаска).

В IX–VI вв. до н. э. А.я. засвидетельствованы эпиграфическими памятниками, обнаруженными на всем пространстве Плодородного Полумесяца. Однако сколько-нибудь значительным текстовым корпусом (вероятно, в пределах 50 тыс. алфавитных знаков) А.я. впервые представлены лишь в Ахеменидскую эпоху, т. е. в V–IV вв. до н. э. О локализации А.я. в это время см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании.

Со второй половины VIII в. до н. э. А.я. в качестве разговорных начали вытеснять аккадский язык в новоассирийской империи (об «арамеизации Ассирии» см. также раздел 4.). «Победа» арамейского над аккадским в Месопотамии объясняется причинами исторического характера. Между последней третью IX и серединой VII вв. значительные массы населения были депортированы из западных провинций ассирийской империи на коренную территорию Ассирии. Вероятно, что переселенные с запада люди были по большей части носителями А.я.: как упоминалось выше, аккадские источники отмечают присутствие арамеев на западных границах Ассирии уже в XII в. Группы населения, переселяемые в центральную и восточную части Ассирии, получали тот же правовой статус, что и коренные жители, носители новоассирийского диалекта аккадского языка, и это способствовало социальной мобильности арамеев. По данным ономастики, к началу VII в. арамеи составляли значительную часть деловых кругов и правящего класса империи. Вероятно, в ту эпоху были распространены различные варианты арамейско-аккадского билингвизма: на это указывает существование многочисленных двуязычных эпиграфических документов (см. 4.,

описание позднего этапа древнего арамейского). В последнее столетие существования новоассирийской империи арамейский широко употреблялся в ней как средство письменной коммуникации в административной и правовой сферах (см. 4.), и это свидетельствует о том, что при интеграции в ассирийское общество арамеи сохраняли свой язык. Вероятно именно благодаря этому литературный вариант арамейского смог приобрести в империи публичный статус наряду с аккадским. После того как Ассирия в 612 г. до н. э. была разгромлена мидийцами и вавилонянами, ассирийская аристократия была уничтожена, а коренная территория Ассирии перешла под контроль Мидии. В этих условиях аккадский, бывший родным языком для меньшей части населения ассирийской империи, довольно быстро был утрачен как разговорный язык. Что касается нижней Месопотамии, находившейся под контролем Нововавилонской державы (626–539 гг. до н. э.), то, согласно наиболее распространенному в ассириологии XX в. мнению, население этого региона в нововавилонский период в массе своей говорило на А.я., хотя дошедшие до нас письменные памятники этой эпохи написаны преимущественно на так называемом «поздневавилонском» аккадском, который В. фон Зоден считает чисто письменным идиомом, обнаруживающим смешение аккадских и арамейских элементов. В последнее время немецкий ассириолог М. Штрек выдвинул гипотезу, согласно которой поздневавилонский, возможно, был родным языком у части населения Вавилонии VII–VI вв. до н. э. Эта гипотеза, основанная на анализе морфологической семантики глагола в поздневавилонских письмах и частноправовых документах, не кажется достаточно убедительной.

В Финикии, Палестине и Заиорданье западные А.я. полностью вытеснили ханаанейские языки, в том числе древнееврейский. Важные для понимания языковой истории Палестины события можно реконструировать следующим образом.

В период существования в Палестине царств Израиля (до 722 г. до н. э.) и Иуды (до 586 г. до н. э.) родными языками их населения были северный и южный диалекты древнееврейского (см. статью «Древнееврейский язык» в наст. издании). По всей вероятности, изменение языковой ситуации в Палестине в конечном итоге объясняется тем, что арамейское царство Дамаска (в 732 г. до н. э.) и Израиль (в 722 г. до н. э.) были разгромлены и присоединены к Ассирийской империи. Есть основания предполагать, что после того как Дамаск пал, на севере Палестины (в Израиле, или «Северном царстве») появились беженцы из юго-западной Сирии, носители западных А.я. Вскоре после арамейского Дамаска ассирийцы покорили и Израиль (территорию исторических областей Самарии и Галилеи), после чего значительная масса еврейского населения Израиля была депортирована за пределы Палестины. Согласно 2 R 17:24, «царь Ассирии» переселил в Самарию людей из различных областей Ассирийской империи. Одним из ассирийских царей, в надписях которого упоминаются принудительные перемещения населения в Самарию, был Саргон II. О языках переселенцев сведений нет, однако возможно, что часть из них говорила на А.я. Так, в 2 R 17:24 упоминаются переселенцы из Хамата: вероятно речь идет о хорошо известном городе на р. Оронте в западной Сирии, захваченном ассирийцами в 738 г. Его жители, носители западноарамейского диалекта, были депортированы с их исконной территории в Самарию, в соответствии с обычной практикой ассирийцев на вновь завоеванных территориях. В итоге родными языками населения Галилеи и Самарии стали западноарамейские диалекты, предки тех идиомов, которые легли в основу западных среднеарамейских литературных языков. У нас нет надежных критериев, которые позволили бы датировать «победу» арамейского в Самарии и Галилее. Вероятно, древ-

нееврейский окончательно утратил положение вернакуляра на этой территории в начале персидского периода (конец VI в. до н. э.).

На территории Иуды древнееврейский стал приходить в упадок после того, как в 586 г. до н. э. Иерусалим был взят и разорен вавилонянами, а высшие классы общества Иуды депортированы в Вавилонию. Около 539 г. до н. э. Месопотамия и Палестина вошли в империю Ахеменидов, и вскоре после этого началась репатриация евреев из Вавилонии в ахеменидский административный округ Иудею, центром которого был Иерусалим. Родной язык репатриантов неизвестен, им мог быть восточноарамейский вавилонский диалект или древнееврейский, но скорее один из этих языков у разных групп репатриантов. Ветхий Завет (Esr 4:2) упоминает о том, что репатрианты первой волны застали в Иудее население, предки которого были переселены в Палестину еще ассирийским царем Асархаддоном (правил в 680–669 гг.). В Esr 9:2 говорится, что в V в. репатрианты вступали в брак с женщинами, принадлежавшими, в частности, к «ханаанеям», «хеттам» и «амореям». Так как в персидскую эпоху таких народов в Палестине уже давно не было, то это сообщение должно пониматься как хорошо известное из Ветхого Завета клише, в контексте указывающее на нееврейские этнические группы, появившиеся в Иудее сравнительно незадолго до событий, описываемых в книге Ездры. В Neh 13:24 лидер еврейских националистов Неемия жалуется на то, что половина детей репатриантов от смешанных браков «не умеет говорить по-еврейски (*yəhūdī*)», а говорят они «по-ашдодски» (*ʔašdōdī*) и на наречиях других народов, из которых происходят их матери. На основании этого свидетельства можно предположить, что по крайней мере у жителей Ашдода (прибрежного города на юге Палестины, с XII в. контролировавшегося филистимлянами) родным языком был арамейский, так как сохранение в этом месте в V в. некоего локального ханаанейского диалекта, заметно отличавшегося от древнееврейского, едва ли вероятно. Не менее важно то, что в Neh 13:24 выражается тревога по поводу упадка древнееврейского. Из этих косвенных данных можно заключить, что уже между 586 и 539 гг. на территории бывшего Южного царства поселились носители западных А.я. О том, что в V в. у части жителей Иудеи (или недавних выходцев из нее) родным языком был арамейский, свидетельствует также имперско-арамейский архив из Элефантины в Египте, где один и тот же человек иногда обозначался как *yhwdy* 'иудеин' (= происходящий из Иудеи) и *ʔrmy* 'арамей'.

На то, что арамейский был родным языком евреев на всей территории Палестины эллинистического и начала римского периодов (до восстания Бар-Кохбы в 132–135 гг. н. э.), указывают многочисленные факты, к важнейшим из которых относятся следующие:

— большая часть книги Даниила, вероятно самой поздней книги, вошедшей в иудейский канон Священного Писания (по содержанию она датируется серединой II в. до н.э.), написана на имперском арамейском. Естественно предположить, что целевая аудитория этого сочинения (скорее всего иудеи Палестины) свободно владела одним из западноарамейских диалектов, возможно «старым западноарамейским» (см. раздел 4.), весьма близким к библейскому изводу имперского арамейского;

— в Кумране обнаружены отрывки арамейских переводов (таргумов) канонических книг Левит и Иов, а также отрывки арамейских переводов книг Товита и Еноха, не вошедших в иудейский канон. Эти сочинения, очень популярные в Палестине рубежа христианской эры, были написаны по-древнееврейски. Найденную в Кумране рукопись таргума книги Левит принято датировать примерно 100 г. до н. э. Тот факт, что не позже II в. до н. э. в Иудее появились арамейские переводы древнееврейской

литературы, указывает на то, что в оригинале эта литература была недоступна для значительной части ее потенциальной аудитории;

— в государстве Хасмонеев (142–37 гг. до н. э.), несмотря на его религиозно-националистическую идеологию, письменным языком был не древнееврейский, а иерусалимский вариант имперского арамейского с выраженными адстратными чертами, происходящими из устного арамейского диалекта Иудеи (см. раздел 4.). Насколько известно, древнееврейский (записывавшийся палеоеврейским шрифтом) использовался только для легенд на монетах, но и в этих целях применялся арамейский, записывавшийся квадратным шрифтом;

— нелитературные эпиграфические тексты из Палестины эпохи Второго Храма написаны преимущественно по-арамейски. Для того, чтобы определить функциональное соотношение еврейского и арамейского языков в эту эпоху, наиболее важны эпиграфические свидетельства периода после 37 г. до н. э., когда официальным языком в Палестине был уже не арамейский, а греческий. Эпитафии и надписи на оссуариях в большинстве своем выполнены по-арамейски, однако иногда в этих арамейских текстах появляются древнееврейские термины из области религии, например *šlwm ?ntt hnyy br hnyr* ‘Саломея, жена Анании, сына **назоря**’ (АТТМ I 345). Указания практического характера, в частности предупреждения потенциальным грабителям гробниц, всегда записываются по-арамейски, ср. например часто встречающееся *l? lmpth* ‘Не вскрывать!’. Найдено небольшое количество двуязычных еврейско-арамейских оссуариев, например *šlwm ?št yhwdh/šlwm ?tt yhwdh* ‘Саломея, жена Иуды’ (АТТМ I 340), где слово ‘жена’ написано по-древнееврейски и затем по-арамейски. Письменные памятники 66–73 гг. н. э. из Масады, крепости у южной оконечности Мертвого моря, которая в те годы была оплотом zelотов (радикальных еврейских националистов), тоже написаны в основном по-арамейски. Найденные в Масаде арамейские эпиграфические тексты, созданные в этот период, представлены письмами на остраконах и бытовыми надписями на сосудах, например *šmʿn ktb-yh* ‘Симеон написал **его** (= этот сосуд)’ (АТТМ II 281), *h[nny]h khn? rb? ?qby? br-yh* ‘первосвященник Анания: его сын Акабия (написал это)’ (АТТМ II 281). По-древнееврейски надписаны бирки на пищевых пожертвованиях для жрецов, например *mʿšr khn* ‘жреческая десятина’ (Masada 1, 441), *dblh ktwšh yph* ‘хорошо спрессованная инжирная лепешка’ (Masada 1, 556). По-древнееврейски записывались указания относительно ритуальной чистоты сосудов и их содержимого, например *hqdyn h?lh pswlwt* ‘Эти сосуды (признаны) негодными’ (Masada 1, 454), *thwr l-qdš* ‘(Содержимое этого сосуда) чисто для святыни (т. е. для культового употребления)’ (Masada 1, 456). В других типах эпиграфических текстов гебраизмы сводятся преимущественно к элементам *bn* ‘сын_{сопр.}’ (восемь раз), *bt* ‘дочь_{сопр.}’ (два раза), *?št* ‘жена_{сопр.}’ (один раз) в составе антропонимов (наряду с синонимичными арамейскими лексемами в таких же контекстах); кроме того, все обозначения лиц по признаку происхождения из определенной местности оформлены с помощью древнееврейского препозитивного артикля, например *h-gdr?yn* ‘уроженцы Гадары’. Таким образом, древнееврейская эпиграфика из Масады тематически в значительной мере ограничена культовой сферой;

— согласно Мишне (Šeqalim 6:5), в иерусалимском храме на сосудах для сбора храмовых налогов были арамейские надписи *tqlyn hdytyn* ‘новые сикли’ и *tqlyn štyqyn* ‘старые сикли’, что, вероятно, указывает на то, что родным языком налогоплательщиков был арамейский. В годы Иудейской войны (67–70 гг. н. э.) в Иерусалиме был создан «Свиток о постах» (см. также 4.); в этом календарном тексте перечисляются

национальные праздники, в которые запрещен пост. Этот арамейский документ относится к важным памятникам раннего иудаизма: он часто цитируется в обоих Талмудах, стал частью раввинистического канона и поэтому дошел до нас в составе письменного предания. Тот факт, что около 70 г. н. э. нормативный религиозный документ был написан (в отличие от более поздней практики) по-арамейски, а не на древнееврейском языке, нуждается в объяснении. Проще всего предположить, что арамейский был наиболее естественным средством общения между составителем Свитка и его адресатами. Около 100 г. н. э. раббан Гамалиил II, религиозный лидер второго послевоенного поколения иудеев Палестины, написал по-арамейски три послания по календарным вопросам, адресованные общинам на юге Иудеи, в Галилее и в диаспоре. Эти тексты дошли до нас в составе раввинистического канона (переизданы в АТТМ I 359);

— родным языком Иисуса (уроженца Галилеи, проповедовавшего также в Иерусалиме) был арамейский. Об этом свидетельствуют, в частности, высказывания на арамейском языке, вложенные в уста Иисуса в Евангелии от Марка, древнейшем из канонических Евангелий, например $\tau\lambda\iota\theta\alpha$ $koum$ (= *talīṯā qūm*) 'Девочка, встань!' (Mc 5:41), $\lambda\alpha\mu\alpha$ $\sigma\alpha\beta\alpha\chi\theta\alpha\nu$ (= *lamā šabaqtanī*) 'Почему ты меня оставил?' (Mc 15:34). Интересно, что запись $koum$ (= *qūm*) передает сравнительно позднюю форму арамейского императива женского рода с апокопой исторического заударного /i/: **qūmī* > *qūm* (см. раздел 6.); в части рукописной традиции Mc эта форма исправлена на $koum$ под влиянием древнееврейского или библейского арамейского. В Mc 14:36 Иисус в молитве обращается к Богу по-арамейски $\alpha\beta\beta\alpha$ (= [*ʔabbā*]) 'отец'. В In 1:42 Иисус дает своему последователю Симону арамейское прозвище $\kappa\eta\phi\alpha\zeta$ (= [*kērā*]); автор поясняет, что это слово значит $\pi\acute{\epsilon}\tau\rho\varsigma$ ('скала; камень'). В части рукописного предания Mc стих 14:70 кончается следующими словами, обращенными к Симону: $\kappa\alpha\iota$ η $\lambda\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha$ $\sigma\upsilon\upsilon$ $\delta\mu\omicron\iota\alpha\zeta\epsilon\iota$ '<ведь ты — галилеянин>, и твоя речь похожа (на галилейскую)'. Схожий текст появляется и в Mt 26:73: $\kappa\alpha\iota$ $\gamma\acute{\alpha\rho}$ η $\lambda\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha$ $\sigma\upsilon\upsilon$ $\delta\eta\lambda\acute{o}\nu$ $\sigma\epsilon$ $\lambda\omicron\iota\epsilon\iota$ 'твоя речь тоже выдает тебя'. Таким образом, в раннехристианской традиции сохранилось представление о фонетических различиях между устными арамейскими диалектами Галилеи и Иерусалима. На арамейский как язык раннего сообщества последователей Иисуса в Иерусалиме указывает и раннехристианская вероисповедная формула $\mu\alpha\rho\alpha\nu\theta\alpha$ (= [*mārān ʔāīā*]) 'Наш господин, приди!', приводимая Павлом (1 Cor 16:22) и автором «Учения двенадцати апостолов».

Такого рода свидетельства ведут к вопросу о соотношении А.я. и древнееврейского в Палестине (прежде всего Иудее) эллинистического и римского периодов. Со времен мишнаитской грамматики А. Гейгера (1845) в литературе преобладала точка зрения, согласно которой к началу эллинистического периода (условно — к 300 г. до н. э.) древнееврейский язык вымер. Все древнееврейские тексты, созданные позже этой даты, написаны, согласно этому подходу, на разного рода искусственных еврейских идиомах. При нынешнем состоянии источников это утверждение затрагивает часть литературы, вошедшей в еврейский канон Священного писания, всю «межзаветную» литературу, написанную по-древнееврейски (в частности еврейские тексты из Кумрана), а также Мишну — хронологически наиболее раннюю часть раввинистического канона. Предполагается, что родными языками авторов этой литературы были А.я., в некоторых случаях, возможно, греческий. Согласно противоположной точке зрения, мишнаитский древнееврейский основан на древнееврейском вернакуляре, который сохранялся в Иудее по крайней мере до поражения восстания Бар-

Кохбы в 135 г. н. э., когда римляне уничтожили или продали в рабство значительную часть евреев Палестины. В ранний период дискуссии «вернакулярная» точка зрения получила классическое выражение в работах М. Сегала, в частности в его мишнаитской грамматике (1927). Сторонники искусственного характера мишнаитского языка отмечали, что грамматика Сегала основана на печатных изданиях Мишны и не использовала даже тот рукописный материал, который был доступен ко времени ее написания. Наиболее надежные рукописи (в частности, обнаруженные вскоре после публикации грамматики Сегала сравнительно ранние тексты Мишны из Каирской генизы) обнаруживают языковые черты, предположительно свидетельствующие о влиянии устного арамейского субстрата. Так, в рукописной традиции притяжательное местоимение 'твой_{ж.р.}', связанное с существительными в единственном числе, имеет галилейско-арамейскую форму *-yk*, например *dbr-yk* 'твое_{ж.р.} слово', однако в изданиях неизменно появляется форма типа *dbr-k*, исправленная по образцу древнееврейского языка Библии. В качестве местоимения 'ты_{м.р.}' в хороших рукописях употребляется арамейская форма *?at*, фонетически невыводимая из древнееврейской формы *?attā*. В исходе слова /m/ часто переходит в /n/, как в арамейском, например *?dn* 'род человеческий' вм. библейского *?dm*.

В настоящее время представление о том, что в основе языка Мишны лежит еврейский вернакуляр Иудеи I–II вв. н. э., общепринято в научной школе по изучению языка Мишны, базирующейся преимущественно в университетах Израиля. Напротив, искусственный характер раннераввинистического еврейского отстаивается в работах немецкого арамеиста К. Байера и американского историка раннего иудаизма С. Шварца. Промежуточную позицию занимал в 60-е гг. XX в. Э.И. Кучер, исследователь А.я. Палестины и один из создателей современной израильской школы филологического изучения Мишны. Он полагал, что к началу христианской эры у «простого народа» городов Иудеи и в особенности Иерусалима родным языком был арамейский, однако у части населения Иудеи (возможно, в сельской местности) вернакуляром был древнееврейский диалект, ставший основой мишнаитского литературного языка. При этом Кучер допускал возможность того, что Мишна написана на «смешанном еврейско-арамейском языке». Так, систему морфологической семантики глагола (префиксальное спряжение употребляется преимущественно как косвенно-модальная форма, значение будущего времени обслуживается предикативным причастием) он считал калькой с палестинского арамейского.

Представление о мишнаитском языке как об «искусственном» идиоме хорошо согласуется со всеми имеющимися данными о языковой ситуации в Палестине начала христианской эры. Так, следует иметь в виду, что у этого языка практически нет ранних эпиграфических памятников. Однако важнейший довод в пользу этой теории заключается в следующем: нет убедительных соображений о том, каким образом древнееврейский и арамейский могли сосуществовать в Иудее в качестве родных языков у разных частей ее этнически и религиозно однородного населения, т. е. по какому социальному или географическому признаку они могли быть распределены в одном и том же сообществе; при этом сторонники существования мишнаитского вернакуляра обычно принимают тезис, согласно которому арамейский был «наиболее распространенным» языком Палестины (при столь нежесткой формулировке этот тезис не имеет большого смысла). Следовательно, без ответа остается решающий вопрос: в какой социальной или географической «нише» создатели мишнаитской традиции могли найти на рубеже I–II вв. христианской эры тот живой древнееврейский диа-

лект, который предположительно стал основой нового литературного языка? С другой стороны, теория раннего отмирания древнееврейского также сталкивается с трудностями в объяснении того, как возник мишнаитский древнееврейский. В относительно чистом виде литературный язык мишнаитского типа впервые засвидетельствован лишь в кумранских текстах I в. до н. э. — I в. н. э.: это 4Q394-399 (тексты с религиозными предписаниями) и «Медный свиток» (3Q15). Поэтому из документально засвидетельствованной истории этого литературного языка выпадает самый ранний период (примерно 300–100 гг. до н. э.), между «победой» арамейского в Иудее и появлением первых литературных памятников мишнаитского типа. Однако лакуны в литературной традиции можно объяснить случайностями находок письменных памятников, так как тексты на «непрочных» носителях (например на папирусе, пергамене, коже и бумаге) недолговечны, если они не хранятся в особых условиях.

В финикийских городах восточного побережья Средиземного моря арамейский вытеснил финикийский язык. Вероятно, это случилось не позже I в. н. э. На это указывает свидетельство Плутарха (45–127 гг. н. э.) в жизнеописании Суллы (17:8): $\theta\omega\rho\ \omicron\iota\ \Phi\omicron\iota\upsilon\kappa\epsilon\varsigma\ \tau\eta\nu\ \beta\omicron\upsilon\nu\ \kappa\alpha\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$ 'Финикийцы обозначают корову (словом) $\theta\omega\rho$ '. Запись $\theta\omega\rho$ передает арамейский облик этого существительного [tōr], финикийской форме [šōr] соответствовала бы запись $\sigma\omega\rho$.

Таким образом, к рубежу христианской эры (или даже к началу эллинистической эпохи) на территории Плодородного Полумесяца из семитских языков рядом с А.я. существовали лишь арабские диалекты — языки кочевников, которые, судя по данным ономастики, селились также в городах Палестины, западной Сирии, Верхней Месопотамии и Вавилонии. Конкретные механизмы языковой арамеизации Ближнего Востока в период между VIII в. до н. э. и началом эллинистической эпохи не всегда поддаются реконструкции. Более всего привлекает к себе внимание тот факт, что родным языком семитских народов этого региона (заметное исключение составляют лишь арабы) стал арамейский, который никогда не был языком политически господствующего этноса. Одну из причин этого следует видеть в том, что разговорный язык не был столь важным элементом групповой идентичности на древнем Ближнем Востоке, как например в античной культуре или в Европе Нового времени.

В ранневизантийский период (до арабского завоевания в VII в. н. э.) А.я. были по-прежнему распространены на большей части Ближнего Востока: в Палестине, Сирии, Верхней Месопотамии и Вавилонии. В это время на А.я. создаются большие литературные корпуса, дошедшие до нас в составе предания религиозных сообществ иудеев и христиан. В VII–IX вв. н. э. были созданы канонические тексты общины мандеев, памятники классического мандейского языка. После того как в 30–40-х гг. VII в. н. э. Переднюю Азию захватили арабы-мусульмане, А.я. стали приходить в упадок, так как семитские народы этого региона в качестве вернакуляра в значительной мере усвоили арабский язык. В дальнейшем А.я. древности и раннего Средневековья будут при необходимости называться «древними арамейскими», в отличие от новоарамейских языков, локализация которых рассматривается ниже.

Живые А.я., сохранившиеся к началу XIX в. (когда европейские ученые занялись их описанием), принято называть новоарамейскими языками. Новоарамейские языки в большинстве своем не обладают письменностью. В генеалогическом отношении они, как и древние А.я., делятся на западную и восточную ветви. Носители западного новоарамейского языка, христиане и мусульмане, живут в трех деревнях в горах Антиливана к северо-востоку от Дамаска (Маалула, Баха и Джуббадин), в каждой из ко-

торых существует свой диалект. Восточные новоарамейские языки к началу XX в. были распространены преимущественно на юго-востоке Малой Азии, в различных частях Ирана (в частности у оз. Урмия), а также на территории нынешнего Ирака (см. статью «Новоарамейские языки» в наст. издании). Носители восточных новоарамейских языков — члены общин религиозных меньшинств Ближнего Востока, христиане и иудеи. Носители новомандейского языка, одного из восточных новоарамейских языков, принадлежали к мандейской религиозной общине, они жили в районе города Ахваз на юге Ирана и по обе стороны южного участка границы между Ираном и Ираком. К началу XXI в. этот язык практически вымер, у него оставалось лишь небольшое число носителей старшей возрастной группы. В XX вв. значительная часть носителей восточных новоарамейских языков покинула свои автохтонные территории: христиане мигрировали в крупные города Сирии и Ливана, в ряд европейских стран, США и Австралию, а иудеи после 1948 г. в большинстве своем переселились в Израиль.

Христиан-носителей восточных новоарамейских диалектов Ирана (в особенности района оз. Урмии) в русской литературе часто называют ассирийцами, следуя самоназванию христиан-несториан в новейшее время. После русско-персидской войны 1828 г. носители этих диалектов поселились и в Российской империи. В 20–30-х гг. XX вв. в советской Армении и Грузии, а также на северном Кавказе было не менее 15 тыс. ассирийцев, частично проживавших компактно (в отдельных селениях) и говоривших на своих диалектах. Исследования некоторых из этих диалектов, основанные на полевой работе в Закавказье, опубликованы А. Калашевым, С. Осиповым, К. Марогуловым, К. Церетели (см. ссылку на библиографию новоарамейских языков в наст. статье).

К концу XX в. число людей, для которых восточные новоарамейские языки были родными, составляло, по некоторым оценкам, около 400 тыс. чел., однако точные данные на этот счет отсутствуют. На протяжении нескольких столетий (быть может, даже тысячелетия) почти все носители новоарамейских языков являются дву- или многоязычными: в частности, сейчас они говорят на арабских диалектах, иранских языках (преимущественно курдском), турецком и азербайджанском. Носители новоарамейских языков, живущие за пределами исконных мест обитания, владеют языками диаспоры.

Общее число восточных новоарамейских языков неизвестно. Они делятся на три группы:

— язык туройо на юго-востоке Турции у границы с Сирией (горный район Тур-Абдин в пров. Мардин), на котором говорят около 20 тыс. чел., а также язык млахсо, локализованный к западу от туройо; носители туройо сейчас живут также в диаспоре — в Ливане и за пределами Ближнего Востока;

— новомандейский язык;

— группа северо-восточных новоарамейских языков Курдистана (север Ирака и северо-западный Иран), включавшая десятки бесписьменных языков, между носителями которых в ряде случаев отсутствовало взаимопонимание; число этих языков на протяжении XX в. сократилось из-за массовых миграций их носителей за пределы региона. Классификационный термин «северо-восточные новоарамейские языки» (англ. North-Eastern Neo-Aramaic) был предложен Р. Хоbermanом. О лингвистическом смысле трехчастной классификации восточных новоарамейских языков см. раздел 4.

В этнологической литературе христианские восточные новоарамейские языки часто фигурируют под общим названием «новосирийский язык» (англ. Modern Syriac или Neo-Syriac, нем. die neusyrische Sprache). В точном смысле это название приме-

нимо лишь к литературному языку, который возник прежде всего в результате перевода Библии на урмийский диалект с использованием лексических заимствований из классического сирийского языка. Этот литературный язык приобрел известность с 40-х гг. XIX в. благодаря издательской деятельности американских миссионеров. На новосирийском литературном языке существует обширная литература, оригинальная и переводная. Для записи текстов применяется восточносирийская, так наз. несторианская, графика. В СССР в 1930-е гг., в период развития культурной автономии национальных меньшинств, для записи новосирийских (в русской терминологии «современных ассирийских») текстов, оригинальных и переводных, применялся также специальный алфавит на латинской основе.

Большинство новоарамейских языков относится к вымирающим или неблагоприятным, а некоторые из них вымерли в XX в. В частности, уже почти перешли в разряд мертвых все еврейские новоарамейские языки, так как у большинства из них насчитывается лишь по несколько носителей старшего поколения, живущих в Израиле, где эти языки не имеют перспективы. За последние десятилетия многие ранее недокументированные новоарамейские языки были описаны европейскими, американскими и израильскими лингвистами.

3. Число носителей древних А.я. определить трудно; оценка целиком зависит от наших представлений о возможной численности населения Плодородного Полумесяца в древности и раннем Средневековье. О числе говорящих на новоарамейских языках см. раздел 2.

4. Согласно распространенной точке зрения, генеалогически А.я. составляют одну из двух подгрупп (наряду с ханаанейскими языками) северо-западной группы семитских языков. К совместным инновациям, свойственным северо-западным семитским языкам, принято относить переход $R_1w > y$ в словесном анлауте и обязательнуюставку $-a-$ после R_2 во множественном числе существительных структуры $R_1\check{V}R_2R_3-$ (см. также статью «Ханаанейские языки» в наст. издании).

П р а а р а м е й с к о м у я з ы к у свойственны следующие черты, в той или иной степени значимые для генеалогической классификации:

— рефлексация прасемитского $*\check{s}$ посредством увулярного звука, который в арамейских памятниках IX–VII вв. до н. э. регулярно отражался графемой $\{q\}$. На протяжении второй половины I тыс. до н. э. во всех А.я. $*\check{s}$ совпал с фарингалом ʕ ;

— существительные (и, по согласованию с ними, прилагательные) могут присоединять суффиксированный определенный артикль $*-a?$ (или $*-\bar{a}?$); этой форме противопоставлена бесчленная форма, выражающая значения нереперентности и неопределенности;

— у имен стандартным кумулятивным показателем множественного числа женского рода неопределенного статуса является суффикс $*-\bar{a}n$, не используемый в этом значении другими семитскими языками;

— в глагольной парадигме тот же суффикс $*-\bar{a}n$ является показателем множественного числа женского рода в индикативе префиксального спряжения: $*ta\check{s}bud-\bar{a}n$ ‘вы_{ж.р.} сделаете’, $*ya\check{s}bud-\bar{a}n$ ‘они_{ж.р.} сделают’. В арабском и древнееврейском это значение кодируется суффиксом $-na/-n\bar{a}$;

— отглагольное прилагательное с неактивным значением $*qa\check{t}l$ грамматикализовалось в качестве пассивного причастия G-породы;

— от глаголов G-породы образуются как беспрефиксальные инфинитивы (вероятно, по унаследованной прасемитской модели $*qa\check{t}\bar{a}l$, которая сохраняется в ряде А.я.

I–II тыс. н. э. как продуктивное имя действия), так и префиксальные инфинитивы по инновационной модели *maqʿal, которая не является продуктивной формой имени действия в других центральносемитских языках. См. подробности и примеры в лингвистической характеристике древнего арамейского;

— от глаголов производных пород инфинитивы образуются с помощью суффикса *-at. В ханаанейских языках такой способ образования инфинитива производных пород неизвестен;

— утрачена N-порода, сохранившаяся в ханаанейских языках и в арабском. Косвенные залоговые значения в праарамейском кодировались внутренним пассивом и t-породами;

— утрачен префиксальный претерит *yaqtul, сохранявшийся в ряде литературных ханаанейских языков I тыс. в виде нарративной формы *wa-yaqtul. Две древнеарамейские царские надписи используют в нарративе наряду с суффиксальными формами глагола также формы префиксального спряжения, которые приводятся ниже: *w-ʔšʔ ydy ʔl bʔlš[my]n w-yʔny bʔlšmy[n...]* ... *w-yʔmr* 'И я воздел мои руки к (богу) *bʔlšmy*, и ответил мне *bʔlšmy*... и он сказал...' (КАИ 202 А: 11 слл., Афис в северной Сирии, рубеж IX–VIII вв.); *ysq... w-yškb ʔby yhk ʔl [...]* *w- yʔl mlk y[š]rʔl qdm bʔrqʔby [w-]yhmik hdd [...]* ... *w-yhk hdd qdmy [w-]ʔpq mn [...]* ... *w-ʔqt...* *w-ʔšm...* 'Он поднялся (= пошел в поход) [...] ... и лег (= умер) мой отец: он отправился к [своим предкам]. И вошел прежде царь Израиля в землю моего отца (= совершил нападение до событий, излагаемых в основном повествовании), и воцарил (бог) Хадад [меня]... И пошел Хадад передо мной, и я вышел из [...] ... И я умертвил... и я установил...' (IEJ 45; городище Дан в Галилее, IX в.). После того как в 1990-х гг. была обнаружена надпись из Дана, некоторые авторы истолковали приведенные выше префиксальные глагольные формы как реликт прасемитского претерита *yaqtul. По мнению Й. Троппера, нарративный претерит *yaqtul, связанный с предшествующим ему сочинительным союзом *w-* 'и', является ареальной изоглоссой, которая объединяет западносирийскую разновидность древнего арамейского, диалект надписи из Дейр-Алла в Заиорданье (см. о нем ниже), моавитский и древнееврейские языки. Это предположение едва ли верно, так как царские надписи из Афиса и Дана — единственные дошедшие до нас нарративные арамейские тексты IX–VIII вв., так что в отсутствие других данных их свидетельство справедливо для всего литературного арамейского языка той эпохи. Поэтому отождествление префиксальных нарративных форм в этих текстах как рефлекса *yaqtul ведет к постулированию префиксального претерита и для праарамейского, вероятно в качестве повествовательной формы, уже вытесняемой суффиксальным «перфектом» *qatala. С точки зрения истории семитского глагола (см. статью «Семитские языки» в наст. издании) объяснение префиксальных нарративных форм в обеих царских надписях как реликта *yaqtul представляется весьма естественным, однако эта гипотеза недоказуема, так как ни одна из приведенных выше консонантных записей не может быть недвусмысленно интерпретирована морфологически как рефлекс претерита *yaqtul, а не настоящего-будущего *yaqtulu. Кроме того, из-за крайней скудости материала и плохой сохранности обоих эпиграфических памятников на их материале нельзя убедительно показать распределение суффиксальной и префиксальной форм в тексте, в то время как для угаритских и древнееврейских литературных повествований, употребляющих рефлексы *yaqtul и *qatala, эта задача решается сравнительно легко. Поэтому при нынешнем состоянии источников приведенные фактические данные проще объяснять как *praesens histo-*

gicum, т. е. как стилистически обусловленное использование «обычной» префиксальной формы (рефлекса *yaqtulu): это объяснение позволяет избежать гораздо более сильного утверждения, согласно которому в праарамейском языке сохранялся нарративный претерит *yaqtul. Интересно, что префиксальная форма с значением прошедшего времени встречается и в ряде более поздних арамейских памятников I тыс. до н. э., например *mn šnh yqrqn w-yks?n hmw* 'Отсюда они бежали, а (те) преследовали их' (около 650 г., KAI 233:16); нередко в арамейском литературном повествовании книги Даниила, например *bʔdyn mlk?... yqwm* 'Затем... царь встал' (Да 6:20);

— у существительных мужского рода сочетание суффикса сопряженной формы множественного числа *-ay- с притяжательным местоимением *-hū 'его' получает фонетический облик *-awhī. В доахеменидских арамейских текстах этот сегмент отражается на письме как -wh, например *bnwh* [banawhī] 'его сыновья', а в имперском арамейском и ряде более поздних А.я. он записывается как -why, например *bnwhy*. Вероятно, что такая форма возникла в результате следующих диахронических изменений: *-ayhū > *-ayhī > *-awhī (т. е. ассимиляции, за которой последовала диссимилиация);

— местоимение 'мы' имеет форму *ʔanaḥnā, в отличие от др.-евр. ʔānaḥnū и араб. naḥnu. Форма косвенного падежа 'наш; нас', связанная с существительными и глаголами, имеет вид -nā, что составляет изоглоссу с арабским и противопоставляет праарамейский язык ханаанейским, где эта форма имеет вид -nū. У глагола в суффиксальном спряжении суффикс 1-го лица множественного числа также имеет вид -nā (*ʔabad-nā 'мы сделали'), подобно арабскому и в отличие от ханаанейского -nū. В доахеменидских арамейских текстах этот общий для всех форм 1-го лица множественного числа элемент -nā записывался как -n, а в имперских арамейских текстах встречаются записи -n, -nʔ и -nh для местоимений и -n для глагольного суффикса. В консонантном библейском арамейском тексте глагольный суффикс -nā отражается как -nʔ/-nh. Последовательная запись элемента *-nā в доимперских текстах графемой -n объясняется тенденцией ранней арамейской орфографии обозначать на письме *-ā в аудлауте фонетического слова лишь в тех случаях, где дефективная запись вела бы к потере морфологической информации. Так, форма женского рода числительного ḥd [ḥad] 'один' в ранних текстах записывается как ḥd-h [ḥad-ā] 'одна', так как запись без mater lectionis привела бы здесь к нежелательному неразличению родовых форм;

— рефлекс общесемитского дейктического элемента *dū выступает как единый экспонент для относительного местоимения и предлога, вводящего зависимое существительное в аналитической посессивной конструкции (nota genitivi). Из других древних центральносемитских языков такая двойная функция *dū засвидетельствована в угаритском и сабейском. Так как рефлексы *dū имеют те же функции в геэзе и современных южноаравийских языках, то можно предположить, что эта ситуация существовала и в празападносемитском языке. Если это верно, то А.я. сохранили структурную нагрузку *dū, утраченную ханаанейскими языками и арабским;

— как установил Л. Коган, отделение праарамейского языка от общего северозападносемитского выразилось в заметном обновлении базового словаря. В частности, ранние арамейские памятники (IX–VIII вв.) свидетельствуют о том, что праарамейский язык радикально обновил семантическую группу основных глаголов движения: *ʔzl 'идти' (этимология неясна; в прасемитском базовым глаголом 'идти', вероятно, был *hlk); *ʔll 'входить' (< прасем. *ʔll 'вставлять, погружать'); *nhṭ 'спускаться' (этимология неясна; в прасемитском базовым глаголом 'спускаться' был *wrd); *npq 'выходить' (этимология не вполне прозрачна; в прасемитском базовым глаголом 'вы-

ходить' был **wšʔ*); **slq* 'подниматься' (этимология неясна; в прасемитском базовым глаголом 'подниматься' был **ʔly/w*). Эти пять глаголов, с одной стороны, не употребляются в качестве основных терминов для перемещения в других семитских языках, а с другой стороны, они остаются главными экспонентами для соответствующих значений во многих А.я. на всем протяжении трехтысячелетней арамейской языковой истории. Интересно также, что указанные выше четыре прасемитских глагола сохранили свой базовый статус в ханаанейской подгруппе (во всяком случае, в древнееврейском), но утрачены или представлены лишь в переносных значениях в А.я. Некоторые базовые прасемитские лексемы приобрели в праарамейском языке нестандартный фонологический облик: он засвидетельствован уже в древнейших арамейских текстах IX–VIII вв. до н. э., а также в большинстве более поздних А.я. В частности, прасем. **bin-* 'сын' имеет вид **bir-/bar-*, прасем. **ʔahad-* 'один' имеет вид **ḥad-*, прасем. **bayt-* 'дом' имеет вид **bay* в неопределенном статусе.

Все указанные здесь черты праарамейского языка реконструируются путем сравнения языка арамейских текстов IX–VIII вв. до н. э. (самых ранних памятников западной ветви А.я.) с западными и восточными А.я. второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э.

От первой трети I тыс. до н. э. до нас дошли две небольшие группы литературных текстов (записанных, как и арамейский корпус IX–VIII вв., консонантным алфавитом финикийского типа из 22 знаков), в которых обнаруживается ряд нетривиальных изоглосс с арамейскими текстами IX–VIII вв. и — согласно принимаемой в настоящей статье точке зрения — согласно принимаемой в настоящей статье точке зрения — с праарамейским языком. Генеалогическая классификация идиомов, представленных этими письменными памятниками, представляет собой спорный вопрос в центральносемитской диалектологии.

К первой группе памятников этого типа относятся две царские надписи (KA1 214, 215), найденные в конце XIX в. при раскопках древнего города Самаль (*šmʔl*), руины которого находятся рядом с Зинджирили, селением на юго-востоке современной Турции у границы с Сирией. Эти тексты принято датировать серединой — второй половиной VIII в. до н. э. по историческим основаниям. Следует иметь в виду, что на этом городище были найдены арамейские и финикийские эпиграфические тексты той же эпохи: вероятно, что в городе-государстве Самаль в письменной сфере наряду с местным вернакуляром («самальским») употреблялись арамейский и финикийский в качестве престижных языков этого региона.

С а м а л ь с к и й я з ы к обладает следующими значимыми для генеалогической классификации чертами:

— прасемитская фонема **š* отражается графемой {*q*}, как и в ранних арамейских памятниках;

— определенный артикль отсутствует, в отличие от арамейского и ханаанейских языков I тыс. до н. э.;

— имена женского рода в свободной форме множественного числа имеют графический исход на {*t*}, например *qyr-t ḥrb-t* 'разоренные города' (KA1 215:4), т. е. сохраняют в этой форме прасемитский флективный элемент **-āt-*. Сопоставимая праарамейская форма (множественное число неопределенного статуса) имела суффикс **-ān*;

— у существительных мужского рода во множественном числе имелось морфологическое противопоставление именительного и косвенного падежей, утраченное в остальных северо-западных семитских языках I тыс. до н. э. Существительные в свободной (несопряженной) форме имели суффикс **-ī* в именительном падеже и **-ī* в

косвенном: $?lh-w_{им.}$ vs. $?lh-y_{косв.}$ ‘боги’. Кроме того, как видно из этих примеров, в самальском, в отличие от современных ему арамейского и ханаанейских языков, у существительных мужского рода во множественном числе не было ни нунации, ни мимации. Оппозиция двух падежей сохранялась и в сопряженной форме перед связанными местоимениями: $?yh-h$ ‘его братья_{им.}’ (КАИ 214:30) vs. $?yh-y-h$ ‘его братьев_{косв.}’ (КАИ 214:27). Так как в КАИ 214 долгие гласные внутри фонетического слова не обозначаются на письме, то записи $?yh-y-h_{мн. ч. косв.}$ должна соответствовать реконструкция $*?ayah-ay-hV$ с суффиксом $-ay-$, а форма номинатива $?yh-h_{мн. ч. им.}$ имела другой, чисто вокалический суффикс, вероятно $-i$;

— существительные мужского рода в косвенном падеже множественного числа, связанные с притяжательным местоимением $*-hī$ ‘его’, фонологически отличаются от современных им арамейских форм: сам. $*?ayahayhV$ ‘его братья_{косв.}’ vs. арам. $*?ahawhī$. Эта черта самальского образует изоглоссу с ханаанейскими языками I тыс.;

— местоимение ‘я’ имеет долгую форму ($?nk$ и $?nky$ в консонантной записи), что составляет изоглоссу с ханаанейскими языками и отделяет самальский от древнего арамейского, где местоимение ‘я’ представлено только в краткой форме $?nh$. Запись $?nky$ возможно свидетельствует о том, что в самальском прошел «ханаанейский переход» $*ā > ō$, см. статью «Ханаанейские языки» в наст. издании;

— от глаголов G-породы образуются беспрефиксальные инфинитивы, например $l-bny$ ‘чтобы построить’ (КАИ 214:10);

— однажды зафиксирована форма N-породы: $nhšb$ ‘он был оценен’ (КАИ 215:10). Этот факт указывает на то, что в самальском N-порода сохранялась по крайней мере в рудиментарном виде;

— в префиксальном спряжении каузативной породы породная приставка $h-$ синкопируется (как в древнееврейском): $h-qm$ ‘он поставил’ (КАИ 215:18) vs. $y-qm$ ‘он поставит’ (КАИ 214:28). В древнем арамейском показатель $h-$ сохраняется в префиксальном спряжении: $y-h-skr$ ‘он выдаст’ (КАИ 224:3);

— в отличие от древних А.я., во 2-м и 3-м лице множественного числа мужского рода индикатива префиксального спряжения утрачен $n/$ в ауслауте: $thrgw$ ‘вы убьете’ (КАИ 215:5), $yšbdw$ ‘они обрабатывали (землю)’ (КАИ 214:7). Эта черта образует изоглоссу с древнееврейским;

— в КАИ 214 у глагола засвидетельствован прекатив, т. е. пожелательное наклонение, имеющее приставку $l-$. Примеры прекатива G-породы: $lmnʔ$ ‘пусть он лишит’ (строка 24), $lktš-h$ ‘пусть они_{м. р.} побьют его’ (строка 31), $lktšn-h$ ‘пусть они_{ж. р.} побьют ее’ (строка 31). Как видно из примеров, в G-породе приставка $l-$ вытеснила префиксальный показатель 3-го лица $y-$. В том же значении в КАИ 214 неоднократно употребляются формы префиксального спряжения с префиксом $y-$, например $yʔmr$ ‘пусть он скажет’ (строка 29), yqm ‘пусть он поставит’ (строка 28), $yzkr$ ‘пусть он призовет’ (строка 17). В корпусе нет форм l -прекатива 3-го лица единственного числа женского рода, в пожелательном значении употребляются обычные формы префиксального спряжения с приставкой $t-$, например $tšty$ ‘пусть она пьет’ (КАИ 214:22). Имеется один пример прекатива каузативной породы: $lytkh$ ‘пусть он обольет его’ (строка 23, \sqrt{ntk}), с синкопой префиксального показателя каузатива $h-$, но с сохранением приставки 3-го лица $y-$. По признаку l -прекатива надпись КАИ 214 образует изоглоссу с арамейским текстом IX в. из Телль-Фахарийе, где положительное побуждение кодируется исключительно l -формами, например lsm ‘пусть он поместит’ (строка 11), $lhwu$ ‘пусть он будет’ (строка 12); $lʔklw$ ‘пусть они_{м. р.} едят’ (строка 22), $lʔpn$ ‘пусть они_{ж. р.} пекут’

(строка 22); в каузативной породе (с сохранением *-h-*): *lhynqn* 'пусть они_{ж.р.} кормят грудью' (строки 20, 21). В надписи из Телль-Фахариёе нет префиксальных форм 3-го лица единственного числа женского рода с положительным побудительным значением. О значении *l-*прекатива для генеалогической классификации А.я. см. ниже, в описании восточноарамейских инноваций и в лингвистической характеристике древнего (западно)арамейского;

— как и в А.я., слово 'один' имеет вид *hd*, слово 'сын' — *br*. Изоглоссу с эксклюзивно панарамейской лексикой, засвидетельствованной в ранних арамейских текстах (по Л. Когану), образует слово *msʕh* 'середина' (КАИ 214:28; 215:10).

Второй диалект — так называемый диалект надписи из Дейр-Алла, обнаруживающий нетривиальные изоглоссы с языком ранних арамейских памятников, представлен фрагментарной надписью чернилами на штукатурке в культовом помещении; эта надпись была найдена в 1967 г. при раскопках городища Дейр-Алла в Заиорданье. В этом тексте излагается видение пророка Валаама, известного также из Ветхого Завета. Надежные основания для датировки этого текста отсутствуют; сейчас принято считать, что он был создан в конце или середине VIII в. до н. э. Из-за краткости и плохой сохранности надпись из Дейр-Алла лингвистически менее информативна, чем КАИ 214-215: для некоторых важных признаков нет диагностических контекстов, в ряде случаев палеографическая и филологическая интерпретации не вполне надежны; некоторые фрагменты записанной штукатурки были соединены при реконструкции надписи «по смыслу», как элементы головоломки. Ниже используется толкование текста, предложенное в монографии Дж. Хэкет.

Этот диалект обладает следующими значимыми для генеалогической классификации чертами:

— прасемитская фонема **ṣ* отражается буквой {*q*}, как и в ранних арамейских памятниках;

— определенный артикль не засвидетельствован;

— диалект Дейр-Алла был, вероятно, «*-awhī-*диалектом» (см. выше описание дистриктивных признаков праарамейского). Об этом свидетельствует форма *?lwh* 'к нему' (1:1, 4), восходящая к **?ilay-hū*;

— у глагола G-породы имеются лишь беспрефиксальные инфинитивы, как замещающие синтаксические позиции в предложении, так и тавтологические: *l-hlq* 'чтобы погибнуть' (2:11), *l-dʕt* 'знать' (2:17, сильно поврежденный контекст); *w-bkh ybkh*, букв. 'и он плачем плачет' (1:3 сл);

— сохраняется N-порода: *nʔnh* 'он вздохнул' (2:12, $\sqrt{?nh}$);

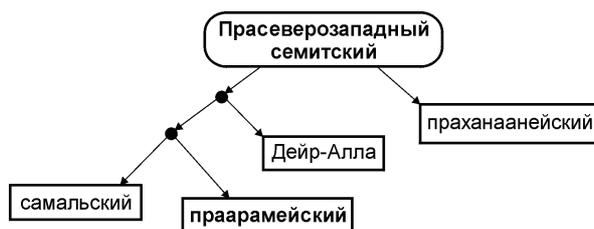
— в повествовании употребляются формы префиксального спряжения с союзом *w-*: *wyʔtw₁ ?lwh ?lhn blylh wyʔz₂ mhzh...* *wyʔmrw₃...* *wyqm₄...* *wbkh ybkh₅ wyʔl₆ ʕmh...* *wyʔmr₇* 'К нему ночью пришли₁ боги, и он увидел₂ видение... и они сказали₃... и он встал₄... и горько плакал₅... и вошли₆ его люди... и он сказал₇'. Если чтение *w-yʔz mhzh* 'и он увидел видение' эпиграфически достоверно, то *yʔz* представляет собой префиксальный претерит глагола с R_{3y} ханаанейского типа, образованный с апокопой /y/, как в моавитском и древнееврейском;

— относительное местоимение имеет форму *?š* (1:1), что представляет собой изоглоссу с ханаанейскими языками. В тексте нет показателя с функцией *nota genitivi*;

— надпись из Дейр-Алла содержит несколько слов, которые относятся к базовому специфически арамейскому словарю, в частности *nrq* 'выходить', *?ty* 'приходить', *yhb* 'давать', *hwu* 'сообщать', *br* 'сын', *hd* 'один'. В этом же памятнике (в отличие от КАИ 214-215) имеется несколько лексем, отсутствующих в А.я. и имеющих базовый

статус в ханаанейских языках, в частности *hlk* (G-порода) ‘идти’ (с императивом *lk*, как в древнееврейском) и *rʕu* ‘видеть’.

Таким образом, самальский и диалект Дейр-Алла обнаруживают как нетривиальные изоглоссы с праарамейским языком, так и серьезные структурные отличия от него. По ряду признаков Дейр-Алла оказывается ближе к ханаанейским языкам (и, соответственно, дальше от арамейского), чем самальский. Кумулятивная качественная оценка совокупности этих фактических данных предлагается ниже в виде генеалогического древа.

В арамеистике не выработаны общепринятые решения по важнейшим вопросам исторической диалектологии А.я. IX в. до н. э. — VII в. н. э. В частности, нет единства относительно времени разделения А.я. на западную и восточную ветви.

В англоязычной литературе с 70-х гг. XX в. и по сей день наиболее распространена периодизация А.я., впервые намеченная американским библеистом Дж. Фицмайером в 1966 г. Согласно этому подходу, историю А.я. следует делить на пять «фаз», которые можно охарактеризовать с помощью таблицы, сведения для которой почерпнуты из статьи Дж. Фицмайера 1979 г.

Название	Хронология	Корпус	Лингвистические черты
1 Древний арамейский (англ. Old Aramaic)	925–700 гг. до н. э.	Эпиграфика IX–VIII вв.	Сохранение латеральных и интерденальных; форма <i>?nh</i> для местоимения ‘я’ (в отличие от хан. <i>?nk/?nky</i>); G-инфинитив без <i>m</i> -; префиксальное спряжение Gr <i>*yuqta</i> ; <i>-awhī</i> в исходе существительных мн. числа с притяжательным местоимением ‘его’; сохранение тавтологического инфинитива и нарративного претерита <i>*wa-yaqtul</i> .
2 Официальный арамейский (англ. Official Aramaic)	700–200 гг. до н. э.	Арамейские тексты новоассирийской, нововавилонской и Ахеменидской эпох, библейский арамейский	Рефлексы латеральных и интерденальных совпали с другими согласными; G-инфинитив с <i>m</i> -; нет <i>*yuqta</i> , паронимастического инфинитива и <i>*wa-yaqtul</i> .
3 Средний арамейский (англ. Middle Aramaic)	200 г. до н. э. – 200 г. н. э.	(а) Набатейский, кумранский, арамейские слова в Новом Завете и у Иосифа Флавия; (б) арамейские памятники Пальмиры, Эдессы, Хатры	

Название	Хронология	Корпус	Лингвистические черты
4 Поздний арамейский (англ. Late Aramaic)	200–700 г. н. э.	Западные: иудейский палестинский, самаритянский, христианский палестинский; восточные (месопотамские): сирийский, иудейский вавилонский, мандейский	
5 Новоарамейский (англ. Modern Aramaic)	Новое время		

В арамеистике более раннего времени (например, в известной обзорной работе Ф. Розенталя 1939 г.) «средним арамейским» было принято называть А.я. 200–700 гг. н. э., которые традиционно подразделялись на три западных и три восточных диалекта, как это отражено в таблице. Все А.я., засвидетельствованные ранее 200 г. н. э., было принято относить к «древнему арамейскому» (“Old Aramaic”). В классификациях А.я. 200 г. христианской эры фигурирует в качестве условного рубежа в связи с тем, что в III в. н. э. предположительно уже началась литературная деятельность на классическом сирийском и иудейском палестинском арамейском.

Таким образом, главное новшество классификации Фицмайера — предложение отнести понятие «средний арамейский» к корпусам 200 г. до н. э. — 200 г. н. э., а А.я. позднеантичной и византийской эпох считать манифестацией «позднего арамейского». Существенно также, что Фицмайер и принявшие его точку зрения ученые считают важнейшим рубежом в истории А.я. не создание имперского (ахеменидского) арамейского (около 500 г. до н. э.), а появление «официального арамейского». Этот термин призван отразить тот факт, что с начала VII в. до н. э. арамейский использовался для письменной коммуникации в Ассирийской империи, а также как язык международного общения на Ближнем Востоке.

Классификация Фицмайера построена по хронологическим признакам, в ней отсутствует эксплицитная лингвистическая аргументация. В частности, Фицмайер не предложил ни одного языкового критерия, который позволил бы отделить «средний арамейский» от «официального» и «позднего».

Израильский арамеист Й. Гринфилд в 1974 г. предложил ввести понятие «стандартного литературного арамейского», по сути идентичное «среднему арамейскому» Фицмайера. Истоки этого литературного языка Гринфилд усматривает в Ахеменидской эпохе и находит, что он «был свободен от некоторых черт имперского арамейского» (каких именно, не указывается). К послеахеменидским памятникам «стандартного литературного арамейского» Гринфилд относит прежде всего «еврейские» корпуса — библейский арамейский, кумранский арамейский, официальные таргумы Онкелос и Ионатан. Гринфилд также не предлагает ни одной изоглоссы, объединяющей эти корпуса. Здоровое начало концепции «стандартного литературного арамейского» состоит в том, что в этих памятниках, созданных примерно между 200 г. до н. э. и 200 г. н. э., представлен единый литературный язык, продолжающий нормативную традицию имперского арамейского и отличный от арамейских вернакуляров авторов этих корпусов (от самих этих вернакуляров практически не дошло синхронных текстовых свидетельств).

Справедливое наблюдение, согласно которому в период между падением Ахеменидской империи в 331 г. до н. э. и началом III в. христианской эры арамейская письменность ориентировалась преимущественно на норму имперского арамейского, породило гипотезу, в последнее время наиболее четко сформулированную американским семитологом Дж. Хюнергардом, который полагает, что имперский арамейский «стер с доски» хронологически предшествовавшие ему арамейские диалекты и тем самым стал языком-предком всех более поздних А.я. Уже в 1978 г. ту же гипотезу предлагал Ф. Розенталь.

Следует заметить, что тезис Розенталя и Хюнергарда не может быть выведен из того факта, что после падения Ахеменидской державы имперский арамейский оставался письменным языком в разных арамейских сообществах. Как известно, и в Ахеменидский период имперский арамейский был средством сугубо письменной коммуникации (см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Поэтому неудивительно, что он сохранил этот статус в арамейском мире и после 331 г. до н. э. Характерно, что в эллинистический период имперский арамейский вытеснялся в качестве письменного языка не живыми арамейскими диалектами, а греческим, новой лингва франка Восточного Средиземноморья. Не вызывает сомнений, что имперский арамейский не устранил живые арамейские языки в качестве разговорных. Помимо того, что предлагаемый Розенталем и Хюнергардом сценарий трудно представить себе с типологической точки зрения (разделение письменного языка на ряд живых диалектов маловероятно), о сохранении других А.я. свидетельствует хорошо известный феномен варьирования в ахеменидском арамейском: это варьирование в значительной мере объясняется влиянием разговорных арамейских языков, носителями которых были авторы имперско-арамейских текстов. Таким образом, гипотеза Розенталя и Хюнергарда основана на игнорировании разрыва между литературным языком и разговорными диалектами, — той внутриарамейской диглоссии, которая составляет важнейшую черту языковой ситуации в арамеоязычном мире середины и второй половины I тыс. до н.э.

Важными достоинствами классификации Фицмайера являются простота и наглядность, поэтому эта классификация обычно берется за основу в новейших популярных очерках А.я., например в описании С. Кауфмана и статье С. Крисона «Арамейский язык» для Кембриджской энциклопедии древних языков. Однако в других отношениях она представляет собой регресс по сравнению с тем уровнем понимания истории А.я., который был достигнут в арамеистике первой половины XX в. Так, вместо лингвистически осозаемой величины «ахеменидский арамейский» эта классификация предлагает эвристически менее полезное понятие «официальный арамейский», содержание которого лишено определенности, вследствие чего и его объем (т. е. корпус) меняется от автора к автору. В частности, С. Кауфман относит арамейские главы книги Ездры к официальному (имперскому) арамейскому, а арамейские главы книги Даниила — к среднему арамейскому, вместе с арамейскими текстами из Кумрана, а также набатейским, пальмирским и хатранским арамейскими корпусами. Затрушевывается и место памятников VII–VI вв. до н. э. в истории А.я.: они обнаруживают важные отличия от ахеменидского арамейского в орфографии и морфологии, поэтому соединение этих двух корпусов в одну «фазу» не кажется удачным. Наконец, подход Фицмайера и Гринфилда позволяет уйти от острых проблем генеалогической классификации А.я., так как «фазовая» категоризация создает иллюзию упорядоченности материала.

Принятое рядом арамеистов предложение Гринфилда о «стандартном литературном арамейском» было новшеством главным образом в области терминологии. Следует иметь в виду, что еще в 1930-е гг. Ж. Кантино показал, что набатейские и пальмирские арамейские корпуса представляют собой свидетельства о чисто письменных идиомах, продолжавших традицию ахеменидского арамейского в эпоху поздней римской республики и принципата. С точки зрения типологии арамейских литературных языков интересно, что по крайней мере у части авторов набатейских и пальмирских арамейских текстов родными языками были арабские диалекты, подобно тому как авторами ахеменидских арамейских текстов были носители разных языков, бытовавших в империи Ахеменидов. В этой связи стоит отметить, что фаза «среднего арамейского», предложенная Фицмайером по хронологическому признаку, неудачна с точки зрения собственно лингвистической классификации: типологически близкие между собой набатейский и пальмирский оказываются в разных подгруппах (вероятно, по географическому признаку), при этом пальмирский сближается с подлинно восточноарамейскими текстами из Хатры, которые далеки от пальмирского не только генеалогически, но и стадияльно, так как они являются памятниками нового литературного языка, появление которого знаменует собой отход от имперско-арамейской традиции.

Преобладание хронологически-географического подхода к классификации А.я. в современных обзорных и обобщающих работах объясняется трудностями, с которыми приходится иметь дело при любых попытках более глубокой классификации, на какой бы теоретической основе они ни базировались, а также тем, что специалисты по письменным арамейским языкам мало интересуются историческим языкознанием. Трудности, с которыми сталкивается историческая диалектология А.я., можно условно разделить на два вида.

Во-первых, А.я. I тыс. до н. э. представлены сравнительно небольшим корпусом плохо сохранившихся текстов, из них многие стереотипны и потому малоинформативны лингвистически. Для самого раннего периода (IX–VIII вв. до н. э.) пока что известно меньше десятка эпиграфических текстов, из которых можно извлечь недвусмысленную информацию о морфологии и синтаксисе (см. ниже описание корпусов), при этом всегда с опорой на более поздние, «массовые» А.я. Далеко идущие лингвистические (в частности, исторические) обобщения на основании столь незначительного корпуса рискованны: история исследования показывает, что некоторые из принципиальных тезисов подвергаются пересмотру с каждой интересной эпиграфической находкой (см. ниже про текст из Телль-Фахариё, опубликованный в 1982 г. и сильно изменивший наши представления о ранних этапах истории А.я.). Что касается второй половины I тыс. до н. э., то арамейских текстов от этого периода дошло несколько больше, однако практически все они являются памятниками одного и того же литературного языка, который не ориентировался ни на один из разговорных А.я. той эпохи (см. ниже статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Таким образом, характерная для арамейской культуры ситуация диглоссии оставляет мало возможностей для того, чтобы восстановить развитие живых А.я. в I тыс. до н. э. Поэтому отразить любой проект генеалогической классификации А.я. исторического периода в виде древа со всеми достоверно реконструированными узлами пока что невозможно.

Во-вторых, появившиеся в I тыс. христианской эры письменные А.я. обнаруживают несколько нетривиальных изоглосс, которые пересекают традиционную границу, разделяющую эти А.я. на восточные и западные. Так, Д. Боярин описал ряд морфоло-

гических черт такого рода, из которых наиболее убедительными представляются следующие две. В классическом сирийском, галилейском и самаритянском инфинитивы производных пород имеют префикс *m-*, а в арамейском Вавилонского Талмуда, мандейском и христианском палестинском эти инфинитивы обычно образуются без префикса *m-*, как в ахеменидском арамейском. Другой важный пример: в классическом сирийском и в арамейском диалекте Палестинского Талмуда у сильного глагола «перфект» 3-го лица множественного числа мужского рода может иметь *-n* в ауслауте: кл. сир. *ḵṭabūn* ‘они написали’, Палестинский Талмуд *ʔshydwn* ‘они засвидетельствовали’ (в сирийском корпусе эта форма с *-n* встречается значительно реже, чем форма без *-n*, а для Палестинского Талмуда она составляет норму), однако такие формы почти неизвестны в христианском палестинском и самаритянском арамейском. На основании такого рода фактов Д. Боярин предложил отказаться от генеалогического подхода к истории А.я. ранневизантийского периода в пользу волновой теории диффузии признаков в ходе контактов между А.я. За Д. Боярином в той или иной мере последовали некоторые другие арамеисты.

Как будет видно из дальнейшего, любому описанию эволюции арамейского языкового типа приходится в значительной степени основываться на генеалогической классификации А.я., принципиальная важность которой не снимается ни тем, что А.я. разных ветвей были свойственны общие языковые переживания на протяжении всех трех тысячелетий засвидетельствованной истории А.я., ни гипотетическими явлениями внутриарамейской конвергенции, которые применительно к древним А.я. остаются недоказанными. Ключевым вопросом следует считать датировку разделения А.я. на восточную и западную ветви. В арамеистике нет единого мнения ни о происхождении восточно- и западноарамейских изоглоссов, ни о времени разделения А.я. на две ветви. Поэтому применительно к I тыс. до н. э. понятия «восточный арамейский» и «западный арамейский» используются в литературе в разных смыслах; в частности, не всегда бывает ясно, когда под «восточным арамейским» имеется в виду генеалогическая принадлежность данного корпуса, а когда — его географическая локализация.

Альтернативу американско-израильской школе представляет подход немецкого арамеиста К. Байера, предложенный им в ряде работ 60–80-х гг. XX в. Байер в своей классификации последовательно придерживается генеалогического принципа, хотя и отказывается от построения беспробельной «древесной» схемы. Для Байера важна нормативная (т. е. «искусственная») природа языка ряда корпусов, которые могут быть далеки от разговорных А.я. их авторов, поэтому в некоторых случаях в целях классификации он предпочитает языковые признаки хронологическим рамкам. Другими словами, Байер исходит из диагностических языковых критериев, в какой-то мере независимо от времени создания корпуса.

По Байеру, трехтысячелетняя история А.я. включает три больших периода: староарамейский (*das alte Aramäisch*), среднеарамейский (*das Mittelaramäische*), и новоарамейский (*das Neuaramäische*). А.я. каждого из периодов делятся в генеалогическом отношении на восточные и западные.

Главное различие между сравниваемыми здесь двумя подходами заключается в отношении к А.я. эпохи между падением Ахеменидской империи и появлением больших литературных А.я. ранневизантийского периода (у Фицмайера эта эпоха условно датируется 200 г. до н. э. — 200 г. н. э.): Фицмайер выделяет ее в самостоятельную «фазу» — средний арамейский, а Байер относит А.я. этого периода к староарамейскому, исходя из того, что с историко-типологической точки зрения их не сто-

ит отделять от более ранних А.я. Другое важное различие двух классификаций состоит в членении А.я. середины I тыс. до н. э. По мнению Фицмайера, 700–200 гг. до н. э. — это отдельная фаза, обозначаемая им как «официальный арамейский»; обе ее временные границы проводятся в сущности по социолингвистическому признаку. В интерпретации истории А.я. I тыс. до н. э. и начала христианской эры, предлагаемой Байером, центральное место занимает понятие «имперский арамейский».

«Примирить» классификации Байера и Фицмайера или хотя бы осмысленно соотнести их (например, в форме таблицы) трудно, так как они отвечают на разные вопросы: таксономия Фицмайера жестко организована прежде всего по хронологическому признаку, между тем как классификация древних А.я. у Байера предполагает ряд языковых критериев, которые он рассматривает в прилагаемых к классификации очерках по исторической грамматике А.я. Следует также иметь в виду, что классификация Байера весьма подробна: для столетий вокруг начала христианской эры он выделяет по орфографическим и языковым критериям некоторое число литературных идиомов, не предусмотренных довольно общей схемой Фицмайера. Очевидное сходство концепций Байера и Фицмайера — Гринфилда заключается в том, что у обоих в центре внимания оказываются А.я. эллинистического периода (200 г. до н. э. — 200 г. н. э. по Фицмайеру). Обе классификации предполагают диглоссию в арамеоязычном мире эллинистической эпохи, т. е. разрыв между письменным арамейским языком и разговорными арамейскими диалектами в ряде языковых сообществ, однако только Байер пытается проследить соотношение устных и письменных А.я. в деталях, опираясь главным образом на анализ орфографии.

В настоящем описании предлагается, что общий предок восточноарамейских языков обладал следующими значимыми для генеалогической классификации признаками:

— суффикс множественного числа определенного статуса имен мужского рода имел вид *-ē, в отличие от общеарамейского *-ayya?, унаследованного западным арамейским и (после падения гортанной смычки в ауслауте) приобретшего там форму -ayyā. Так как в истории А.я. I тыс. до н. э. не было принудительного фонологического сдвига *ayya > ē, то некоторые исследователи предполагают, что в восточном арамейском произошла фонологически немотивированная замена флективного суффикса под влиянием новоассирийского диалекта аккадского, где суффикс косвенного падежа существительных мужского рода -ē после утраты падежей стал единственным показателем множественного числа у большинства существительных мужского рода. В пользу фонологически необусловленной замены свидетельствует также сохранение суффикса -ayyā у ряда существительных в классическом сирийском, например *bn-ayyā* 'сыновья'. Возможный контраргумент здесь составляет общее соображение о том, что словоизменительные показатели редко заимствуются. В западном арамейском суффикс -ē сочетается лишь с основами, образованными с помощью относительного суффикса -āy, например в ахеменидском арамейском *yahūd-āy 'еврей' — мн. ч. *yahūdāyē: здесь произошло нерегулярное фонетическое сокращение (-āy-ayyā > -āyē), так как ауслаут -āy-ayyā был бы труднопроизносимым. Некоторые авторы считают, что в восточном арамейском суффикс -ē, первоначально совместимый лишь с основами на -āy, обобщился для всех типов основ мужского рода и тем самым вытеснил суффикс -ayyā, однако убедительный механизм семантической аналогии, который мог бы привести к такому результату, не был предложен. Хронологически первое (изолированное) вхождение суффикса *-ē засвидетельствовано в притчах

Ахикара (рукопись V в. до н. э. из Элефантины в Египте): *ʕmm?* [ʕamamē] ‘народы’ (TAD C1.1:98, 189). Принято считать, что арамейский текст притч был создан в Месопотамии, так что его автором мог быть носитель восточноарамейского (в генеалогическом смысле) языка, писавший на литературном западноарамейском языке. В таком случае запись *ʕmm?* нужно считать ошибкой в пользу вернакуляра, ср. правильную имперско-арамейскую форму *ʕmm-ʕ?* в библейском арамейском. Формы множественного числа определенного статуса с суффиксом *-ē* недвусмысленно засвидетельствованы в арамейском заклинании, записанном аккадской силлабической клинописью (см. об этом документе ниже, в описании староарамейских памятников восточной ветви). Ср. некоторые из примеров множественного числа определенного статуса на **-ē* в этом тексте: *qu-da-am... ni-še-e ú-ma-a ga-ba-re-e* ‘перед... женщинами или мужчинами’. В I в. н. э. суффикс *-ē* хорошо засвидетельствован в арамейских текстах из Хатры и Эдессы, а также изредка в пальмирском корпусе, в целом ориентирующемся на ахеменидскую норму. Ср. следующие примеры из пальмирской эпиграфики: *mlk-?* ‘цари’, *ʕmd-?* ‘колонны’;

— глагол в индикативе префиксального спряжения имеет префикс 3-го лица единственного числа мужского рода и 3-го лица множественного числа **l-*, в отличие от общеарамейского **ʕ-*, унаследованного западным арамейским. Эта реконструкция основана на следующих фактах. Во всех дочерних языках, отделившихся от восточноарамейского, у соответствующих глагольных форм нет префикса *ʕ-*. В иудейском вавилонском арамейском и мандейском употребимы префиксы *l-* и *n-* без очевидного распределения. По некоторым оценкам, в иудейском вавилонском арамейском *l-* преобладает, а в мандейском, как показал Т. Нёльдеке, *n-* значительно более частотен, чем *l-*. По мнению Я. Барта, префикс *l-* в обоих языках употребляется преимущественно в волитивном («юссивном») значении, однако Т. Нёльдеке считает, что между *l-* и *n-* формами нет различия по признаку модальности. В классическом сирийском глагольный префикс *l-* не засвидетельствован, все упомянутые выше формы образуются посредством *n-*. В эпиграфических памятниках из Ашшура и Хатры, датируемых 44 г. до н. э. — 236 г. н. э., релевантные формы образуются исключительно с префиксом *l-*. Происхождение восточноарамейских префиксов *l-* и *n-* и причина того, что они заменили *ʕ-*, в истории исследования истолковывались по-разному. Я. Барт полагал, что префиксы *l-* и *n-* не связаны между собой, так как по его мнению они восходят к разным дейктическим частицам, заместившим исходный (прасемитский) префикс *ʕ-*. Это решение было поддержано К. Левиасом и К. Брокельманом. Позже стала более популярной гипотеза (выдвигавшаяся уже в 1896 г. Х. Гримме), согласно которой арамейский глагольный префикс *l-* имеет тот же диахронический источник, что и префикс *l-* в аккадском прекативе. В рамках этой гипотезы префикс *n-* в А.я. считается вторичным по отношению к *l-*, т. е. постулируется переход *l > n* в словоизменительной морфеме. Эта идея поддерживается и в настоящем описании. Более глубокая семитская этимология арамейского глагольного префикса *l-* представляет собой отдельную проблему. Дж. Хюнергард считает, что *l-* в аккадском и в А.я. является результатом грамматикализации прасемитской утвердительной частицы **la*, которая прошла независимо (и с разными результатами) в аккадском и арамейском. Так как контакт А.я. с аккадским вероятно был наиболее длительным и интенсивным в восточной части ареала распространения А.я., то неоднократно предполагалось, что префикс *l-* в восточноарамейском глаголе появился под влиянием аккадского *l-* прекатива. С точки зрения, принимаемой в настоящем описа-

нии, речь могла бы идти скорее о влиянии аккадского на общий предок самальского и праарамейского, представленный безымянным узлом на предложенном выше генеалогическом древе. Такое влияние возможно, однако при современном состоянии наших знаний его нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Можно лишь утверждать, что постулируемый для правосточноарамейского языка глагольный префикс индикатива **l-* этимологически связан с показателем прекатива в арамейской надписи из Телль-Фахарийе и в КАИ 214 (самальский язык). Вероятно, что восточноарамейский префикс *l-* в волитивном значении засвидетельствован и в арамейских личных именах, встречающихся в клинописных аккадских текстах VII–V вв., например *-lam-tu-ru* 'Пусть защитит!', *-la-ri-im* 'Пусть поднимет!', *-la-ah-zi* 'Пусть увидит!', *-la-di-in* 'Пусть судит!' (в качестве первых элементов этих антропонимов выступают имена божеств). От той же эпохи в клинописной передаче дошли арамейские антропонимы, имеющие форму юссива с префиксом *y-*, например *-ia-a-di-in* 'Пусть судит!'. Возможно, что они отражают ситуацию в западном арамейском, в котором сохранился прасемитский юссив 3-го лица мужского рода с префиксом *y-*. Предпринимались также попытки найти новые вхождения восточноарамейского *l*-прекатива в неясных или поврежденных местах КАИ 233 (письмо из Месопотамии, по содержанию датированное серединой VII в.) и клинописного заклинания из Урука, однако эти попытки остались неубедительными. Замена префикса **y-* префиксом **l-* в правосточноарамейском мотивирована семантически. Так как во всех древних А.я. в качестве главной формы настоящего времени употребляется предикативное причастие, а префиксальное спряжение, выполнявшее эту функцию в доарамейский период, в историческом арамейском вытеснено в область будущего времени и косвенной модальности, то модальная *l*-форма, факультативная в праарамейском (см. об этом ниже), в правосточноарамейском распространилась на все «неиндикативные» контексты и на семантическую сферу будущего времени, тем самым заменив собой унаследованную *y*-форму. Другими словами, замена префикса связана с тем, что префиксальное спряжение в целом стало ассоциироваться с семантикой косвенной модальности;

— в правосточноарамейском отсутствует элемент *-n-* (или *-nn-*), который появляется при присоединении объектных местоимений к префиксальным формам глагола в относящемся к западной ветви А.я. древнем арамейском, в ряде более поздних западноарамейских языков (например в ахеменидском и библейском арамейском), а также иудейском палестинском и таргуме Онкелос. Интересно, что в арамейских текстах первой половины I тыс. до н. э. графический *{-n-}* засвидетельствован лишь перед связанным местоимением 3-го лица единственного числа мужского рода, например *yqtl-n-h* 'он умертвит его' (G \sqrt{qtl} , КАИ 222 В:27) и *yhwn-n-h* '(никто не) будет угнетать его' (K \sqrt{wny} , КАИ 223 В:16), *yhns-n-h* '(всякий, кто) унесет его' (K \sqrt{nws} , КАИ 202 В:20). В дальнейшем его употребление в западных А.я. расширяется, так что в некоторых корпусах этот элемент, записываемый графемой *{-n-}* и произносимый в ряде случаев как /inna/, обязателен перед местоимениями, связанными с глаголами в префиксальном спряжении (см. ниже о библейском арамейском, а также статьи «Имперский арамейский язык» и «Иудейско-палестинский арамейский язык» в наст. издании). В ранних арамейских текстах и библейском арамейском предусуффиксальный /n/ сочетается лишь с индикативными по семантике формами префиксального спряжения (как правило, та же картина наблюдается и в древнееврейском), но в ахеменидском корпусе это правило не соблюдается: *?l nqtl-n-hy* 'Давайте не будем убивать его!' (TAD C1.1:61, при волитивном отрицании *?l*). С точки зрения генеалогической клас-

сификации А.я. на западную и восточную ветви существенно, что формы префиксального спряжения с /n/ или /np/ перед связанными местоимениями засвидетельствованы в амарнской переписке (см. статью «Ханаанейские языки» в наст. издании), в угаритском и древнееврейском (см. также статью «Семитские языки» в наст. издании о других языках, где появляется этот элемент). Семантика показателя /n/ и его этимология не получили убедительной интерпретации, однако тот факт, что он засвидетельствован перед связанными местоимениями в амарнском ханаанейском, угаритском и древнем арамейском, позволяет постулировать его существование и для праарамейского. В таком случае форма префиксального спряжения с «добавочным» /n/ была унаследована западной ветвью А.я. из праарамейского, но утрачена в восточной ветви;

— членная форма имени утратила семантику определенности, что привело к разрушению морфологической категории детерминации. Очевидно, что постулирование такого семантического сдвига для праязыка представляет собой сильное утверждение. Его можно обосновать тем, что морфологическая оппозиция членной и краткой форм существительного, выражающая категорию детерминации в западных А.я. I тыс. до н. э., не поддерживается уже в самых ранних доступных нам восточноарамейских корпусах, которые датируются рубежом христианской эры;

— посессивная предикативная конструкция **qaṭīl- l-* переходных глаголов приобрела активное результативно-перфектное значение, представленное в классическом сирийском, мандейском и вавилонском иудейском арамейском. В состав этой конструкции входит пассивное результативное причастие (**qaṭīl-* для G-породы), согласующееся в числе и роде с семантическим объектом, и агенс, вводимый предлогом *l-*: сир. *mšyḥ?*₁ *l?*₂ *ḥz?*₃ *l-*₄ 'я не видел Мессию', букв. 'Мессия₁ не₂ **увиден**₃ у меня₄', вавилонский иуд.-арам. *sbyr?*_{ж.р.} *l-hw* 'они думают (так)', букв. '(это) **считается**_{ж.р.} у них'. Результативная перифраза **qaṭīl- l-* впервые засвидетельствована эпизодически в V в. до н. э. в письмах, написанных на ахеменидском арамейском: *wkʿn tnh kn šmyʿ l-y* 'итак, вот что **я слышал** здесь (букв. 'услышано у меня')' (TAD A6.10:3), *kn šmyʿ l-n* 'вот что **мы слышали**' (TAD A3.3:13). Вероятно, этот факт следует оценивать как лексикализованное заимствование из восточного арамейского.

Следует иметь в виду, что почти все арамейские тексты, дошедшие до нас от I тыс. до н. э., представляют собой памятники западной ветви (исключение составляет клинописное заклинание и ранняя часть эпиграфического корпуса из Хатры). Это объясняется тем, что носители всех арамейских языков в первой половине I тыс. до н. э. пользовались для письменной коммуникации древним арамейским, а во второй половине I тыс. до н. э. — имперским арамейским; оба этих письменных языка относятся к западным А.я. Это обстоятельство затрудняет абсолютную датировку разделения А.я. на две ветви. Изолированные проявления восточных адстратных черт в ахеменидских текстах V в. (**-ē* в форме множественного числа определенного статуса и результативная перифраза **qaṭīl- l-*), а также *l-*прекатив в арамейской ономастике VII–V вв. указывают с некоторой вероятностью на то, что восточные А.я. отделились в первой четверти I тыс. до н. э., т. е. в тот период, от которого до нас дошли первые арамейские тексты.

Различия в базовой лексике между восточно- и западноарамейскими корпусами I тыс. н. э. не изучались систематически, сведения о них ограничиваются лишь отдельными наблюдениями в обзорных работах, поэтому на сегодняшний день лексические данные не могут быть использованы для обоснования разделения А.я. на две ветви и его датировки.

Термин «восточноарамейские языки» употребляется в настоящем описании исключительно в генеалогическом смысле: это языки, произошедшие от постулируемого общего предка — правосточноарамейского языка. Применительно к древним А.я. это означает, что восточными могут считаться лишь те А.я., которые имеют как минимум две наиболее наглядные морфологические инновации: кумулятивный суффикс множественного числа определенного статуса $-ē$ у имен и префикс $l/n-$ в префиксальном спряжении глагола (вторая инновация устойчиво коррелирует со способом присоединения к глагольным формам объектных местоимений: западный арамейский выбрал для своего индикатива «имперфекта» форму с признаками старого индикатива $y-S-n-rgop$, а восточный арамейский — старую волитивную форму $l-S-θ-rgop$, где S — основа префиксального спряжения с флективными суффиксами, а $rgop$ — связанное объектное местоимение). Древние западные А.я. сохранили во множественном числе имен праарамейскую форму суффиксированного определенного артикля $*-aʔ$ (западное именное окончание $*-aʔaʔ$ членится на два показателя — множественного числа и определенного статуса, из чего следует его первичность по отношению к восточному суффиксу $-ē$), а в глагольной флексии они сохранили префикс $y-$. Так как западные А.я. не имеют выразительных общих инноваций, противопоставляющих их восточным А.я., то в историческом плане их можно определить отрицательно — как то, что осталось после отделения восточной ветви. Единственной гипотетической общей инновацией западных А.я. можно считать утрату прекативного префикса $l-$, но из предыстории восточноарамейского $l-$ следует, что грамматическая нагрузка l -прекатива в праарамейском была невелика, так как он сосуществовал с y -юссивом, причем распределение этих двух форм установить невозможно (см. об этом также в обзоре истории префиксального спряжения в разделе 6.).

В арамейских текстах первой половины I тыс. до н. э. нет l -индикатива, а l -прекатив засвидетельствован только в надписи из Телль-Фахарийе (IX в. до н. э.), где в диагностических контекстах нет положительного y -юсвива (в отличие от самарского текста KA1 214, где встречаются обе волитивные формы). Из предлагаемых в настоящем описании критериев различия между восточными и западными А.я. следует, что в тексте из Телль-Фахарийе представлена ступень эволюции А.я. до их разделения на западную и восточную ветви: в этом тексте есть l -прекатив, y -индикатив и отрицательный y -юссив, а суффикс множественного числа определенного статуса имен мужского рода имеет вид $-aʔaʔ$: $mʔnyʔ$ [maʔnaʔaʔ] ‘сосуды’.

Следует иметь в виду, что префикс $l-$ в неволитивном значении впервые засвидетельствован эпиграфически не в восточноарамейских корпусах, а в западноарамейских текстах из Кумрана, записанных в II–I вв. до н. э.: в ряде случаев префиксальные формы глагола hwy ‘быть’ образуются в этих текстах с помощью префикса $l-$ вместо обычного западноарамейского префикса $y-$, например $lhwh$ и $lhwhʔ$ ‘он будет’, $lhwwn$ ‘они_{м.р.} будут’, $lhwyn$ ‘они_{ж.р.} будут’. В библейском арамейском корпусе (вероятно, IV–II вв. до н. э.) все релевантные формы глагола hwy образованы посредством $l-$. Эта искусственная орфография префиксальных форм глагола hwy была создана в еврейском религиозном сообществе в эпоху раннего иудаизма для того, чтобы в тексте не появлялись омонимы или паронимы имени божества $yhwh$. В свете данных о восточноарамейском глаголе представляется весьма вероятным, что префикс $l-$, употреблявшийся для этой цели, был заимствован из восточного арамейского.

Для понимания истории А.я. важно учитывать тот факт, что на протяжении более полутора тысячелетий (I тыс. до н. э. — большая часть I тыс. н. э.) А.я. восточной и

западной ветвей развивались в значительной степени параллельно, т. е. у них были важные общие языковые переживания в области фонологии и морфологии (см. об этом ниже; характеристика среднеарамейских языков и лингвистическое описание см. в разделе 6.). Немалое сходство в эволюции А.я. восточной и западной ветвей можно констатировать и для II тыс. н. э.

Ниже предлагается генеалогическая классификация А.я. в историческую эпоху, частично опирающаяся на идеи К. Байера в области периодизации мертвых А.я.

По Байеру, с т а р о а р а м е й с к и е языки делятся на восточную и западную ветви. К западной ветви относятся древний арамейский (*das Altaramäische*), имперский арамейский (*das Reichsaramäische*) и старый западноарамейский (*das Altwestaramäische*). Древний арамейский подразделяется на раннюю и позднюю ступени.

Р а н н и й д р е в н и й а р а м е й с к и й засвидетельствован немногочисленными и отчасти плохо сохранившимися эпиграфическими текстами IX–VIII вв., среди которых к лингвистически в той или иной степени информативным относятся лишь следующие: посвятельная надпись из Телль-Фахарийе в сирийской северной Месопотамии, на границе с Турцией (в дальнейшем TF), краткая надпись на пьедестале в Халафе (библейский Гозан в верховьях р. Хабур в Сирии; KAI 231), царские надписи из Зинджирли (KAI 216–218), фрагментарная краткая надпись на пластинке из слоновой кости из Арслан-Таша на юго-востоке Турции (KAI 232), краткая посвятельная надпись из района Алеппо (KAI 201), царская надпись из Афиса в Сирии, к югу от Алеппо (KAI 202), стелы с текстом межгосударственного договора из Сфире в районе Алеппо (KAI 222–224), царская надпись из Дана в Галилее (IEJ 45), краткая надпись сирийского царя Хазаэля (RA 83, IEJ 39), посвятельная надпись из Букана у оз. Урмия в иранском Азербайджане (IEJ 49, KAI 320). Грамматическое описание большей части корпуса (документов, известных к концу 1960-х гг.) принадлежит Р. Дегену.

В арамейской ретроспективе можно выделить следующие архаические черты раннего древнего арамейского, вскоре утраченные в ходе становления арамейского языкового типа:

— с большой вероятностью сохранялись отдельные рефлексy всех двадцати девяти прасемитских согласных (см. раздел 6.);

— этимологическая гортанная смычка /ʔ/ как элемент корневых и аффиксальных морфем как правило сохранялась во всех позициях, в частности в ауслауте слова и слога. Об этом свидетельствует в частности то, что буква {ʔ} не употреблялась для обозначения долгих гласных; так, отрицание **lā* 'нет' регулярно записывалось одной буквой {ʔ}, в отличие от других древних А.я., где **lā* записывается как *lʔ* и изредка как *lh*;

— сохранялись связанные объектные местоимения 3-го лица множественного числа, утраченные всеми более поздними А.я., например *thskr-hm* 'ты выдашь их' (KAI 224:2), *thšb-hm* 'ты вернешь их' (KAI 224:6). В KAI 233 (около 650 г.) в этой позиции впервые — и последовательно — употребляется автономное (вероятно клитизированное) местоимение, графически тождественное субъектной форме, например *yhb hmw l-y* 'Он отдал **их** мне' (девять вхождений в тексте);

— в префиксальном спряжении сохранялся словоизменяемый (так называемый «внутренний») пассив, утраченный в ахеменидском арамейском и других арамейских корпусах второй половины I тыс. до н. э. Ср. следующий пример: [...] *ygzr*₁ *ʔglʔ*₂ *znʔ*₃ *kn ygzr*₄ *mʔʔl w-ygzrn*₅ *rbwh* '[Подобно тому, как] **будет разрублен**₁ этот₃ теленок₂, так же **будет разрублен**₄ (в случае нарушения договора) Матизэль и **будут разрубле-**

ны₅ его вельможи' (КАИ 222 А:40). Орфография древнего арамейского в большинстве случаев не позволяет противопоставить пассив активу в префиксальном спряжении, однако нет сомнений в том, что между ними было морфологическое различие (вероятно, выражавшееся аблаутом). В раннем древнем арамейском имеется около десяти примеров внутреннего пассива (разной степени надежности), все они появляются в одном памятнике, договоре из Сфире. Интересно, что внутренний пассив суффиксального спряжения в корпусе не засвидетельствован (см. раздел 6.). Глаголы *l*-пород представлены шестью вхождениями, из них пять — в Сфире, и один — в Телль-Фахарийе, они имеют пассивное и детранзитивное значения: [yš]tht 'Пусть он будет опустошен!' (КАИ 222 А:32, √šht 'опустошать'), *l-ythzh yrq* '(больше) не покажется зелень' (КАИ 222 А:28, √hzy 'смотреть, видеть'), *mwt₁ šbt₂ zy nyrgl₃ ?l ygtzr₄ mn mth* 'Пусть чума₁, скипетр₂ Нергала₃, не удаляется₄ (букв. 'не будет отсечена') от его страны' (TF 23, √gZR 'отрубать');

— сохранялись архаичные беспрефиксальные инфинитивы G-породы. G-инфинитивы засвидетельствованы лишь в двух памятниках корпуса — в Сфире и Телль-Фахарийе, при этом в Телль-Фахарийе они всегда имеют инновационную форму с префиксом *m*-, как и во всех А.я. второй половины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Все четыре встречающиеся в Телль-Фахарийе инфинитива употребляются как обстоятельство цели и вводятся предлогом *l*-. *l-m?rk ywmwh* 'для продления его дней' (TF 7), *l-m?rk hūwh* 'для продления его жизни' (TF 14), *l-mld mrq mnh* 'чтобы устранить (= удалить) от него болезнь' (TF 9), *l-mšm? tšlwth* 'для слушания его молитвы (= чтобы его молитва была услышана)', *l-mlqh ?mrt pmh* 'чтобы получить речение его уст' (TF 10). Префиксальный *m*-инфинитив с предлогом *l*- однажды появляется и в Сфире: *l-mšlh yd* '(Он не имеет права) протянуть руку (к воде источника)' (КАИ 222 В:34). Однако в этом тексте есть по крайней мере два беспрефиксальных G-инфинитива, которые вводятся предлогами (в частности *l*-) и заполняют приглагольные синтаксические позиции: *hn [...]* *l-t?th b-hylk [...]* *l-šgb byty [...]* *l-šgb ?yt ?qru* 'Если [...] ты не придешь со своей армией [...], чтобы защитить мой дом [и если твой потомок не придет,] чтобы защитить моего потомка' (КАИ 222 В:31 сл.); *mn ld spry?* '(Он побойтся) устранить (= уничтожить) эти документы' (КАИ 223 С:6). Такие же управляемые предлогами G-инфинитивы иногда усматривают в двух следующих случаях: *b-š? lhm* '(Они будут ходить) в поисках пищи' (КАИ 222 А:24), *l-šlh* 'чтобы послать (весть)' (КАИ 224:8), однако оба этих пассажа трудны для понимания, поэтому для них были предложены и другие чтения, не предполагающие инфинитивов. Вокализм древнеарамейского беспрефиксального инфинитива G-породы неизвестен (но см. описание словообразования в разделе 6.);

— в стилистических целях при личной форме глагола мог использоваться беспредложный инфинитив того же глагола, не заполняющий валентность этой личной формы. Эти инфинитивы непосредственно предшествуют финитной форме. В настоящем описании они называются (вслед за Г. Гольденбергом) тавтологическими. Все известные примеры (от четырех до шести, в зависимости от толкования) происходят из Сфире, ср. единственное орфографически и лексически прозрачное вхождение для производной породы: *hskr thskr-hm b-ydy* 'Ты непременно должен будешь выдать их мне' (√skr, К-порода, КАИ 224:2). Принято считать, что тавтологические инфинитивы G-породы имели архаичную форму без префикса *m*- и, хотя все предлагаемые в литературе примеры из Сфире в том или ином отношении проблематичны, пассаж из текста VII в. *q[r]q qrqw* 'Они в самом деле сбежали' (КАИ 233:9) подтвер-

ждает справедливость этого мнения (см. ниже о позднем древнем арамейском). Тавтологический инфинитив неизвестен в А.я. второй половины I тыс. до н.э.; о типологически сходном употреблении стандартной формы инфинитива (но без предлога *l-*) в литературе на классическом сирийском языке см. статью «Классический сирийский язык» в наст. издании;

— единственное в арамейском корпусе первой половины I тыс. до н.э. прилагательное, определяющее существительное женского рода во множественном числе неопределенного статуса, имеет архаичный суффикс **-āt* вместо ожидаемого **-ān*: *mln*_{1ж.р.} *lhyt*₂ ‘дурные₂ слова_{1ж.р.}’ (КАИ 224:2). Несколько умозрительным объяснением этого факта может быть предположение, согласно которому в древнем арамейском (и в праарамейском?) инновационный показатель **-ān* сочетался лишь с существительными, но не с прилагательными.

Надпись из Телль-Фахарийе (ТФ), текст IX в. до н.э., являющийся древнейшим лингвистически информативным памятником арамейского языка, по ряду признаков стоит особняком в небольшом корпусе раннего древнего арамейского. ТФ имеет яркую орфографическую особенность — прасемитский согласный **ʕ* отражается в нем графемой {*s*}, в то время как в остальном корпусе **ʕ* записывается как {*š*}. Ср. например *hds* ‘новый’ (< **hdt*), *ʕsr* ‘богатство’ (< **ʕtr*). Вероятно, это следствие местной орфографической реформы, которая уменьшила полифонию знака {*š*}: в остальных арамейских памятниках IX–VIII вв. до н.э. буква {*š*} отражала прасемитские фонемы **š*, **š̄* и **ʕ*, которые в древнем арамейском были представлены различающимися между собой рефлексами. В ТФ графемы {*w*} и {*y*} применяются для обозначения долгих гласных в инлауте более последовательно, чем в Сфире, что вероятно также свидетельствует о наличии в Верхней Месопотамии местной орфографической нормы. Как упоминалось выше, одновременное присутствие в этом тексте *l*-прекатива и множественного числа существительного с суффиксом **-ayuaʔ* позволяет предположить, что по сочетанию этих признаков ТФ оказывается единственным известным нам текстом, который отражает арамейское языковое состояние до разделения А.я. на западную и восточную ветви (возможно, это жанрово обусловленная архаизация). Некоторые другие особенности ТФ тоже представляются архаизмами на фоне остальных ранних текстов. Так, единственный в ТФ глагол *t*-породы *?l ygtzr* ‘Пусть не удаляется!’ имеет инфикс /*t*/ вместо обычного во всех древних А.я. префикса, что составляет изоглоссу с угаритским и моавитским. В ТФ нет показателя прямого дополнения, в то время как в Сфире, Афисе (КАИ 202) и Букане встречается *nota accusativi* *?yt* (о ее употреблении с детерминированным прямым дополнением см. в разделе 6.). К инновационным чертам ТФ относится последовательное употребление G-инфинитива с префиксом *m-*, а также необычная синкопа /*h*/ в связанных местоимениях 3-го лица множественного числа, например *?lhn kl-m.*_{м.р.} ‘все боги’, букв. ‘боги — всё-их_{м.р.}’: во всех остальных арамейских памятниках I тыс. до н.э. это местоимение имеет орфографические формы *-hm*, *-hwm*, *-hn*, *-hwn*. Стоит также отметить, что ТФ — единственный арамейский текст IX–VIII вв., в котором регулярно употребляется аналитическая конструкция именной группы с предлогом *zy* (*nota genitivi*). В Сфире она появляется лишь однажды (*kl mlkyʔ zy šrty* ‘все цари моей округи’ в КАИ 224:7 сл.), в остальных текстах корпуса она не засвидетельствована.

На основании имеющегося (к сожалению, очень скудного) текстового материала приходится заключить, что в древнеарамейском корпусе представлены два литературных языка: язык арамейских царств западной Сирии (наиболее важные докумен-

ты — КАІ 202, 222-224 и надпись из Дана) и язык арамейского царства в Верхней Месопотамии (аккадско-арамейская билингва TF). Интересно, что западносирийский литературный язык засвидетельствован также текстами из нынешнего Зинджирли на юго-востоке Турции (КАІ 216–218), где разговорным языком первой трети I тыс. до н. э. был семитский «самальский» язык, и надписью из Букана в Иране (к востоку от семитского языкового ареала). Стандартные для монументальной эпиграфики древнего Ближнего Востока проклятия потенциальным злоумышленникам (например, разрушителям стелы) имеют в надписи из Букана форму у-юссивов, например *yšmw-h ?lhn* 'Пусть боги пошлют его (= это наказание)' (КАІ 320:3), что составляет изоглоссу с Сфире (КАІ 222–224) и отделяет надпись из Букана от TF с его *l*-прекативами. Арамейские памятники из Зинджирли датируют по историческим основаниям примерно 730 г., надпись из Букана принято датировать концом VIII в.

Поздний древний арамейский VII–VI вв. до н. э. представлен сравнительно небольшим корпусом. В него входят монументальные эпитафии из Нераба в районе Алеппо (начало VII в., КАІ 225–226), закон против неуплаты податей (каменный носитель, VII в., Hug 15, происхождение неизвестно, предположительно из Сирии), две надписи на бронзовых сосудах из Луристана (*Iranica Antiqua* 4), письмо политического содержания, написанное чернилами на остраконе и посланное из Вавилонии в Ашшур (около 650 г., КАІ 233). От последнего столетия новоассирийской империи до нас дошли также сотни арамейских правовых и административных текстов на глиняных табличках, которые свидетельствуют о регулярном использовании арамейского языка в деловой и административной сферах Ассирии. К опубликованным документам этого рода относятся четыре долговые расписки о ячмене и серебре из Ниневии (АЕСТ 9, 11, 13; Hug 19), восемь долговых расписок из Ашшура середины VII в. (АЕСТ 46–52, Hug 24), пять долговых расписок из Халафа (АЕСТ 53–57), арамейские резюме на новоассирийских купчих грамотах и долговых обязательствах, а также двуязычные аккадско-арамейские тексты того же характера (АЕСТ 1–6, 23, 28, 45), два документа купли-продажи рабов (Kwasman 2000), 24 купчие грамоты и долговые расписки из северной Месопотамии (Lemaître 2001), 61 арамейское резюме на новоассирийских правовых документах с городища Шех-Хамад (древний Дур-Катлимму) на нижнем Хабуре (Radner 2002), 19 купчих грамот и других частных правовых документов с городища Шуях-Фаукани на верхнем Евфрате в Сирии (Vachelot–Fales 2005). В Королевском музее Брюсселя хранится частный новоассирийский архив, содержащий 24 документа такого рода (частичная предварительная публикация представлена на сайте *The Comprehensive Aramaic Lexicon*). До сих пор не опубликованы около трехсот одноязычных арамейских правовых документов, найденных при раскопках городища Шех-Хамад; многие из них представляют собой краткие долговые расписки на треугольных табличках, часто употреблявшихся для записи таких текстов. Арамейские правовые документы на глиняных табличках выданы стилосом либо написаны чернилами. Они, как правило, очень кратки и составлены по жанровым формулярам, поэтому их языковая информативность невелика, несмотря на сравнительно большое количество текстов.

Из Египта до нас дошли два фрагмента папирусных документов VII в., представляющие собой квитанции о выдаче серебра и некоей жидкости, вероятно масла или вина (Hug 29–30), договор об аренде поля (TAD B1.1, датирован 515 г., это древнейший датированный арамейский документ на папирусе), а также фрагмент письма на папирусе некоего палестинского правителя к фараону (конец VII в., КАІ 266). Вслед

за К. Байером и его учеником Ф. Хугом, к позднему этапу древнего арамейского часто относят также язык ряда документов на папирусе, происходящих из Египта и написанных на рубеже VI–V вв. Среди этих документов лингвистически наиболее интересен архив, состоящий из восьми частных писем на папирусе: они были написаны в Мемфисе и адресованы в Асуан, но найдены в Гермополе (TAD A2.17). Однако принадлежность языка писем из Гермополя к древнему арамейскому сомнительна: вопреки ранней абсолютной датировке, эти письма обнаруживают ряд типологически поздних особенностей, не свойственных древнему арамейскому (см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании), поэтому их скорее следует считать свидетельством об интерференции между ахеменидской письменной нормой и живым диалектом авторов.

Таким образом, арамейские тексты VII–VI вв. происходят из Сирии и Палестины, Месопотамии и Египта. Этот корпус, грамматическое описание которого принадлежит Ф. Хугу, выделяется скорее по экстралингвистическим критериям. В языковом отношении он мало отличается от ранних царских надписей. Новизна ситуации по сравнению с предыдущим периодом состоит преимущественно в том, что с середины VIII в. разновидность древнего арамейского, преемственная по отношению к западносирийскому арамейскому литературному языку IX–VIII вв., стала письменным языком в новоассирийской империи, а затем и в нововавилонской империи, а также языком международного общения на всем Ближнем Востоке, хотя главным официальным языком обеих империй оставался аккадский. Историческое развитие, в результате которого арамейский стал использоваться в публичной сфере наряду с аккадским, не прослеживается во всех деталях, так как из дошедших до нас источников трудно извлечь сведения о динамике языковой ситуации и о языковой политике в Месопотамии. Как отмечалось выше (см. раздел 2.), есть основания предполагать, что уже к концу VIII в. арамейский был родным языком значительной (возможно, большей) части населения Ассирийской империи. Многие члены верхушки ассирийского общества имели арамейские имена. Так, жена Синаххериба и мать ассирийских царей Асархаддона (680–669) и Ашшурбанапала (668–627) в источниках называется западносемитским (вероятно, арамейским) именем *naqiʾa* ‘чистая’, а также его аккадским эквивалентом *zakūtu*. Процесс, в ходе которого месопотамское общество усваивало арамейский язык и культуру, принято называть «араменеизацией Ассирии». Исследователь новоассирийской эпохи С. Парпола, подытоживая результаты ряда работ на эту тему, допускает, что уже к середине VIII в. арамейский приобрел в ассирийской империи статус лингва франка, и с этого времени арамейский язык и алфавитное письмо стали использоваться в административных целях.

Единственным источником сведений о разговорных арамейских диалектах этой эпохи является орфографическое варьирование в корпусе. Прасемитские межзубные отражаются на письме в целом так же, как и в предыдущий период, т. е. $*t = \{s\}$, $*d = \{z\}$, $*t = \{s\}$. Однако прасемитский $*t$ изредка записывается как $\{t\}$, например *tql* (TAD B1.1:13), в отличие от обычного в корпусе написания *šql* ‘сикль’, *yhtb* ‘Пусть он вернет!’ ($\sqrt{*t}wb$, KAI 233:11); прасемитский $*d$ иногда записывается как $\{d\}$, например *?hdwhy* ‘они взяли его’ ($\sqrt{*?}hd$, Hug 15:8). На основании такого рода фактов можно заключить, что в эту эпоху в живых арамейских диалектах межзубные уже перешли в зубные смычные (см. также статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании об орфографической передаче рефлексов прасемитских межзубных в ахеменидском арамейском). Прасемитский $*š$ отражается в корпусе как $\{q\}$, исключение

составляет варьирование $?rq/?rʕ$ при записи слова ‘земля’ в документах из Дур-Катлимму.

В корпусе дважды встречаются тавтологические беспрефиксальные инфинитивы G-породы: $q[r]q qrqw$ ‘они в самом деле сбежали’ (КАИ 233:9), $hwm ?thmw$ ‘Они пришли в сильное замешательство’ (КАИ 226:6; беспрефиксальное имя действия при личной форме t-породы). Инфинитивы G-породы, занимающие валентности личных форм глагола, имеют префикс *m-*, например $ntnt lk hqly... l-mzrʕ$ ‘Я передаю тебе мое поле [...] для посева’ (ТАД В1.1: 2 сл.).

В текстах из Месопотамии *zu* нередко употребляется как *nota genitivi*, например $ʕʕrn zu br mlkʕ$ ‘ячмень царевича’, $ksp zu PN$ ‘серебро имярека’. Изредка встречается предложная группа с *zu* без вершинного имени: $zu byt ?dn$ ‘обитатели Байт-Адина’ (КАИ 233:14). Такое употребление *zu* нехарактерно для более поздних А.я.

В письме из Ашшура в поврежденном контексте засвидетельствован показатель прямого дополнения $?yt: ?yt-hm$ ‘их_{акк.}’ (КАИ 233:6). В отличие от ахеменидского арамейского, в корпусе VII–VI вв. нет надежных вхождений *l-* для маркирования прямого дополнения. Приглагольное связанное объектное местоимение *-hm* ‘их’ в корпусе не засвидетельствовано. Как упоминалось выше, в КАИ 233 в этой синтаксической позиции употребляется субъектная форма hmw ‘они’.

В качестве дейктического местоимения ‘эти’ употребляется $?lh$, как в ахеменидском арамейском и в отличие от $?l/?ln$ в текстах IX–VIII вв.

И м п е р с к и й а р а м е й с к и й делится на ахеменидский (см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании) и постахеменидский. Лингвистические различия между разными манифестациями этого литературного языка объясняются главным образом тем, что разговорные арамейские диалекты Передней Азии влияли на постахеменидский имперский арамейский сильнее, чем на ахеменидский, так как после падения Ахеменидской империи публичный статус арамейского языка на Ближнем Востоке понизился. К постахеменидскому имперскому арамейскому относятся следующие корпуса.

Б и б л е й с к и й а р а м е й с к и й: Esr 4:8–6:18; 7:12–26; Da 2:4b–7:28; Gn 31:47; Jer 10:11. Это единственный арамейский корпус I тыс. до н. э., дошедший до нас в составе письменного предания. По объему он сопоставим с арамейским корпусом Ахеменидской эпохи. В библеистике не сложилось общепринятого мнения относительно того, восходят ли арамейские документы из книги Ездры (указ Артаксеркса и официальная переписка) к подлинным ахеменидским прототипам V в. или речь идет о литературном тексте эллинистической эпохи, воспроизводящем формуляр и стиль ахеменидских документов. Из содержания арамейской части книги Даниила следует, что она была написана после 170 г., но до 164 г. до н. э. Лучшим среди многочисленных описаний библейского арамейского остается грамматика Х. Бауэра и П. Леандера.

Орфография библейского арамейского несколько отличается от ахеменидской: последовательный характер различий позволяет предполагать, что они представляют собой результат реформы, приблизившей орфографию к живому произношению. Реформа затронула отражения $*d$ и $*ʕ$, которые регулярно записываются графемами $\{d\}$ и $\{ʕ\}$ соответственно, например dhb ‘золото’, $ʕmr$ ‘шерсть’. Единственное исключение составляет знаменитый пассаж Jer 10:11, где у слова ‘земля’ засвидетельствована двойная орфография: $?rqʕ$ и $?rʕʕ$. В остальном колебания наблюдаются лишь в записи $*ʕ$: преобладает историческая орфография (т. е. $\{ʕ\}$), например $ʕbyʕ$ ‘старейшины’, однако изредка появляется $\{s\}$, например $str-h$ ‘он разрушил его’ ($\sqrt{*ʕtr}$, Esr 5:12). Та-

ким образом, в библейском арамейском историческая орфография уцелела лишь для *š, причины этого неясны (см. также 2.1.1. в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Более последовательно, чем в ахеменидских текстах, используются *matres lectionis* для передачи долгих гласных в инлауте, в частности именной суффикс множественного числа *-īn регулярно записывается как -yn.

Слово 'ты_{м.р.}' в большинстве случаев записано как ?nth, в отличие от древнеарамейского ?t и ахеменидского ?nt: вероятно, буква h передает конечный заударный -*ā, не обозначавшийся в этом случае более ранними арамейскими орфографиями. В библейском арамейском, в отличие от ахеменидского, префиксальные формы глагола ydʿ 'знать' регулярно записываются с буквой {n} в позиции второго радикала, например *mdʿ* [tiddaʿ] 'ты узнаешь'. Этот факт свидетельствует о том, что употребление {n} для обозначения геминации согласного расширилось по сравнению с V в. (см. также ниже об орфографии текстов из Хатры и Ашшура, в отличие от классического мандейского).

В качестве показателя прямого дополнения в библейском арамейском используется предлог l-, как и в ахеменидском. В обоих корпусах такие прямые дополнения имеют в контексте положительное значение определенности и обычно обозначают лиц. Однажды в этой функции появляется предлог yt, представляющий собой редуцированный вариант древнеарамейской формы ?yt [*?iyuāt³]: *mnyt yt-hwn* 'Ты назначил их' (Да 3:12).

Объектные местоимения регулярно присоединяются к индикативным формам префиксального спряжения посредством -n-, ср. например *ydhl-n-ny* 'Он пугает меня', *yšzb-n-k* 'Он спасет тебя'. К юссивным формам связанные местоимения всегда присоединяются без -n- (в отличие от ахеменидского): ?l *yhbl-k* 'Пусть он не смущает тебя!'.³

В значении 'эти' (общий род) в библейском арамейском дважды встречается ахеменидская форма ?lh (Jr 10:11; Esr 5:15) и пять раз — ?lyn/?ln, что составляет изоглоссу с древнеарамейским ?ln.

Библейский арамейский обнаруживает отличия от ахеменидского в области морфологической семантики глагола. Значение будущего времени кодируется не только префиксальным спряжением, как в ахеменидском арамейском, но и предикативным причастием, например *w-lk tʿrdyn mn ?nš?* 'а тебя **изгонят** из рода человеческого' (Да 4:22). Перформативное значение регулярно выражается предикативным причастием, например *l-k ?lh ?bht-y mhd?*_{прич.} *w-mšbh?*_{прич.} *?nh* 'Тебя, бога моих отцов, я **благодарю**_{прич.} и **прославляю**_{прич.}' (Да 2:23), *mhwdfyn?*_{прич.} *?nhn?l-mlk?* 'Мы **сообщаем**_{прич.} (тебе) царю' (Esr 4:16), между тем как в ахеменидском в этой функции используется суффиксальное спряжение (претерит), например *brkt?*_{прет.} *-ky l-ptḥ* 'Я **благословляю**_{прет.} тебя перед (богом) Птахом' (TAD A2.1:2).

Симптоматично, что обе эти черты, т. е. кодирование значений будущего и перформатива, образуют изоглоссы между библейским арамейским и литературными арамейскими языками середины I тыс. христианской эры (в частности, классическим сирийским). На основании такого рода фактов можно предполагать, что некоторые специфические признаки, присущие среднеарамейским литературным языкам, в устных А.я. появились уже в раннеэллинистический период.

В повествованиях книги Даниила предикативные причастия иногда употребляются и в функции нарративных «цепочных» предикатов, грамматическая интерпретация которых задается претеритом (основной повествовательной формой) в его качестве начального звена цепочки: *w-nbwkdnsr mlk? šlh?*_{прет.} *l-mknš* <...> *bʿdyn mtknšyn?*_{прич.}

<...> *w-qʔmyn*_{прич.} ‘И царь Навуходоносор приказал_{прет.} собрать <разных сановников>, и затем <эти сановники> собрались_{прич.} и встали_{прич.}...’ (Да 3:2сл.). Такое употребление причастия в качестве нарративной формы не засвидетельствовано в других памятниках имперского арамейского. Интересно, что эта черта появляется также в литературе на классическом мандейском.

Х а с м о н е й с к и й, письменный язык Иерусалима и Иудеи в период независимости Иудеи при Хасмонеях (142–37 гг. до н. э.). В собственно хасмонейский период он представлен текстами религиозного содержания из Кумрана, в частности знаменитым переложением библейской книги Бытия в виде рассказов от лица главных персонажей (Genesis Arosurphon), а также надгробной надписью и легендами на монетах (датированы 83 и 78 гг. до н. э.). На этом же литературном диалекте составлены десятки документов частного права на папирусе, найденные в пещерах Иудейской пустыни. Некоторые из них написаны в I в. н. э. (до поражения восстания евреев против Рима), другие — во время восстания Бар-Кохбы (132–135 гг. н. э.). Этот диалект обладает следующими особенностями. После конечных *matres lectionis* {*h*}, {*w*}, {*y*} нередко пишется непронизносимая буква {*ʔ*}, например *šbwʔ* ‘они увели в плен’ (GenAp 22:10). Рефлекс относительного местоимения **dū* иногда записывается как *zu*, что указывает на стремление следовать ахеменидской орфографии. Рефлекс **š* записывался как {*š*} и как {*s*}. В значении ‘этот’ употребляется местоимение *dn*, в отличие от ахеменидского *znh/dnh* и библейского арамейского *dnh*. В значении ‘эти’ употребляется *ʔlyn/ʔln*, как в древнем арамейском. Хасмонейский обнаруживает древнюю форму женского рода с суффиксом **-ā* в 3-м лице множественного числа суффиксального спряжения, например *hʔ ʔšr šmyn*_{мн. ч. ж. р.} *šlm-ʔ*_{мн. ч. ж. р.} ‘вот, исполнилось_{мн. ч. ж. р.} десять лет_{мн. ч. ж. р.}’ (GenAp 22:28). Ахеменидский и библейский арамейский имеют в этой позиции парадигмы единую форму с суффиксом **-ū* для обоих родов (см. 1.2.1. в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании). В качестве *nota accusativi* употребляются *yt* и *l-*: *w-ʔlhʔ brk yt ʔywb* ‘И бог благословил Иова’ (ATTM 298, 42:12), *ʔnwš ʔtw... l-mʔqr l-ʔrzʔ* ‘Пришли люди... чтобы вырвать с корнем этот кедр’ (ATTM 172, A 19:15).

Я з ы к о ф и ц и а л ь н ы х т а р г у м о в Пятикнижия (Онкелос) и Пророков (Ионатан). С III в. н. э. евреи Вавилонии использовали эти таргумы в синагогальной литургии. Их высокий статус в вавилонской еврейской общине привел к стандартизации консонантного текста, а в дальнейшем и к его филологической обработке: в конце I тыс. н. э. текст обоих таргумов был снабжен вавилонской надстрочной огласовкой и текстуальным аппаратом. Согласно господствующей точке зрения, восходящей в конечном итоге к работам Т. Нёльдеке 60-х гг. XIX в., таргумы Онкелос и Ионатан написаны на западном арамейском, но некоторые особенности их консонантного текста объясняются влиянием восточного арамейского диалекта, который был родным языком евреев Вавилонии. К. Байер слегка модифицировал это воззрение: первоначальный текст таргума Онкелос-Ионатан был написан на хасмонейском арамейском, а затем его орфография, фонология и отчасти морфология испытали восточноарамейское влияние. Так, **š* последовательно записывался как {*s*}; **ē* в ауслауте футурума глаголов с корнем *R₃y* записывался буквой {*y*} вместо ахеменидских {*h*} или {*ʔ*}, например *tbky* ‘она заплачет’; в инлауте в открытом слоге произошел переход **áy* > *á*, например **banáy-kī* > *banákī* ‘твой_{ж. р.} сыновья’ (записывается *bnky* в м. ожидаемого по этимологии *bnky*); наряду с именным суффиксом множественного числа *-auūā* иногда появляется *-ē*; членная форма существительных нередко употреб-

ляется в неопределенном или нереферентном значении; в качестве волитивного отрицания вместо *?al* употребляется *lā*. Предлог прямого дополнения *ut* регулярно используется в официальных таргумах как калька древнееврейского *?et*, однако иногда в той же функции появляется предлог *l-*, например *dhqyn l-hwn* 'они угнетают **их**'. Так возник искусственный язык, к памятникам которого К. Байер относит также трактат Вавилонского Талмуда «Недарим» («Обеты») и постановления гаонов, религиозных лидеров еврейской общины Вавилонии (VII–XI вв. н. э.). Согласно традиционной точке зрения, эти нетаргумические тексты составляют архаизирующий пласт иудейского вавилонского арамейского (см. ниже).

Во второй половине XX в. в качестве стандартного академического издания всего таргума Онкелос-Ионатан использовался труд А. Спербера, однако в последние десятилетия появились новые издания этого корпуса, в частности электронное издание на сайте проекта *The Comprehensive Aramaic Lexicon*, которым руководит С. Кауфман. Единственным полным описанием фонологии и морфологии официальных таргумов остается «Грамматика иудейского палестинского арамейского» Г. Дальмана: в этой работе параллельно (т. е. с разделением корпусов) описываются язык таргума Онкелос-Ионатан, язык Палестинского Талмуда и ряда таргумов из Палестины.

Я з ы к г а л и л е й с к и х т а р г у м о в (см. статью «Иудейско-палестинский арамейский язык» в наст. издании). К. Байер называет этот диалект «галилейским таргумическим» и считает, что его лингвистически наиболее выразительным свидетельством являются фрагментарные рукописи VIII–XI вв. н. э. из Каирской генизы. Этот литературный диалект представляет собой, по Байеру, результат смешения хасмонейского с подлинным галилейским арамейским. После подавления восстания Бар-Кохбы (135 г. н. э.) религиозный центр палестинской еврейской общины переместился из Иудеи в Галилею, и там написанный на хасмонейском арамейском таргум (вероятно, тот же самый, который был прототипом таргума Онкелос-Ионатан) приобрел галилейские языковые черты. Стандартное издание таргумических фрагментов из Каирской генизы принадлежит М. Клейну, его грамматическое описание выполнено С. Фасбергом.

Н а б а т е й с к и й, письменный язык арабского Набатейского царства (II в. до н. э.—106 г. н. э.), ядро которого находилось в исторической области Эдом (между Мертвым морем и зал. Акаба), со столицей в Петре (территория совр. Иордании). Вероятно, что разговорными языками большей части жителей Набатейского царства были арабские диалекты, однако в качестве письменного языка они пользовались имперским арамейским. Набатейский язык засвидетельствован эпиграфическими текстами; они записаны своеобразным полукурсивом, от которого, как принято считать, происходит внешняя форма стандартного арабского письма. Опубликовано около тысячи посвященных и надгробных набатейских надписей, найденных в Петре, а также на северо-западе Аравийского п-ова (в Северном Хиджазе) и на юге Сирии (в области Хауран, которая некоторое время находилась под контролем Набатейского царства). На Синайском п-ове обнаружено около трех тысяч наскальных набатейских граффити, в большинстве случаев очень кратких и содержательно стереотипных, например *dkur PN* '(пусть будет) помянут имярек'. Все граффити датируются периодом после 106 г. н. э., когда Набатейя утратила независимость и стала римской провинцией *Arabia Petraea*. Лучшее, хотя несколько устаревшее в интерпретации фактов, пособие по набатейскому — двухтомный труд французского лингвиста Ж. Кантино, включающий описание корпуса, грамматику, хрестоматию и словарь.

Синайским граффити посвящена монография А.Г. Грушевого «Синайские набатейские надписи как исторический источник».

В некоторых отношениях набатейский сохранил ахеменидскую норму в более чистом виде, чем хасмонейский. Вероятно, это связано с тем, что набатейский не испытывал адстратного влияния со стороны арамейских вернакуляров той эпохи. В арамейских словах *š обычно записывается как {š}, например ʔšr 'десять', šydʔ 'известь'. Относительное местоимение имеет двойную орфографию: dy и (реже) zy. В значении 'этот' употребляется ахеменидская форма dnh/znh, в отличие от хасмонейского dn. В значении 'эти' (общий род) регулярно употребляется ʔlh, подобно ахеменидскому и в отличие от других разновидностей имперского арамейского, современных набатейскому. С подлежащими женского рода множественного числа используется форма претерита с суффиксом *-ū, как в ахеменидском и в консонантном библейском арамейском тексте, например ʔbd-w 'они (женщины) сделали'. В префиксальном спряжении, в отличие от ахеменидского арамейского, в юссивном значении появляются «долгие» формы 3-го лица множественного числа мужского рода (с конечным -n), в качестве волитивного отрицания употребляется lā (?al не засвидетельствовано), ср. например lʔ yzbnwn₁ w-lʔymšknwn₂ w-l ʔyʔyrwn₃ mn wgrʔ₄ dnh₅ 'пусть они не продают₁ этот₃ склеп₄, и не отдадут (его) в залог₂, и не изменяют₃ (его)' (CIS II 205:7 сл.). В набатейском предлог l- не употребляется как nota accusativi; в этой функции появляется показатель yt, засвидетельствованный в корпусе лишь при местоименных дополнениях, например mn dy ynpq yt-hm 'всякий, кто вынесет их'.

В набатейском корпусе имеется не менее пятнадцати слов, с большой степенью вероятности заимствованных из арабских и (или) из североаравийских диалектов. Арабизмы встречаются преимущественно в эпитафиях, чем определяется их семантика: kprʔ 'могила' (ср. араб. kafir-), ʔyr 'заменить (о надгробной надписи)' (ср. араб. yaʔyara), lʔn 'проклинать (разорителя гробницы)' (ср. араб. laʔana). Следует отметить также политический термин *šrkh 'союз, объединение', засвидетельствованный например в сочетании šrkt tmwdw 'союз самудских кланов' и представляющий собой заимствование арабского отглагольного существительного с корнем šrk (< *šrk) 'быть участником, товарищем'. М. Макдональд, опираясь на анализ семантики арабизмов в набатейском, а также на тот факт, что набатейский использовался в неформальных граффити, осторожно предполагает, что арамейский мог быть родным языком у части авторов корпуса.

В корпусе встречается также около десятка существительных, заимствованных из греческого, это военно-административные и архитектурные термины, например hprkʔ 'начальник конницы' (< греч. ἵπταρχος), nws 'храм' (< греч. ναός).

П а л ь м и р с к и й, письменный язык г. Пальмира в северной части Сирийской пустыни. Засвидетельствован эпиграфическими текстами 44 г. до н. э. — 272 г. н. э. На протяжении почти всего этого времени Пальмира находилась в той или иной форме под контролем Рима. Лингвистически наиболее информативным памятником пальмирского является арамейская версия двуязычного (арамейско-греческого) Пальмирского пошлинного тарифа, датированного 18 апреля 137 г. н. э. (хранится в Эрмитаже). Высеченный на каменной плите арамейский текст содержит 163 строки, это самый пространственный дошедший до нас эпиграфический документ на северо-западном семитском языке. Найдено также свыше тысячи кратких посвященных и надгробных надписей на пальмирском диалекте. Палеографически пальмирская эпиграфика выделяется своеобразной формой знаков. Принято считать, что от курсивно-

го варианта пальмирского письма происходит сирийский шрифт эстрангела. Последнее издание корпуса (1996) осуществлено Д. Хиллерсом и Э. Куссини (в нем есть детализированный словарь, но нет перевода). Грамматические описания корпуса выполнены Ж. Кантино и Ф. Розенталем.

Языковая ситуация в Пальмире не вполне ясна. Возможно, что у части жителей Пальмиры родным языком был арабский, как и у кочевников окружавшей город Сирийской пустыни. Исследователи отождествляют в пальмирском корпусе от 10 до 23 лексических арабизмов, преимущественно в культурной лексике. Ср., например *gbl* (CIS II 3923) в сочетании *gbl tdmry*, которое обычно понимается как '(городской) совет Пальмиры' (этимом *gbl* принято считать раннеарабское **gibill*- 'толпа, собрание людей'). Арабские элементы хорошо засвидетельствованы и в пальмирской ономастике. Тот факт, что в текстах встречается восточноарамейская форма множественного числа определенного статуса имен на *-ē* (наряду с более частотной западной формой), вероятно указывает на то, что в Пальмире был распространен и устный восточноарамейский диалект, письменные памятники которого до нас не дошли.

К специфически имперско-арамейским особенностям письменного языка Пальмиры в области морфологии относится единая форма 3-го лица множественного числа суффиксального спряжения: *ʔbydn*_{1ж.р.} *šgyn*₂ *hybn*₃ *mks*₄ *lʔ* *ʔsq-w*₅ 'Многочисленные₂ товары_{1ж.р.}, подлежащие₃ обложению₄, не были включены₅ (в закон о пошлинах)' (CIS II 3913 I 4-5). Ассимилированный /n/ часто не выписывается, ср. например *mdytʔ* 'город_{опр.}' (CIS II 3913 II 57) vs. *mdyntʔ* в ахеменидском и библейском арамейском. Синтаксический маркер прямого дополнения засвидетельствован лишь однажды, он имеет форму *yt: kdy ʔty lkʔ yt lgyntʔ* 'когда он привел сюда легионы' (CIS III 22:4). Ко времени создания корпуса устный арамейский диалект Пальмиры утратил долгие безударные гласные в словесном аусллауте. На это указывают фонетические (орфографически ошибочные) записи, например *ʔqym* (наряду с более частотной *ʔqymw*) 'они установили', *nht* 'они спустились', *bnw* вм. *bnwly* 'его сыновья'.

По подсчету Ж. Кантино, в корпусе засвидетельствовано 46 нарицательных существительных, заимствованных из греческого, официального языка восточной части Римской империи.

Представителем пост-имперскоарамейской разновидности староарамейских языков западной ветви следует считать стары й западно ара мей ский (нем. *das Altwestaramäische*), засвидетельствованный преимущественно письменными памятниками рубежа христианской эры из Палестины. Старый западноарамейский отделяется в классификации Байера от современного ему хасмонейского извода имперского арамейского по ряду признаков. В частности, суффикс определенного статуса имени *-ā* последовательно записывается как {*h*} (в отличие от {*ʔ*} имперской орфографии), **š* записывается как {*s*}, ассимилированный /n/ не обозначается на письме. В интервокальном положении /y/ переходит в гортанную смычку /ʔ/, ср. например *ʔhzyʔny* [ʔahziʔani] 'он показал мне'. В качестве *nota accusativi* последовательно используется *yt*, отсутствующий в ахеменидском арамейском. В письмах основная часть сообщения вводится союзом *d(y)* 'что', в отличие от имперского *kʔn* или *kʔ(n)t* 'итак', букв. 'сейчас'. Согласно К. Байеру, эти особенности указывают на возникновение во II в. до н. э. нового письменного языка, который (в отличие от хасмонейского) не был продолжением имперского арамейского, разбавленным адстратными чертами: непосредственной разговорной основой старого западноарамейского был диалект-предок среднеарамейского иудейского палестинского, т. е. языка Пале-

стинского Талмуда и мидрашей (по Байеру, язык всех палестинских таргумов, напротив, продолжает имперскую нормативную традицию).

К лингвистически информативной части корпуса старого западноарамейского относятся преимущественно следующие памятники: рукопись апокрифа Еноха из Кумрана, датируемая концом II в. до н. э.; надписи на оссуариях и эпитафии из Палестины (последняя треть I в. до н. э. — 70 г. н. э.), письма Симеона Бар-Кохбы (134–135 гг. н. э.), Мегиллат Таанит («Свиток о постах») — календарный текст, обычно датируемый годами Иудейской войны (67–70 гг. н. э.); письма и высказывания еврейских религиозных лидеров I в. до н. э. — I в. н. э., вошедшие в раввинистический канон. Весь этот корпус был переиздан К. Байером.

Как уже упоминалось, самым ранним памятником восточной ветви староарамейского вероятно следует считать клинописное арамейское заклинание, до сих пор единственный известный арамейский документ, записанный силлабической клинописью. Его прорисовка была впервые опубликована Ф. Тюро-Данженом в 1922 г. (TCL 6, 58). Табличка с текстом была приобретена у торговца антиквариатом, поэтому ее происхождение неизвестно. Широко распространено мнение, согласно которому табличка была найдена при нелегальных раскопках в Уруке, однако оно основано скорее на общих соображениях. М. Геллер, последний из многочисленных интерпретаторов этого документа, полагает, что по палеографии (разновидности нововавилонского курсива) этот текст может быть датирован концом Ахеменидской или Селевкидской эпохой. Другие критерии для датировки, к сожалению, не найдены. В арамеистике принято условно датировать этот текст серединой II в. до н. э. и называть его «заклинанием из Урука» (собственно, на этой табличке записаны шаблоны двух заклинаний: вместо имени адресата магических действий стоит слово *pi-la-nu* 'имярек'). В TCL 6, 58 хорошо засвидетельствована одна из двух морфологических инноваций восточного арамейского — форма определенного статуса множественного числа с суффиксом *-ē*, между тем как форм с суффиксом *-ayuū* в этом тексте, по-видимому, нет. В заклинаниях нет форм префиксального спряжения, поэтому их облик в этом диалекте неизвестен. Предлог *ʔal* 'на, к' записан в этом тексте слоговым знаком AL: *al pi-la-nu* 'к имяреку', а также знаком A: *a-ba-ba-aʔ* 'на ворота'. Второй алломорф образует изоглоссу с вавилонским иудейским арамейским, где предлог *ʔal* регулярно записывается буквой {ʔ}, ср., например *ʔ-bby* 'у моих ворот'. Рефлекс **š* записывается знаками серии ŠV, например *šá-am-lat* 'платье_{сопр.}', *na-šá-a-a-tú* 'я взял'. Как следует из значительных расхождений в интерпретациях буквального смысла этого текста, он понят недостаточно, поэтому его значение как раннего свидетельства о восточном арамейском, к сожалению, невелико.

К восточной ветви староарамейского относятся, кроме того, старосирийский и восточномесопотамский литературные языки.

С т а р о с и р и й с к и й — официальный язык северномесопотамского царства Осроэна со столицей в Эдессе (см. статью «Классический сирийский язык» в наст. издании). Корпус включает около сотни эпиграфических текстов (мозаика, надписи на камне и металле, остраконы), а также три частноправовых документа на пергамене. Самый ранний из датированных текстов написан в 6 г. н. э., документы на пергамене датированы 240–243 гг. н. э. Анализ орфографии с точки зрения исторической грамматики А.я. показывает, что орфографическая норма старосирийского была разработана в последней трети II в. до н. э., вскоре после возникновения царства Осроэна. До создания письменности на основе разговорного диалекта Эдессы литератур-

ным языком на северо-западе Месопотамии был греческий, поэтому переход на арамейский следует интерпретировать как арамейскую культурную реакцию против эллинизма.

Старосирийские тексты были созданы в будущем центре восточноарамейского христианства и записаны разновидностями курсива, близкими к сирийским шрифтам эстрангела и серто. В графике и орфографии есть ряд особенностей, указывающих на реликтовую преемственность с имперским арамейским, который вероятно был литературным языком этого региона в доэллинистический период. Так, /d/ и /r/ записывались одним и тем же знаком: это связано с тем, что ахеменидский курсив почти не различал начертаний букв {d} и {r} (в классическом сирийском письме графемы {d} и {r} были противопоставлены вторично за счет нижней и верхней диакритических точек). Имитацией имперско-арамейской орфографии следует считать передачу рефлекса *š графемой š, например ʿšr ‘десять’, šhd ‘свидетельствовать’, šm ‘поместить’ (два раза; однажды встречается запись sm). В датированных текстах I–II вв. н. э. регулярно употребляется глагольный префикс y-: это наиболее яркое свидетельство об архаизирующей ориентации нормы на имперский арамейский. Префикс n- появляется в двух недатированных надписях и в пергаменах III в. Можно допустить, что эти изоглоссы разделяют корпус на две части, хронологический рубеж между которыми проходит около 200 г.: около этого времени дохристианская письменность Эдессы в большей мере сближается с местным восточноарамейским вернакуляром. Однако и в пергаменах остаются следы старой орфографической нормы, например передача *š графемой {š}, неизвестная в орфографии классического сирийского. Вероятно, что ко времени создания старосирийского литературного языка краткие гласные в открытых безударных слогах инлаута еще не синкопировались. Об этом косвенным образом свидетельствует орфография существительных с основой C₁VC₂C₂- в классическом сирийском, например umʾ [uamṯā] ‘море’ — мн. ч. ummʾ. В огласованных сирийских текстах первая из двух идентичных букв в формах множественного числа типа ummʾ помечается как нечитаемая, что указывает на произношение [uamṯē], однако консонантная орфография свидетельствует о том, что в период создания нормы между последними согласными корня в множественном числе еще была гласная. Ко времени создания орфографической нормы долгие заударные гласные ауслаута еще не пали, ср. запись ʾnth [ʾāttā] ‘ты’. В отличие от классического сирийского, в старосирийском причастия могут принимать связанные местоимения, выражающие семантический объект: mtrsy-hy ‘он поддерживает его’ (в классическом сирийском употребляется аналитическая конструкция: mtrsʾ lh). К выраженным восточным чертам всего корпуса относится именной суффикс множественного числа *-ē и форма hmʾ в значении ‘этот’ (ср. hānnā в классическом сирийском). Членная форма существительных утратила семантику определенности, ср. например bnyʾ_{опр.} d-yrmwn₁ ʿprʾ₂ ʿl ʿynwhy₃ lʾ yštkhwn₄ lh₅ ‘пусть у него не окажется₄ детей_{опр.}, чтобы посыпать₁ ему₃ глаза₃ прахом₂ (= похоронить его)’ (OSI 193:8 сл.; эпитафия, датированная 73 г. н. э.). Морфологический юссив («краткая» форма префиксального спряжения) и волитивное отрицание ʾal утрачены, как видно из того же текста (lʾ yštkhwn lh, букв. ‘пусть не найдутся у него’). Орфография одной из надгробных надписей указывает также на существование нового презенса, возникшего за счет фузии предикативного причастия с постпозитивным субъектным местоимением: bʿynʾ mn-k ‘Я прошу тебя’. При морфологической записи «в два слова», частотной в классическом сирийском, эта форма выглядела бы как bʿʾʾ ʾnʾ ‘просящий-я’. Старосирийский интересен с точки зрения типологии

арамейских литературных языков: сочетание в ранних памятниках диагностических западных и восточных черт выдает искусственный характер нормы, которая затем при свете истории сближается с разговорным языком. Довольно пространные и хорошо сохранившиеся документы на пергамене отличаются от памятников классического сирийского главным образом орфографически: в частности, в этих пергаменах этимологически краткий [u] в закрытом слоге не отражается на письме, а в стандартной сирийской орфографии он обычно передается буквой {w}.

В о с т о ч н о м е с о п о т а м с к и й (или х а т р а н с к и й) — язык примерно 600 надписей из Хатры и Ашшура, древних городов в среднем течении Тигра (на территории современного Ирака). Название «восточномесопотамский» предложено К. Байером, который в 1998 г. опубликовал новое издание корпуса, снабженное кратким грамматическим описанием. Обычно этот диалект называют «хатранским», так как большая часть корпуса происходит из Хатры. Датированные памятники восточномесопотамского арамейского были созданы между 44 г. до н. э. и 238 г. н. э., когда Хатра была крупным торговым центром Аршакидской (парфянской) империи, а с середины II в. н. э. — вассальным царством в составе парфянской империи. Жители Хатры носили преимущественно арамейские и арабские имена, в ономастике встречаются также иранские и греческие корни. Восточномесопотамские тексты записаны местной разновидностью консонантного алфавита: по внешней форме буквы довольно сильно отличаются от пальмирских и старосирийских. Как и в старосирийской графике, фонемы /d/ и /t/ передаются одним знаком.

Рефлекс *š как правило записывается буквой {š}, например šbʔʔ ‘сытость’, šnyʔ ‘ненавидящий’, однако в дериватах корня *pšq ‘устанавливать’ *š отражается как {s}. Преемственность с орфографией ахеменидского типа сказывается и в частом употреблении нечитаеваемой буквы {n} на месте ассимилированного /n/, например ʔntt [ʔattat] ‘жена_{сопр.}’, lnsb [lessab] ‘он возьмет’ (√nsb). В отличие от ахеменидского арамейского, неэтимологическая буква {n} иногда применяется для обозначения геминации, обусловленной именной словообразовательной моделью, ср. например šnpyr [šarrīr] ‘красивый’.

Хатранская орфография довольно последовательно отражает этимологические краткие гласные *i и *u в закрытых слогах посредством букв {y} и {w}, поэтому отсутствие matres lectionis в исторических открытых кратких слогах, вероятно, указывает на синкопу соответствующих гласных (см. раздел 6.).

В отличие от старосирийского (и от классического сирийского), этимологические дифтонги *-aw и *-ay в открытом слоге монофтонгизированы. Это видно из того, что в инлауте рефлекс *-aw не всегда отражается на письме, например ymt ‘дни_{мн. ч. сопр.}’ (< *yawmāi). Рефлекс *-ay у существительных мужского рода в сопряженной форме множественного числа как правило передается буквой {ʔ}, что указывает на его монофтонгизацию; ср. например bnʔ dr-hwn ‘лица (из числа) их персонала’. Два фарингала /ʕ/ в составе одной лексемы подвергаются диссимиляции, как и в классическом сирийском, например ʔrʕ ‘встречать’ < *ʕrʕ < *ʕrš (в старосирийском лексиконе нет диагностических примеров для этой черты).

Притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода, связанное с именным суффиксом множественного числа мужского рода, имеет вид *-ayhī: bnyhy ‘его сыновья’, в отличие от праарамейского облика этого сегмента *-awhī, который в восточной ветви А.я. сохранился в старосирийском и классическом сирийском (bnwhy). Вероятно, в том восточноарамейском диалекте, который пред-

ставлен хатранским корпусом, произошел переход **-awhī* > **-ayhī* по парадигматической аналогии с местоимениями, которые связаны с ауслатом **-ay*, например **banay-k* 'твоим.р. сыновья' (ср. парадигму личных местоимений в статье «Классический сирийский язык» в наст. издании). Есть основания предполагать, что рефлексы этого сегмента **-ayhī* появляются во всех остальных известных нам древних восточноарамейских языках. Возможно, что такая форма засвидетельствована уже в клинописном заклинании из Урука, например *qu-da-am... ta-ra-ḥa ú-ma-a? ia-a-ti-ib-a-a-?i-i* [uātībā?ī] < [*uātībáyhī] 'перед... воротами или перед теми, кто сидит у них (букв. 'их сидящими')'. По мнению Х. Гинзберга, соответствующие формы в вавилонском иудейском арамейском (-ēh) и мандейском (-ī) также представляют собой закономерные фонологические рефлексы **-ayhī*. Поэтому возможно, что **-ayhī* представляет собой общую инновацию внутри восточной ветви, отделяющую восточные А.я. юго-востока Месопотамии от классического сирийского (вместе со старосирийским).

Местоимение 'этот' имеет в хатранском вид *hdn*, в отличие от ахеменидского *dnh/znh* и сирийского *hānnā*. Относительное местоимение (оно же — посессивный предлог) встречается в двух орфографических вариантах: *dy* (традиционная орфография) и *d-* (фонетическая запись).

У имен суффикс множественного числа мужского рода определенного статуса имеет форму **-ē* (графически {?}), как и в других восточноарамейских языках, современных хатранскому.

В области именного морфосинтаксиса хатранский близок к классическому сирийскому. В частности, форма определенного статуса существительного может употребляться в именной группе как прилагательное с качественным значением: *šwr? d-kp?*_{опр.} 'каменная стена', букв. 'стена из камня_{опр.}'. Как и в сирийском, именные группы с вершиной в сопряженной форме вытесняются аналитической конструкцией, где зависимое вводится предлогом *dy/d-*. Вершина таких аналитических именных групп часто получает катафорическое посессивное местоимение, согласованное с зависимым существительным в роде и числе, например *byt-h dy PN* 'дом-его имярека'.

Префиксальное спряжение глагола обнаруживает префикс *l-* на месте праарамейского **y-*. В корпусе засвидетельствованы только формы 3-го лица единственного числа мужского рода, например *lmwt* 'он умрет', *lktwb* 'он напишет', *lgnwb* 'он украдет'. С точки зрения истории древних восточных А.я. эпиграфический хатранский важен как чистый образец хронологически сравнительно раннего *l*-языка, контрастирующего с языком географически близких и синхронных ему старосирийских частнопровых документов первой половины III в. н. э., где в префиксальном спряжении последовательно употребляются *n*-формы. По признаку дистрибуции префиксов *l-/n-* хатранский оказывается наиболее консервативным из текстуально засвидетельствованных древних восточных А.я., а классический сирийский, не обнаруживающий никаких следов *l-*, оказывается наиболее «прогрессивным». С точки зрения исторической типологии А.я., префикс *l-* оказывается единственным, пусть очень весомым, признаком, который позволяет отнести хатранский к староарамейским (а не среднеарамейским) языкам.

В *t*-породах префиксальный породный показатель /t/ регулярно ассимилируется следующему за ним первому радикалу: *lqtyl* 'он будет умерщвлен', *lrgym* 'он будет побит камнями'. Эта черта образует изоглоссу с иудейским вавилонским арамейским.

Среднеарамейский этап (с III–IV вв. н. э. до начала упадка А.я. после завоевания Передней Азии арабами к середине VII в.) можно назвать классическим в истории письменных А.я. В этот период были созданы новые литературные

языки, основанные на ряде восточно- и западноарамейских вернакуляров и представленные обширными корпусами, на основании которых в ряде случаев возможно довольно детальное описание грамматики. Ко времени создания новых литературных языков в разговорных А.я. обеих ветвей полностью прошел ряд изменений в области фонологии и морфологии, к важнейшим из которых относятся следующие:

— неэмфатические шумные смычные *b, g, d, p, k, t* подверглись спирализации в поствокальной позиции;

— в инлауте слова пали краткие гласные в безударных открытых слогах;

— в ауслауте слова пали долгие безударные гласные;

— финитный глагол утратил внутренний пассив, морфологическое различие активных и пассивных форм сохранилось лишь у причастий; пассивная семантика стала выражаться *t*-породами. В А.я. этого этапа хорошо представлена *t*-производная каузативной породы (*tK* или *ʔittarʔal*), не засвидетельствованная надежно в староарамейских языках;

— появились формы суффиксального спряжения и императива с *-n* после долгих гласных в ауслауте (см. например глагольные парадигмы классического сирийского и иудейского палестинского арамейского в наст. издании);

— в префиксальном спряжении юссив и индикатив совпали, обычно в форме прежнего индикатива (исключение составляет иудейский вавилонский арамейский, утративший в результате дальнейших фонетических изменений *-n* в релевантных формах, см. ниже (в описании иудейского вавилонского арамейского)). Юссивное отрицание *ʔal* вытеснено индикативным отрицанием *lā*;

— семантика будущего времени выражается преимущественно активным предикативным причастием, а префиксальное спряжение кодирует косвенно-модальные значения (например, в побудительных высказываниях и в целевых придаточных).

Среднеарамейские языки делятся в генеалогическом отношении на восточные и западные.

В о с т о ч н ы е среднеарамейские языки представлены тремя литературными языками: классическим сирийским, иудейским вавилонским арамейским и классическим мандейским.

К л а с с и ч е с к и й с и р и й с к и й, непосредственное продолжение старосирийского, был литературным языком всех восточноарамейских христианских общин (см. статью «Классический сирийский язык» в наст. издании). Единственным очевидным реликтом ахеменидской орфографии в классическом сирийском следует считать нечитаемую букву *{n}* в словах *ʔnt* [*ʔat*] ‘ты’ и *ʔnttʔ* [*ʔattá*] ‘женщина’. Среди среднеарамейских литературных языков классический сирийский обладает наиболее стабильной нормой в орфографии и грамматике, а также большим и интересным с историко-культурной точки зрения корпусом, поэтому в университетской практике знакомство с А.я. обычно начинается с этого языка.

Ближние между собой иудейский вавилонский арамейский и классический мандейский иногда называют южными восточноарамейскими (или вавилонскими арамейскими) языками, в отличие от сирийского, который можно назвать северно-месопотамским восточным арамейским.

И у д е й с к и й в а в и л о н с к и й а р а м е й с к и й засвидетельствован в первую очередь арамейскими текстами Вавилонского Талмуда, которые составляют примерно десятую часть объема этого памятника. Согласно традиционной датировке, Вавилонский Талмуд получил окончательную редакцию в VI в. н. э.

Среди характерных (в большинстве своем инновационных) черт арамейского языка Вавилонского Талмуда, отличающих его от классического сирийского, можно упомянуть следующие:

— согласные /w/ и /y/ иногда записываются удвоенными графемами {ww} и {yy}, например *qʔ šwwhʔ* [qā šāwḥā] ‘она кричит’, *qwwqʔ* [qawqā] ‘глиняный сосуд’, *ʔyuy* [ʔayuēn] ‘изучать’, *mlyuy* [mālyān] ‘они_{ж.р.} наполняют’, *rmyuʔn* [ramyān] ‘они_{ж.р.} помещены’;

— поствокальный ленизированный /b/ иногда отражается как {ww}, например *ʔwwd* и *ʔbd* [ʔəbad] ‘он погиб’, *šwwtʔ* и *šbtʔ* [šabtā] ‘группа’;

— этимологические фарингалы /ʕ/ и /ħ/ часто отражаются буквами {ʔ} и {h}, а в инлауте могут не отражаться на письме, ср., например *ʔtmʔ* в м. *ʔtmʔ* ‘бедро’, *ħdr* в м. *ħdr* ‘он вернулся’, *twtu* в м. *thwtu* ‘под’, *šwtʔ* в м. *šʔwtʔ* ‘рассказ’. Вероятно, что в живом диалекте евреев Вавилонии к середине I тыс. исторические фарингалы и ларингалы в части позиций имели единообразную нулевую реализацию;

— конечные корневые согласные часто не выписываются, например *tw* в м. *twb* ‘снова’, *nybu* в м. *nʔbd* ‘мы сделаем’, *ʔzʔ* в м. *ʔzl* ‘он ушел’, *tyqw* в м. *tyqwm* ‘она должна будет стоять’, *ʔmʔ* в м. *ʔmr* ‘он сказал’;

— этимологический конечный *-n* глагольных суффиксов и суффиксированных местоимений как правило отсутствует в орфографии, например *ktbw* ‘вы должны будете написать’, *lhw* ‘для них’;

— префикс *t*-пород /t/ подвергается прогрессивной контактной ассимиляции: *ʔynqyb* ‘он был пронзен’ (\sqrt{nqb});

— субъектные местоимения 3-го лица обновили свой облик за счет препозитивных дейктических элементов *ʔi-* (в единственном числе) и *ʔin-* (во множественном числе): *ʔyhw* ‘он’ (наряду с классической формой *hwʔ*), *ʔyhy* ‘она’ (наряду с *hyʔ*), *ʔynhw* (< **ʔin-hun*) ‘они_{м.р.}’, *ʔynhy* (< **ʔin-hin*) ‘они_{ж.р.}’;

— к этой серии местоимений был добавлен еще один препозитивный дейктический элемент, *n-*, и так возник особый класс местоимений 3-го лица, кодирующих предикативную связь в именных предложениях, ср. например *kwllhw_{м.р.}* *ħdʔ mynʔ nynhw_{м.р.}* ‘Все они_{м.р.} суть_{м.р.} один сорт (= все они одинаковы)’; именные предложения со специализированными «нексусными» местоимениями предвосхищают структуру именного предложения в ряде восточных новоарамейских языков;

— автономное притяжательное местоимение изредка имеет основу *dyl-* [dīl-], как в А.я. I тыс. до н. э., в сирийском и мандейском, однако гораздо чаще употребляется *dvd-* [dīd-], например *dvd-y* ‘моё’; эта черта образует изоглоссу с рядом восточных новоарамейских языков, но также с галилейским арамейским и западными новоарамейскими, ср., например *ḏīd-* в языке Маалулы. Местоимение *dīl-* этимологически представляет собой сочетание посессивных предлогов *dī* и *l-*, а *dīd-*, по мнению Нёльдеке, восходит к *dī + yad* ‘рука’;

— у производных пород имеются инфинитивы без префикса *m-* и с исходом на *-ē*: *D qatṭōlē*, *K ʔaqtōlē*;

— суффиксальное спряжение может употребляться в пожелательном значении: *šrʔ₁ lyh₂ mʔryh₃* ‘Пусть₁ его господин₃ простит₁ его₂!’;

— для обозначения настоящего актуального наряду с предикативным причастием употребляется конструкция, в которой причастию предшествует проклитическая частица *qā*, например *qʔ slq* ‘Он (сейчас) поднимается’. Как принято считать, частица *qā* возникла из причастия *qāʔem* ‘встающий, предпринимающий’. Рефлекс этой конструкции появляется и в ряде восточных новоарамейских языков.

Арамейский язык Вавилонского Талмуда нормирован менее строго, чем классический сирийский, поэтому «правильные» (т. е. архаизирующие) формы встречаются рядом с записями, предположительно отражающими черты устных диалектов авторов и редакторов этого памятника.

Как и в классическом сирийском, в арамейском языке Вавилонского Талмуда есть немало аккадизмов в частотном пласте культурной и даже в базовой лексике, например *ʔlpʔ* ‘корабль’ (< аккад. *eleppu*), *bbʔ* ‘ворота’ (< аккад. *bābu*), *zwwʔ* ‘монета’ (< аккад. *zūzu* ‘половина (сикля)’), *mtʔ* ‘город’ (< аккад. *mātu* ‘страна’), *trnwglʔ* ‘петух’ (< аккад. *tarlugallu*).

Важнейшие грамматические описания иудейского вавилонского арамейского принадлежат С. Луццато, К. Левиасу, М. Марголису, Я. Эпштейну, М. Шлезингеру (единственное описание синтаксиса). Все они сейчас в некоторой степени устарели, так как, в отличие от упоминаемого ниже словаря М. Соколова, опирались не на сравнительно ранние рукописи, а на печатные издания, которые часто предлагают «исправленный» в языковом отношении текст. Ш. Мораг опубликовал ряд исследований по грамматике талмудического арамейского, в которых использованы данные немногих ранних огласованных рукописей и традиции чтения Талмуда в общинах евреев из Йемена. Дж. Хан в кратком очерке описал некоторые аспекты морфологии арамейского языка Вавилонского Талмуда в сравнении с морфологией бесписьменных северо-восточных новоарамейских языков.

В 2002 г. М. Соколов опубликовал словарь иудейского вавилонского арамейского. Корпус, обработанный в словаре, включает, помимо талмудических арамейских текстов, арамейские тексты гаонов (лидеров еврейской общины Вавилонии в VI–XI вв. н. э.), труды Анана, основателя общины караимов (VIII в. н. э.), филологические тексты масоретов, а также «магические чаши» (magic bowls) — тексты заклинаний, записанные в V–VIII вв. квадратным шрифтом на внутренней стороне глиняных чаш. К концу XX в. было опубликовано около 250 заклинаний, в музеях и частных коллекциях хранится еще около тысячи неопубликованных документов такого рода. «Магические чаши» интересны, в частности, потому, что они образуют уникальный для иудейского вавилонского арамейского эпиграфический корпус, в то время как все остальные тексты дошли до нас в рукописях II тыс. н. э. и печатных изданиях. Общеизвестно, что корпус, описанный в словаре М. Соколова, не един в диалектном отношении. К его архаической или архаизирующей части относятся трактат «Недарим» и тексты гаонов. Как уже упоминалось, К. Байер считает, что язык этих сочинений ориентируется на официальные таргумы. Язык большинства вавилонских «магических чаш» тоже обнаруживает архаизирующие черты, свойственные трактату «Недарим». В частности, к архаизмам относятся следующие особенности: этимологически правильное отражение фарингалов /ʕ/ и /ħ/; во множественном числе префиксального спряжения и у связанных местоимений множественного числа регулярно выписывается конечная буква {n}, например *l-hwn* ‘к ним’; в 3-м лице единственного числа мужского рода префиксального спряжения употребляется префикс *y-*; в качестве *nota accusativi* употребляется предлог *ut*, в отличие от талмудического *l-*. К. Мюллер-Кесслер называет письменный диалект трактата «Недарим», ряда других трактатов и большинства «магических чаш» «стандартным литературным вавилонским арамейским», существовавшим в еврейской общине Вавилонии одновременно с талмудическим арамейским: эти два литературных языка были распределены по функционально-жанровому признаку.

Классический мандейский, литературный язык религиозного общества мандеев в Нижней Месопотамии. Корпус классического мандейского можно разделить на две неравные части: каноническую религиозную литературу мандеев, дошедшую до нас в составе письменной традиции, и эпиграфические документы, преимущественно заклинания, записанные на глиняных чашах и свинцовых свитках, которые использовались в качестве амулетов. Т. Нёльдеке в 1875 г. предполагал, что канонические мандейские тексты были созданы в основном между 650 г. и 900 г. н. э. и это мнение, основанное на данных традиции и языковых критериях, остается общепринятым и сейчас. Наиболее важный из канонических памятников — “Ginza Rabba”, или “Sidra Rabba” («Великое сокровище», или «Великая книга»). Дошедшие до нас рукописи канонических текстов в большинстве своем не старше XVI в. Публикация мандейских заклинаний началась в 1892 г. Стандартным изданием большей части заклинаний, уже опубликованных к началу 60-х гг. XX в., является работа Э. Ямаути (1967), включающая также историко-религиоведческое введение, грамматический очерк и словарь. Заклинания обычно датируют временем около 600 г., самый ранний из известных сейчас текстов такого рода принято датировать примерно 400 г. К концу XX в. было опубликовано около сотни мандейских магических чаш и несколько десятков свинцовых свитков.

Для консонантизма мандейского языка (как и для иудейского вавилонского) характерно явление, обычно называемое «ослаблением гуттуральных». В классическом мандейском общепарамейские *ʔ и *ʕ пали; что касается *ħ и *h, то они в ряде случаев пали, а в других случаях получили общую реализацию в виде /h/. В частности, /h/ (< *ħ, *h) как этимологический третий согласный корня сохраняется в результате метатезы, например *pihtat* ‘она открыла’ (< *pθh), *nihgat* ‘рассвело’ (< *nθh); /h/ сохраняется также в начале слова и между гласными, например *hu* ‘он’ (< *hū), *hra* ‘экскременты’ (ср. кл. сир. *ħaryā*), *abahat-an* ‘наши отцы’.

К характерным чертам мандейской фонетики относится диссимиляция долгих звонких смычных за счет назального элемента: /m/ при диссимиляции этимологически долгого /b/, /n/ при диссимиляции долгих /d/ и /g/: *qumba* ‘склеп’ (< *qubbā), *hambala* ‘разрушитель’ (< *ħabbālā), *nangara* (вероятно, [nangara]) ‘плотник’ (< *naggārā); *manda* ‘знание’ (ср. кл. сир. *maddaʕ*). Среди древних А.я. есть еще один, для которого имеются достаточные причины постулировать подобное явление — это западноарамейский диалект первой половины I тыс. до н. э., ставший основой имперского арамейского (см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Объяснить эту изоглоссу непросто. Можно предположить, что речь идет об ареальной черте, обусловленной аккадским субстратом, однако это предположение не может быть доказано. Написания с «неэтимологической» буквой {n} в позиции долгого согласного, наблюдаемые в ряде других А.я., следует считать орфографическим способом обозначения геминии согласного (см. выше о постахеменидском имперском и хатранском, а также статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Отсюда в частности следует, что в библейском арамейском неэтимологическая буква {n} в эпоху создания корпуса не произносилась, вопреки тивериадской обработке текста. Например, в библейском арамейском корпусе есть две разные записи инфинитива К-породы √ʕll ‘приводить’: *hʕlh* (Da 5:7) и *hnʕlh* (Da 4:3). Естественно, что в обоих случаях для II в. до н. э. следует реконструировать единое произношение [ʔaʕʕālā], однако тивериадская редакция дает *ħaʕʕālā* vs. *hanʕālā*.

Интересно, что мандейская орфография обнаруживает некоторые традиционные имперско-арамейские черты: прасем. $*d = \{z\}$ (с гиперкорректными написаниями $*d = \{z\}$, например *zmʔ* 'кровь'), в ряде случаев $*\dot{s} = \{q\}$, например *ʔqʔmrʔ* 'шерсть', и, особенно часто, *ʔrqʔ* 'земля'. Это объясняется орфографической преемственностью между литературным мандейским и его «субстратом» — аршакидским изводом имперского арамейского, который был литературным языком в парфянской империи (247 г. до н. э. — 224 г. н. э.).

В мандейском хорошо засвидетельствована результативная перифраза *qʔl l-: la-šmiṭ-lḥ hirba* 'он не обнажал меч' (о ее форме и функциях см. в статье «Мандейский язык» в наст. издании).

Со времен выхода в свет мандейской грамматики Нёльдеке (1875) в арамеистике бытует представление, согласно которому мандейский и арамейский Вавилонского Талмуда «ближе» между собой, чем любой из них к сирийскому. Это представление верно с географической точки зрения: в основе мандейского был устный арамейский диалект нижней Вавилонии, в основе талмудического арамейского — диалект верхней Вавилонии, а классический сирийский базируется на диалекте Эдессы на севере Месопотамии, т. е. он пространственно отстоит от первых двух. К наиболее заметным изоглоссам, объединяющим мандейский с талмудическим арамейским в противоположность сирийскому, относятся следующие:

— ослабление гуттуральных, не свойственное (судя по текстам классического сирийского) эдесскому арамейскому;

— сочетание суффикса множественного числа существительных мужского рода с притяжательным местоимением 'его' восходит к сегменту $*-a\dot{y}h\bar{i}$, в отличие от праарамейского $*-awh\bar{i}$, непосредственно продолжающегося в сирийском (см. об этом выше в лингвистической характеристике хатранского);

— в префиксах 3-го лица обоих чисел мужского рода и 3-го лица множественного числа женского рода префиксального спряжения представлены *l-* и *n-* (в сирийском только *n-*);

— показатель рефлексивно-пассивных пород /t/ ассимилируется следующему за ним первому согласному корня. Нёльдеке считает, что в мандейском корпусе это явление обнаруживается реже, чем в талмудическом. Как отмечалось выше, эта черта свойственна также хатранскому;

— в мандейском и арамейском Вавилонского Талмуда инфинитивы производных пород обнаруживают исход на $-\bar{e}$ и не имеют префикса *m-*. Сирийские инфинитивы производных пород имеют префикс *m-* и окончание $-\bar{i}$;

— для выражения настоящего актуального к форме исторического активного причастия в обоих языках добавляется проклитическая частица $*q\bar{a}$. Эта черта отсутствует в классическом сирийском.

Этот перечень скорее всего неполон. В отсутствие сравнительных исследований по всем восточноарамейским языкам трудно решить, следует ли представление об особой близости между мандейским и талмудическим арамейским интерпретировать в генеалогическом смысле, т. е. постулировать для них общий праязык, который не был предком диалекта Эдессы. Ниже оценивается классификационное значение приведенных изоглосс.

В среднеарамейском контексте «ослабление гуттуральных» не кажется очень существенным для генеалогической классификации. Ослабление или слияние ларингалов и фарингалов в некоторой степени обнаруживается также во всех западных сред-

неарамейских языках. Возможно, что в некоторых случаях «ослабление» произошло в ходе бытования письменных корпусов уже мертвых литературных А.я. (см. например ниже о самаритянском арамейском), так как новые западноарамейские языки последовательно сохраняют в исконной лексике отдельные рефлексы *ʕ, *h и *h (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании).

Раздельные рефлексы арамейских *ʕ, *h, *h и *ʕ последовательно сохраняются классическим сирийским и восточным новоарамейским языком туройо, который с большой вероятностью происходит от диалекта, близкого к западному варианту классического сирийского (см. статью «Туройо язык» в наст. издании), в то время как в большинстве северо-восточных новоарамейских языков и новомандейском раздельные рефлексы этих фонем в исконной лексике не поддерживаются. Следовательно, «ослабление гуттуральных» не было общим восточноарамейским явлением, и поэтому не исключено, что внутри восточной подгруппы оно значимо для генеалогической классификации. Привлекательна возможность объяснить мандейско-талмудическую изоглоссу влиянием аккадского субстрата на общий предок мандейского и иудейского вавилонского. Если это верно, то «вавилонский» арамейский отделился от правосточноарамейского в период, когда аккадский еще был родным языком части населения Вавилонии, т. е. не позже VII в. до н. э.

Сегмент *-aʕhī естественно толковать как «вавилонскую» инновацию, в то время как употребление префиксальных *l-* и *n-* в порядке свободного варьирования можно считать морфологическим пережитком, не имеющим классификационного значения. В среднеарамейских языках инфинитивы производных пород с исходом на -ē известны лишь в «вавилонском», так что и эта черта имеет шанс оказаться общей инновацией внутри восточной подгруппы. Напротив, ассимиляция породного показателя *t* так или иначе отражается во всех новоарамейских языках, так как вероятно именно эта ассимиляция была исходной причиной утраты *t*-пород на новоарамейском этапе. Можно предположить, что классический сирийский не обнаруживает эту черту лишь потому, что он (в своем качестве общего для всего арамейского христианства жестко нормированного письменного языка) рано перестал испытывать влияние разговорных А.я. Презентные формы, производные от *qā qāṭel, существуют в новомандейском, ряде северо-восточных новоарамейских диалектов, и возможно в туройо, поэтому эту черту не следует возводить к гипотетическому общему предку классического мандейского и вавилонского иудейского арамейского.

В итоге следует признать, что вопрос о генеалогических подгруппах внутри древних восточных А.я. остается нерешенным.

К западным среднеарамейским языкам относятся иудейский палестинский, христианский палестинский и самаритянский.

Иудейский палестинский арамейский продолжает, в отличие от других западных А.я. среднего этапа, один из письменных староарамейских языков западной ветви, а именно старый западноарамейский (см. о нем выше). Памятники иудейского палестинского арамейского созданы преимущественно в Галилее, поэтому К. Байер, следуя, в частности, за Э. Кучером, называет этот литературный язык галилейским арамейским. После поражения восстания Бар-Кохбы в 135 г. н. э. еврейская община в Иудее пришла в упадок вследствие репрессивных мер римлян: в частности, евреи были изгнаны из Иерусалима, значительная часть населения была продана в рабство за пределы Палестины. Религиозный центр общины переместился в Галилею — в Сепфорис, а затем в Тиверию. Поэтому нужно полагать, что основой

литературного галилейского арамейского был устный диалект Галилеи, родной язык Иисуса.

К лингвистически наиболее надежным памятникам иудейского палестинского арамейского из Галилеи относятся эпиграфические тексты 200–700 гг. н. э.: надписи в синагогах, эпитафии и амулеты. Весь этот корпус переиздан К. Байером. К литературным памятникам иудейско-палестинского арамейского относятся арамейские части Палестинского Талмуда (согласно традиции, он завершен до 500 г.) и агадических мидрашей к Пятикнижию и «свиткам» (Cant, Eccl, Thr, Est), созданных в ранневизантийский период (не позже VII в.). Язык этого корпуса описан, вместе с языком галилейских таргумов в статье «Иудейско-палестинский арамейский» в наст. издании.

К характерным чертам орфографии и грамматики галилейского арамейского относятся в частности следующие:

— в эпиграфических памятниках **ā* в конце слова последовательно обозначается буквой {*h*} (*?nh yhdh hz?nh* 'я, Иуда, староста (синагоги)', надпись из синагоги в Галилее, АТТМ 371), в то время как в палестинских таргумах для этого используются {*h*} и {*ʔ*};

— в суффиксальном спряжении 3-го лица множественного числа мужского рода появляется инновационная форма *qtlwn* vs. *qtlw* в палестинских таргумах; см. об этом также в разделе 6. в связи с падением долгих заударных гласных в ауслауте;

— «новый презенс» в галилейском образуется за счет префиксации субъектных местоимений к форме активного причастия: *?t-ʔzl* 'ты идешь', *n-mr* 'я говорю' (< *?nh ?mr*). Эта черта образует изоглоссу с другими западными литературными языками, ср. например *?nh ʔbyd* 'я делаю' (самаритянский), *?nh ktb* 'я пишу' (христианский палестинский), а также с новыми западноарамейскими (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании). Напротив, в имперском арамейском и восточных А.я. среднего периода субъектные местоимения в составе нового презенса выступают как энклитики;

— суффиксированные объектные местоимения не связываются непосредственно с глаголом; они присоединяются к показателю прямого дополнения *yt*, например *yqrb yt-h* 'Он принесет **его** в жертву' (см. также в разделе 6. о фузии глагольной формы и *nota accusativi*), в то время как в палестинских таргумах связанные местоимения при глаголах допустимы: *yqrb-n-h*.

О языковых различиях между галилейскими таргумами и Палестинским Талмудом см. также статью «Иудейско-палестинский арамейский язык» в наст. издании.

Х р и с т и а н с к и й п а л е с т и н с к и й как литературный язык был создан к началу V в. н. э. на основе разговорного диалекта армеев-христиан Палестины. Вероятно, носителями этого диалекта были перешедшие в христианство иудеи. В корпусе нет оригинальных литературных текстов, он включает переводы Библии, а также христианскую теологическую и литургическую литературу, переведенную с греческого. Имеются незначительные по объему эпиграфические находки (например, надгробные надписи) из районов Иерусалима и Аммана и одно письмо VIII в. на папирусе из монастыря Каstellion (Мирд) в Иудейской пустыне. После арабского завоевания арамейская христианская община Палестины, пользовавшаяся христианским палестинским арамейским, стала арабоязычной и со временем (вероятно, в первой половине II тыс. н. э.) полностью перешла на арабские переводы Библии и литургию. Поэтому письменное предание христианского палестинского арамейского было прервано: он известен лишь по древним рукописям, которые были обнаружены по большей части не ранее XIX в. Наиболее интересна с точки зрения исторической

диалектологии А.я. ранняя часть корпуса — фрагментарные тексты VI–IX вв. (преимущественно палимпсесты), найденные в древних монастырях Палестины и Синайского п-ова; их верхний слой — тексты на греческом, еврейском, арабском или грузинском — датируется началом II тыс. К поздней части корпуса относятся рукописи XI–XIII вв. с Синайского п-ова. В этот период христианский палестинский был уже письменным церковным языком, обнаруживавшим сильное влияние сирийского и арабского.

Письмо для христианского палестинского арамейского было создано на основе сирийского письма эстрангела. В отличие от сирийской графики, в христианском палестинском письме все буквы, кроме {*d*} и {*r*}, могут соединяться налево, {*d*} отличается от {*r*} отсутствием диакритической точки. Оригинальной чертой графики является передача в словах, заимствованных из греческого, греческой буквы π посредством симметричного отображения сирийской буквы ܥ {*pe*}, т. е. в виде ܥ. Эта добавочная графема должна была передать «эмфатический» (вероятно, непридыхательный) характер греческого π. Формы множественного числа часто отмечаются двумя диакритическими точками, как в сирийском.

В христианском палестинском под влиянием сирийской орфографии конечный [ā] регулярно записывается буквой {*ʔ*}; в исконной лексике орфография позволяет использовать букву {*ʔ*} как неэтимологическую *mater lectionis* в инлауте, ср. например *rʔb* [gab] ‘великий’.

В христианском палестинском много лексических заимствований из греческого, в синтаксисе ощутимо влияние греческих оригиналов, однако в области фонологии и морфологии этот язык следует считать наиболее чистым представителем литературного западноарамейского в средний период, так как ранняя часть корпуса дошла до нас в списках, созданных в эпоху бытования христианского палестинского как живого языка. Единственным относительно полным словарем христианского палестинского (с латинскими глоссами) был создан в 1903 г. Ф. Шультесом по рукописям позднего периода, так как более ранние документы в то время были еще по большей части неизвестны. Ф. Шультеес подготовил также грамматику христианского палестинского, изданную посмертно в 1924 г. В 1991 г. К. Мюллер-Кесслер издала новое описание орфографии, фонологии и морфологии этого языка. К. Байеру принадлежит содержательная рецензия на эту работу, в которой он обосновывает свое понимание вокализма текстов. Корпус христианского палестинского издается К. Мюллер-Кесслер и М. Соколовым в рамках проекта “A Corpus of Christian Palestinian Aramaic”. Эпиграфические документы были переизданы К. Байером.

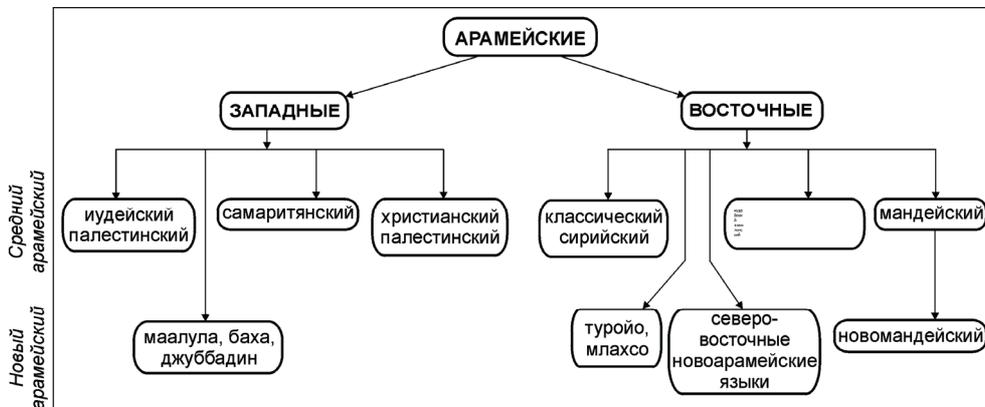
С а м а р и т я н с к и й а р а м е й с к и й, литературный язык религиозной общины самаритян, возникший, вероятно, в начале христианской эры. Тексты записаны так называемым «палеоеврейским» письмом, алфавитом из 22 букв, форма которых восходит к очертаниям соответствующих букв в древнееврейской эпиграфике, т. е. ориентируется на графические прообразы доперсидской эпохи (см. Приложение I. «Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита» в наст. издании). К наиболее важным памятникам самаритянского арамейского относятся самаритянский таргум Пятикнижия, мидраш к Пятикнижию “Memar Marqah” («Учение Марка»), в основе своей восходящий к IV в. н. э., а также литургическая поэзия. Имеются незначительные по объему эпиграфические находки. Все дошедшие до нас рукописи на самаритянском арамейском не старше XIII в. Важным орфографическим признаком самаритянского языка, отличающим его от христианского палестинского,

следует считать последовательную запись $*-\bar{a}$ в конце слова буквой $\{h\}$, например $nbyh_{\text{опр.}}$ ‘пророк’, $by\bar{u}h_{\text{опр.}}$ ‘нечестивцы’. По мнению К. Байера, эта орфографическая особенность указывает на то, что литературный самаритянский преемствен по отношению к палестинскому «старому западноарамейскому». Разговорный арамейский диалект, лежавший в основе самаритянского арамейского, вымер в X в., палестинская община самаритян перешла на арабский, сохраняя самаритянский в качестве языка религиозной культуры наряду с древнееврейским языком Самаритянского Пятикнижия и средневековых литургических текстов, созданных в самаритянской общине. При этом после X в. статус древнееврейского в общине был выше, чем самаритянского арамейского, что привело к гебраизации арамейского текста в рукописной традиции. Например, в значении ‘один’ вместо арамейского hd иногда появляется еврейское слово $?hd$.

Стандартное описание фонологии и морфологии самаритянского арамейского принадлежит Р. Мацуху, двухтомный словарь с глоссами на иврите и английском опубликован А. Талем. “Memar Marqah” издавался Дж. Макдональдом и З. Бен-Хайимом.

Новоарамейские языки с генеалогической точки зрения делятся на восточные и западные. Как западные, так и восточные новоарамейские языки сохранили важнейшую черту морфологии семитского глагола — сочетание консонантного корня с вокалическими диффиксами, выражающими грамматические значения (время, залог, наклонение).

Генеалогические отношения между средними и новыми А.я. можно отразить с помощью следующей схемы:

Как видно из схемы, западные новоарамейские языки не являются прямыми потомками ни одного из известных западных среднеарамейских языков. Из восточных новоарамейских языков лишь новомандейский, как принято считать, восходит к диалекту, лежавшему в основе классического мандейского, а остальные восточные новоарамейские языки не являются прямыми потомками классического сирийского или иудейского вавилонского арамейского, поэтому их ближайшим общим предком оказывается правосточноарамейский язык.

Структурные различия в морфологии новоарамейских языков в некоторой степени коррелируют с генеалогическим делением этих языков на восточную и западную группы. Морфология западных новоарамейских языков на фоне восточных выглядит

весьма консервативной. Стоит, однако, снова отметить, что язык туройо по ряду важных грамматических и лексических критериев можно считать прямым потомком сирийского диалекта, весьма близкого к западному варианту классического сирийского.

Глагол в западных новоарамейских языках сохранил как суффиксальное (в его исходном для А.я. значении претерита), так и префиксальное спряжение (в косвенно-модальных значениях и как сказуемое в некоторых типах придаточных), в то время как все восточные новоарамейские языки утратили префиксальное спряжение бесследно. В восточной группе новоарамейских языков старое суффиксальное спряжение *qaṭal сохранилось лишь в новомандейском, в своей обычной функции претерита: *gaṭal* 'он убил', *gaṭlat* 'она убила', *gaṭalt* 'ты убил(-а)'. В двух других подгруппах восточных новоарамейских языков суффиксальное спряжение полностью утрачено, в функции претерита оно заменено инновационными формами, возникшими на базе отглагольных имен. Во всех восточных новоарамейских языках из старых финитных форм уцелели лишь императивы G-породы, однако для производных пород даже императивы в большинстве диалектов были образованы заново от основы презенса, содержащей префикс *m-*: *maptix* 'Позволь открыть!' (христ. Урмия), *mašdir* 'Посылай!' (евр. Эрбиль), *mbašil* 'Свари!' (христианский диалект деревни Арадин в иракском Курдистане). В новомандейском, в отличие от всех остальных новоарамейских языков (западных и восточных), сохранились глаголы *t*-пород (преимущественно *tG*) как отдельные лексемы, однако они непродуктивны.

Все восточные новоарамейские языки утратили во множественном числе противопоставление мужского и женского родов в пользу старой формы мужского рода, в то время как в западных новоарамейских языках у прилагательных и глаголов во множественном числе, а также у местоимений множественного числа и части количественных числительных сохраняется согласование в роде. Согласование количественных числительных первого десятка в роде с исчисляемым во множественном числе сохранили и некоторые восточные новоарамейские языки, например туройо (см. статью «Туройо язык» в наст. издании): это единственный реликт родового противопоставления во множественном числе у этих языков.

Туройо (и млахсо) противопоставлены северо-восточной подгруппе по способу образования пассива: туройо имеет синтетический пассив (см. статью «Туройо язык» в наст. издании), а в северо-восточных новоарамейских языках пассив образуется с помощью вспомогательных глаголов, различающихся по диалектам.

В туройо и северо-восточной подгруппе имеется новый синтетический претерит, восходящий к результативной (и по внутренней форме пассивной) перифразе *qtīl l-, которая с большой вероятностью реконструируется для правосточноарамейского (см. выше). В состав этой перифразы входила «краткая» (нечленная) форма пассивного причастия, согласованная в роде и числе с семантическим объектом, а также агентивная предложная группа «посессивный предлог *l-* + агенс», выраженный (1) существительным или (2) суффицированным личным местоимением. Во втором случае агентивная группа выступала как энклитика по отношению к предикату-причастию. Ср. следующие примеры из классического сирийского: (1) *l-alāhā₁ mīṭin₂ ḥšībīn₃* 'Бог считает их мертвыми' (букв. 'у Бога₁ они **считаются**_{3мн. ч. м. р.} мертвыми₂'), (2) *ḥṭāhē ḥbīdīm l-ēh* 'Он совершил грехи' (букв. 'грехи **сделаны**_{мн. ч. м. р.} у него').

Сопоставление глагола в туройо и северо-восточных новоарамейских языках позволяет реконструировать для этих подгрупп ранний этап истории их глагола, на котором перифраза qtīl l-, в соответствии со своей пассивной этимологией, стала источ-

ником претерита лишь переходных глаголов, а у непереходных глаголов исходной породы претерит имел основу *qaṭṭīl (в А.я. это продуктивная модель прилагательных, образующихся от непереходных глаголов, см. раздел 6.).

У активного переходного претерита гипотетических предков туройо и северо-восточных новоарамейских языков местоименный агенс кодировался суффиксами, восходящими к агентивной предложной группе в конструкции типа (2): *ʿbīd-li 'я сделал(а)', *ʿbīd-lan 'мы сделали'. Субстантивный агенс вводился предлогом *l-* и дублировался энклитикой при предикате: **l*-PN ʿbīd-le 'имярек сделал' (по внутренней форме 'у имярека сделано-у-него'). Возможно, что на начальном этапе грамматикализации местоименная реприза субстантивного агенса не была обязательной: **l*-PN ʿbīd 'имярек сделал', ср. сирийский пример (1), однако со временем энклитический местоименный *l*-агенс 1-го и 2-го лица стал восприниматься как флексия, и поэтому в конструкции с субстантивным агенсом **l*-PN ʿbīd 'имярек сделал' появилась обязательная «местоименная реприза»: **l*-PN ʿbīdle. Вероятно, что это отражение субстантивно-агенса в глагольной форме поддерживалось также склонностью арамейского к дублированию субстантивных предложных дополнений за счет местоимений с предлогами.

Род и число семантического объекта (возможно, лишь детерминированного) отражались в основе переходного претерита: *PN_i nšīq-ṯ_j-le_i PN_{1/м.р.} 'имярек поцеловал имярека_{1м.р.}', *PN nšīqā_i-le PN_{ж.р.} 'имярек поцеловал имярека_{ж.р.}', *PN nšīq_{тн.ч.}-le PN₁ w-PN₂ 'имярек поцеловал имярека₁ и имярека₂'. Это согласование основы претерита в роде и числе с прямым дополнением представляет собой пережиток согласования пассивного причастия с подлежащим-семантическим объектом в конструкции qṭīl *l*-восточных среднеарамейских языков.

В тех же диалектах-предках туройо и северо-восточных новоарамейских языков претерит непереходных глаголов с основой *qaṭṭīl имел другой набор суффиксов, выражающих лицо, число и род подлежащего — единственного обязательного аргумента. Исторически суффиксы 1-го и 2-го лица восходят к энклитическим формам личных субъектных местоимений, в формах 3-го лица субъектные энклитики были нулевыми, при этом основа *qaṭṭīl согласовывалась с подлежащим в роде и числе: *dammiḫ-nā 'я поспал', *dammiḫā-nā 'я поспала', *PN dammiḫ-ṯ 'имярек поспал', *PN_{ж.р.} dammiḫā-ṯ 'имярек_{ж.р.} поспала' *dammiḫ_{тн.ч.}-na 'мы поспали', *dammiḫ_{тн.ч.}-ṯ 'они поспали'.

Интересно, что это праязыковое состояние обнаруживает структурную близость к способу образования активного результата-перфекта в западных новоарамейских языках: в этих языках результатив переходных глаголов имеет основу *qṭīl, а результатив непереходных глаголов — основу *qaṭṭīl, однако с обеими основами сочетается одинаковая флексия, восходящая к субъектным местоимениям в номинативе (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании).

Разнообразные рефлексии этого состояния, реконструируемого для гипотетических ранних восточных новоарамейских диалектов, засвидетельствованы в туройо и ряде северо-восточных новоарамейских языков.

В туройо форма основы переходного претерита реагирует лишь на местоименные прямые дополнения 3-го лица, которые инкорпорируются в основу и не имеют в этом случае внешних (лексических) экспонентов. Очевидно, что эти местоименные дополнения в своем качестве анафоров должны быть контекстуально детерминированными: *i-kurfo*_{ж.р.} *dwās-ṯ*_{ед.ч. м.р.} *-la*_{3ед.ч. ж.р.} 'змея_{ж.р.} укусила **его**', *i-kurfo*_i *dwiso*_{ед.ч. ж.р.} *-la*_i 'змея укусила **ее**', *i-kurfo*_i *dwisi*_{тн.ч.} *-la*_i 'змея укусила **их**', *nšaq-ṯ-li* 'я поцеловал(а) **его**', *nšiqo-li* 'я поцеловал(а) **ее**', *nšiqi-li* 'я поцеловал(-а) **их**' (подчеркиванием выде-

лены претеритальные основы, инкорпорирующие местоименные прямые дополнения). Однако в туройо основа переходного претерита не согласуется ни с детерминированным субстантивным дополнением, ни с местоименным дополнением 1-го или 2-го лица: *babi mašte-le_i aš-šeze*_{мн. ч. дет.} 'мой отец напоил (этих) коз_{мн. ч. дет.}', *nšaq-le i-barto*_{ж. р. дет.} 'он поцеловал дочь_{ж. р. дет.}', *nšaq-le-lax*_{ж. р.} 'он поцеловал **тебя**_{ж. р.}'. При таких дополнениях основа претерита переходных глаголов имеет неизменяемую форму. Отсутствие согласования с определенным субстантивным дополнением (*nšaq-le i-barto*_{ж. р. дет.} 'он поцеловал дочь_{ж. р. дет.}') свидетельствует об упадке объектного согласования, а конструкция типа *nšaq-le-lax*_{ж. р.} 'он поцеловал **тебя**_{ж. р.}' вообще не имеет структурно сравнимых прообразов в среднеарамейских языках.

Претерит основной породы одноместных и некоторых низкотранзитивных двухместных глаголов (например *šaməš* 'он услышал', *ʔadəš* 'он узнал') образуется в туройо от исторической основы неактивных прилагательных *qatṭil и имеет суффиксальные показатели лица, числа и рода субъекта, восходящие к энклитическим субъектным местоимениям, например *gaḥək-no* 'я рассмеялся', *šaməš-no* 'я услышал', как и в постулируемом выше раннем новоарамейском предке туройо, а также в гипотетическом предке северо-восточных новоарамейских языков.

Как обнаружил С. Хопкинс, эта архаическая черта образования активного претерита исходной породы разными способами в зависимости от значения переходности встречается также в арамейских диалектах евреев иранского Курдистана и восточного Ирака, относящихся к северо-восточной подгруппе, в частности в диалекте евреев из иранского города Керенда. Ср. следующие примеры непереходных претеритов из Керенда в транскрипции Хопкинса (основа этих претеритов восходит к *qatṭil): *qīm-na* 'я встал', *plīṭ-na* 'я вышел', *zīl-na* 'я ушел'. Переходный претерит G-породы имеет в этом диалекте форму, восходящую к перифразе *qṭil l-. Однако многие северо-восточные новоарамейские языки обнаруживают инновацию: рефлекс *qṭil l- употребляется в этих языках как общая форма активного претерита, независимо от значения переходности и других семантических характеристик глаголов. Ср. следующие примеры претерита непереходных глаголов из разных диалектов в Курдистане: *tē-le* 'он прибыл', *yu-la* 'она села' (диалект евреев, засвидетельствованный текстами, записанными в XVII в. в Нерве и Амадии на севере Ирака), *se-la_i xa baxta_i* 'пришла женщина' (захо, диалект евреев в северном Ираке), *plix-li* 'я поработал' (христианский диалект в северном Ираке), *ʔiyuā kābra qim-le* 'этот человек встал' (диалект евреев Эрбиля на северо-востоке Ирака).

В некоторых из этих диалектов сохраняется архаичная морфосинтаксическая черта, отсутствующая в туройо: основа переходного претерита согласуется с контекстуально детерминированным субстантивным дополнением. Примером может служить еврейский диалект Эрбиля: *ʔiyuā kābra baruxawali*_{мн. ч.} *qīli*_{мн. ч.} *-le* 'Этот человек убил моих друзей'. Согласование с определенным (и несогласование с неопределенным) прямым субстантивным дополнением свойственно претериту и в некоторых других северо-восточных новоарамейских языках, например в еврейском диалекте г. Амадии (иракский Курдистан), глагольную морфологию которого описал Р. Хоберман. В ряде других северо-восточных новоарамейских языков (например, в христианском диалекте Каракоша в районе Мосула) объектное согласование претерита qṭille (< *qṭil l-) утрачено полностью.

Своеобразная промежуточная ступень в процессе обобщения qṭille как единой формы претерита наблюдается в еврейском диалекте Сулеймании в иракском Курдистане. Ср. следующие примеры из этого диалекта: *baxti qima* 'Моя жена **встала**',

ga-maktab lip 'Он учился в школе' vs. *gorake_{i1} baxti_{j2} nišqa_{ж.р.-le_{i3}}* 'Этот человек₁ поцеловал₃ мою жену₂', *gorake_i baruxawali_{ж.р.-le_i}* 'Этот человек убил моих друзей', *baxta qtil-le* 'Он убил (некую) женщину'; в последнем случае у претерита нет объектного согласования из-за недетерминированного характера прямого дополнения. Из этих примеров видно, что в диалекте Сулеймании, как и в туройо, одноместные и двухместные глаголы могут образовывать претерит разными способами, но в отличие от туройо основа переходного претерита в Сулеймание согласуется с детерминированным субстантивным дополнением (как в еврейском диалекте Эрбиля). При этом многие одноместные глаголы в диалекте Сулеймании также образуют претерит по модели *qtille*. Сюда относятся несколько групп непереходных глаголов, у которых грамматический субъект обладает агентивными свойствами, как это видно из следующих примеров: *šlix-le* 'он разделся', *lwiš-le* 'он оделся', *xil-le* 'он поел', *šte-le* 'он попил', *pqe-le* 'он выстрелил'.

Таким образом, вполне вероятно, что у предков туройо и северо-восточных новоарамейских языков новый переходный претерит сохранял два главных признака своего происхождения из пассивной результивной конструкции — субстантивный агенс вводился предлогом (т. е. синтаксически стоял в «косвенном падеже»), а глагол обнаруживал обнаруживал субъектно-объектное согласование: **l-PN_i nšiqān_j ж.р. мн.ч.-le_i* *X_{ж.р.} w-Y_{ж.р.}* 'Имярек поцеловал *X_{ж.р.}* и *Y_{ж.р.}*'. Согласно личному сообщению Шабо Талая, семитолога и носителя языка туройо, агенс этой переходной конструкции претерита вводится предлогом *l-* в диалекте Млахсо и в большинстве диалектов языка туройо, в частности в говоре города Мидьят: *l-ann-amerikaniyye hzalal-lan* 'Американцы увидели нас', *l-alōho maṭnaḥle-li* 'Бог успокоил меня', *l-Musa maṭmaṣle u-šex* 'Муса вызвал у шейха жадность' (букв. 'сделал шейха жадным'). Однако диалект деревни Мидин (именно он описан в грамматике О. Ястрова, см. статью «Туройо язык» в наст. издании) обнаруживает инновацию, в нем субстантивный агенс переходного претерита не оформляется предлогом: *faṭme_i fiḥla_i ṣadra* 'Фатима обнажила (букв. 'открыла') свою грудь'. По сообщению Дж. Хана, так же обстоит дело во всех известных северо-восточных новоарамейских языках, примеры см. выше.

Утрата агенсом переходного претерита косвенного синтаксического падежа и упадок объектного согласования основы претерита могут рассматриваться как признаки стирания внутренней формы этой конструкции и ее частичной «нормализации» в качестве «обычной» формы прошедшего времени действительного залога.

У глагола многих восточных новоарамейских языков имеется богатый набор видо-временных и модальных форм, напоминающий глагольные системы индоевропейских языков, в частности курдского. Так, представлены специализированные формы для передачи значения перфекта, для кодирования развивающихся ситуаций, для относительных времен и формы юссива-субъюнктива, употребляющиеся в независимых предложениях и в некоторых типах придаточных. Одним из примеров может служить глагол в туройо (см. статью «Туройо язык» в наст. издании).

Судьба общеарамейского предикативного активного причастия во всех трех подгруппах восточных новоарамейских языков обнаруживает черты сходства. Уже в раннюю эпоху развития А.я. активное причастие (у G-породы это **qāṭil-*) употреблялось для выражения семантики настоящего времени. Случаи такого рода обнаруживаются во всех древних корпусах А.я., где имеются релевантные контексты (см. описание иудейско-палестинского арамейского и классического сирийского языков в наст. издании). В начале среднеарамейского периода этот «новый презент» получает

полноценную глагольную флексию местоименного происхождения (префиксальную — в западноарамейских разговорных языках, и суффиксальную — в восточных). Тогда же отпричастный презенс во всех живых А.я. вытеснил унаследованную префиксальную форму из семантической области «индикативного» будущего в сферу косвенной модальности (см. например выше раздел о галилейском арамейском, а также статью «Классический сирийский язык» в наст. издании). В консервативной западной подгруппе А.я. серьезные инновации в кодировании семантики настоящего, будущего и волитива на этом практически завершились. В итоге современный бесписьменный западный арамейский выражает настоящее актуальное рефлексом *qāṭil- (спрягаемым за счет личных префиксов) с препозитивной частицей *ʕamma*, которая передает динамический характер ситуации; форма «презенса», не осложненная показателем *ʕamma*, имеет семантику будущего и хабитуального настоящего. Рефлекс праарамейской формы *uaqtulu используется в простых предложениях как юссив, а в некоторых типах придаточных — в качестве субьюнктива (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании). В восточных А.я. семантическая эволюция спрягаемого рефлекса *qāṭil- продолжилась: в новоарамейскую эпоху отыменный презенс вытеснил префиксальную форму *uaqtulu из последней семантической «ниши», где она удерживалась в А.я. среднего периода, то есть из области косвенной модальности, что привело к полной утрате старого префиксального спряжения в этой подгруппе. Рефлекс *qāṭil- в качестве юссива и субьюнктива засвидетельствован в новомандейском, в туройо, а также во всех описанных северо-восточных новоарамейских языках. Многие восточные новоарамейские языки разработали различные способы для того, чтобы формально противопоставить юссив индикативным формам настоящего и будущего: в основном это достигается за счет приставок, которыми снабжаются индикативные формы (см. например описание глагола туройо в наст. издании).

Интересно, что многие северо-восточные новоарамейские языки снова обновили средства выражения семантики настоящего времени, создав еще одну форму презенса, на сей раз на базе инфинитива (для исходной породы это рефлекс среднеарамейского имени действия *qtāl-). Так, в христианском диалекте деревни Арадин в иракском Курдистане (его описал Г. Кротков) спрягаемый рефлекс *qāṭil- с индикативным префиксом *i-* выражает лишь узувальное настоящее, а актуальное настоящее кодируется инновационным показателем — перифразой, которая состоит из спрягаемой основы презенса глагола 'быть' и инфинитива смыслового глагола: *i-palx-in* 'я работаю (= у меня есть работа)', но *how-in plāxa* 'я работаю (в момент высказывания)', *how-in tāya* 'я иду (к тебе)'.¹

Абсолютная датировка новой глагольной системы восточноарамейских языков затруднительна. Уже в классическом сирийском активное предикативное причастие конкурировало с префиксальной формой *neqtol* в семантической сфере косвенной модальности. Иудейский вавилонский арамейский и классический мандейский, как упоминалось выше, дифференцировали выражение настоящего и будущего за счет проклитической частицы *qā-*, которая в этих языках сочетается с предикативным причастием для эксплицитного указания на семантику настоящего времени. Именно из такой частицы в ряде восточных новоарамейских языков возник префикс *k-* (в новомандейском *qa-*, в некоторых диалектах Урмии *č-*), который образует форму настоящего времени «от юссива», то есть от спрягаемой основы *qāṭil-.

Таким образом, стремление к радикальному обновлению глагольной системы было присуще восточным А.я. уже в начале христианской эры (ср. выше о «новом пре-

зенсе» в старосирийском). Наиболее ранние из дошедших до нас текстов на восточных новоарамейских языках (еврейских и христианских) датируются концом XVI–XVII вв.: все старые финитные формы в них были полностью утрачены.

Следует иметь в виду, что претерит *qtille* отсутствует в новомандейском, хотя результативная перифраза *qtīl l-*, его диахронический источник, хорошо засвидетельствована в классическом мандейском, разговорный вариант которого принято считать предком новомандейского. Вероятно, этот факт объясняется тем, что в среднеарамейский период перифраза *qtīl l-* еще не укоренилась глубоко в глагольной системе, поэтому в новоарамейский период она грамматикализовалась (в описанном выше направлении) в большинстве восточноарамейских языков, однако не оставила следов в новомандейском. Сохранение праарамейской формы суффиксального спряжения в виде претерита *gəʔal* отдаляет новомандейский от других восточных новоарамейских языков в структурном отношении, хотя генеалогическая принадлежность новомандейского к восточной подгруппе не вызывает сомнений.

В этой связи следует упомянуть проблему возможного влияния иранских языков на становление нового восточноарамейского претерита. Э.И. Кучер полагал, что результативная конструкция **qtīl l-*, грамматикализовавшаяся в восточных новоарамейских языках в качестве претерита *qtille*, появилась в А.я. (а именно в имперском арамейском) в I тыс. до н. э. под влиянием иранского адстрата. Источником заимствования Кутчер считал известную конструкцию *manā kartam* 'мною сделано', т. е. 'я сделал', засвидетельствованную в древнеперсидских царских надписях. Как известно, из этой результативной перифразы, включавшей пассивное перфективное причастие с суффиксом **-ta* и местоименный агенс в косвенном падеже, возник претерит переходных глаголов среднеиранских языков, что сходно с источником претерита переходных глаголов в восточных новоарамейских языках. Представление о формировании нового претерита под иранским влиянием поддержали некоторые другие арамеисты.

Обращает на себя внимание тот факт, что новомандейский, сохранивший старый претерит **qaʔal*, был издавна локализован преимущественно в Хузистане (на юге Ирана), где главными разговорными языками являются арабские диалекты, а также лурские и бахтиярские диалекты, генеалогически относящиеся к юго-западной группе иранских языков. В современных языках этой группы претерит как непереходных, так и переходных глаголов (с основой, восходящей к причастию на **-ta*) спрягается за счет одних и тех же личных суффиксов, происходящих от финитных форм вспомогательного глагола со значением 'быть', в то время как на среднеиранском этапе так образовывался лишь претерит непереходных глаголов. Таким образом, эти языки в настоящее время имеют последовательно аккумулятивный строй, в то время как в курдских диалектах, относящихся к северо-западной группе иранских языков, в том или ином виде сохранилась эргативная конструкция. Поэтому примечательно, что туройо и северо-восточные новоарамейские языки располагаются в восточной Анатолии и Верхней Меспотамии, где из иранских языков распространены как раз курдские диалекты. Вероятно, что эти А.я. существуют в контакте с курдским (или его непосредственными предками) лишь немногим менее тысячи лет.

Следует, однако, иметь в виду, что диахронический путь создания новых претеритов из результативных конструкций, хорошо известный в языках мира, был пройден обеими языковыми группами примерно одновременно, вследствие чего гипотеза, согласно которой в основе восточноарамейского развития находится синтаксическая

калька с иранского, представляется слишком сильным утверждением. Немецкий иранист В. Айлерс и, вслед за ним, американский арамеист Г. Кротков предполагали, что новые претериты в иранских и восточноарамейских языках возникли независимо, возможно под влиянием какого-либо древнего эргативного языка Северной Месопотамии, например хурритского, однако степень основательности этого предположения проверить трудно. Итальянский арамеист Ф. Пеннакьетти, сопоставивший глагол в туройо и восточных новоарамейских языках с глаголом в курдских диалектах сорани и современном персидском, также приходит к выводу о независимом и параллельном развитии новых претеритов в обеих языковых группах. Кроме того, предполагаемый исходный пункт восточноарамейского развития — предикативное пассивное причастие с субъектом, вводимым предлогом *l-*, не является сколько-нибудь экзотическим для северо-западных семитских языков. Эта конструкция изредка встречается в древнееврейском, ср. например *ʔiššā ʕāšūrā lānū* 'Женщина закрыта для нас', т. е. 'мы воздержались от контактов с женщинами' (1 S 21:6); ср. также частотное высказывание *bārūk ʔattā l-yhwh* 'благословен ты у Яхве', т. е. 'пусть Яхве благословит тебя'. Аналогичная оппозитивная формула известна и в ахеменидском арамейском, например *brk PN l-ʔsry* '(пусть) имярек (будет) благословен у Осириса' (TAD D22.13). В имперском арамейском неоднократно встречается также синтаксическая идиома *ydyʕ yhwu l-k* 'пусть тебе будет известно'.

Наконец, попытка объяснить сохранение новомандейского претерита *gaʕal* контактом с иранскими языками типа современного персидского, а возникновение нового претерита *qʕille* связать с воздействием северо-западных иранских языков вроде курдского (сохранивших элементы эргативного синтаксиса) скорее всего дает слишком позднюю абсолютную датировку для нового претерита в туройо и северо-восточных новоарамейских языках (не ранее первой трети II тыс. н. э.) и сводит на нет преемственность между претеритом *qʕille* и восточным среднеарамейским результатом *qʕil l-*.

Изоглоссы, объединяющие восточные новоарамейские языки, а также изоглоссы, расчленяющие совокупность этих идиомов, рассматриваются в обобщающих работах С. Хопкинса, С. Фокса, Г. Гольденберга и Дж. Хана.

5. Предварительные лексикостатистические подсчеты (по А. Милитареву) указывают на рубеж I–II тыс. до н. э. как время отделения А.я. Сравнительная грамматика центральносемитских языков допускает более раннюю датировку, возможно середине II тыс. до н. э., однако рассмотренные выше дистриктивные признаки праарамейского языка не дают надежных оснований для абсолютной датировки отделения.

6. Ф о н о л о г и я. Сопоставление орфографий арамейских памятников первой половины I тыс. до н. э., ахеменидского корпуса и демотического арамейского текста из Египта позволяет допустить, что праарамейский и исторически засвидетельствованные А.я. на раннем этапе своего существования сохраняли отдельные рефлексы всех 29 прасемитских с о г л а с н ы х фонем. Орфографические данные, на которых основано это допущение, проанализированы в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании.

В предлагаемой ниже таблице представлены рефлексы прасемитских согласных в праарамейском и классическом сирийском. Сирийский консонантизм наиболее характерен для всего «среднего» периода эволюции А.я. и в целом тождествен консонантизму западных литературных А.я. той же эпохи. Консонантизм классического мандейского и арамейского языка Вавилонского Талмуда отличается от сирийского главным образом за счет ослабления и смешения фарингалов и ларингалов. В табли-

це приводятся лишь те прасемитские согласные, рефлексы которых совпали в сирийском с рефлексами других прасемитских согласных.

Прасем.	Праарам.	Сирийский
* <i>t</i>	* <i>t</i>	<i>t</i>
* <i>d</i>	* <i>d</i>	<i>d</i>
* <i>t̥</i>	* <i>t̥</i>	<i>t̥</i>
* <i>ṣ</i>	* <i>ṣ</i>	<i>s</i>
* <i>ṣ̣</i>	* <i>x</i>	<i>ṣ</i>
* <i>h</i>	* <i>h</i>	<i>h</i>
* <i>γ</i>	* <i>γ</i>	<i>ṣ</i>

Как видно из таблицы, отражение прасемитского репертуара согласных в классическом сирийском сводится к ряду слияний: интердентальные совпали с дентальными, увулярные совпали с велярными, латеральный сибилант /*ṣ̣*/ совпал с сибилантом /*s*/, а эмфатический латеральный сибилант /*ṣ̣̣*/ совпал с фарингалом /*ṣ*/. Праарамейским рефлексом общесемитского **ṣ̣̣*, вероятно, был ларингализованный увулярный /*x̣*/ (о его предполагаемой рефлексации в демотическом арамейском тексте в виде /*γ*/ и датировке его перехода в /*ṣ*/ см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании).

В западных А.я. интердентальные совпали с дентальными еще в древнеарамейский период (см. выше о позднем этапе древнего арамейского и статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Переход **ṣ̣̣* > *s* с трудом поддается абсолютному датированию: орфографические ошибки в текстах Ахеменидской эпохи из Египта указывают на то, что в западных А.я. этот переход прошел около середины I тыс. до н. э. В клинописном заклинании **ṣ̣̣* передается знаками для *ṣ̣̣*, что, возможно, свидетельствует о сохранении /*ṣ̣̣*/ в диалекте, на котором написан этот текст. Описанное выше орфографическое варьирование в старосирийском и хатранском корпусах позволяет допустить, что в соответствующих восточных диалектах переход **ṣ̣̣* > *s* прошел не позже начала I в. до н. э. Судя по записям арамейских имен собственных силлабической клинописью, увулярный /*γ*/ сохранялся в А.я. на протяжении по крайней мере первой половины I тыс. до н. э.: в клинописи /*γ*/ передавался знаками серии 𐤅V, ср. например элемент теофорного арамейского имени *ia-ḥi-ri* [уауḥr] 'пусть он защитит' (√**γur*) в новоассирийских текстах IX в. и VII в. В тот же период рефлекс фарингальных **h* и **ṣ̣̣* в арамейских именах собственных передавались в клинописной орфографии знаками для гласных. Для рефлексов **h* клинописные данные отсутствуют.

Во всех А.я., на основе которых были созданы шесть больших литературных диалектов среднего периода, действовала поствокальная спирализация шумных смычных /*b*/, /*g*/, /*d*/, /*p*/, /*k*/, /*t*/, т. е. у этих фонем появились позиционно обусловленные щелевые аллофоны, обозначаемые в семитологии знаками /*ḅ*/, /*g̣*/, /*ḍ*/, /*p̣*/, /*ḳ*/, /*ṭ*/: эти знаки призваны символизировать щелевой характер соответствующих звуков и их изначально аллофонический статус, однако не предсказывают деталей их реализации, так как они неизвестны и, вероятно, варьировали по диалектам. У нас нет недвусмысленных сведений о том, когда правило спирализации вступило в силу. Ф. Розенталь предполагал, что спирализация смычных началась уже в VI в. до н. э. Эту позицию разделяют ученые, принявшие периодизацию А.я., предложенную Дж. Фицмайером, в частности С. Кауфман. Столь ранняя датировка основывается

прежде всего на общих соображениях из области исторической фонологии: она должна объяснить наличие спирантов /b/, /g/, /d/, /p/, /k/, /t/ во всех литературных А.я. ранневизантийской эпохи, которые, согласно принятому в этой научной школе мнению, произошли от «официального арамейского».

Трудность датировки объясняется тем, что консонантная орфография литературных А.я. I тыс. до н. э. и начала христианской эры была ориентирована на единообразную передачу фонем (и как правило морфем) во всех фонетических контекстах и не фиксировала аллофоническое чередование даже в тех случаях, когда репертуар знаков в принципе позволял бы его передать (например, /b/ посредством буквы {w}). Поэтому для датировки спирантизации интересны записи арамейских слов и текстов syllabической аккадской клинописью: она по всей вероятности не связана с традицией нормированной консонантной орфографии, отчасти передает синхронное слоговое устройство слов и может выразить как минимум различие между звуками /k/ и /k̄/ посредством знаков, отражавших аккадские фонемы /k/ и /h/. В клинописном арамейском заклинании поствокальный негеминированный /k/ последовательно передается знаками KV, например *za-ki-it* 'я победил(а)': сравнение со словарем и грамматикой более поздних восточноарамейских языков позволяет считать, что речь идет о форме суффиксального спряжения G-породы *zakī. Такого рода свидетельства указывают на то, что в восточном арамейском правило спирантизации вступило в силу после создания этого клинописного заклинания, т. е. не ранее I в. до н. э. Для западного арамейского имеются косвенные указания лишь на хронологическую границу, не позднее которой прошла спирантизация смычных. В библейских текстах, переписанных на рубеже христианской эры в Кумране писцами, родным языком которых был палестинский арамейский диалект, изредка встречаются примеры использования буквы {w} вместо {b}, например *wkšlw w-gwytm* вм. *wkšlw b-gwytm* 'и они споткнулись об их трупы' (На 3:3); встречаются также примеры использования буквы {h} для записи поствокального /k/. Опираясь на такого рода данные, К. Байер предполагает, что спирантизация смычных прошла в I в. до н. э. Й. Мучики, исследовавший египетские имена собственные в ахеменидских текстах, показал, что увулярный /h/ и палатальный /h/ египетского языка в поствокальной позиции последовательно передаются в них буквой {h}, а не {k}. На этом основании Й. Мучики предполагает, что в ахеменидском арамейском не было поствокальной спирантизации.

Едва ли не единственное косвенное текстуальное свидетельство в пользу ранней датировки спирантизации было предложено немецким иранистом В. Айлерсом. Он заметил, что в позднеавилонском аккадском тексте VI в. до н. э. древнеперсидское имя собственное *Xšayāršā* 'Ксеркс' передается как ^m*ak-ši-ia-ar-šu* и ^m*hi-ši-?ia-ar-ši*. Айлерс полагал, что позднеавилонский аккадский в VI в. был исключительно письменным языком, а родным языком автора этого текста был арамейский; по мнению Айлерса, в приведенных примерах передача древнеперсидского увулярного /x/ знаками AK или HJ зависит от положения по отношению к гласному.

Таким образом, совокупность сведений об исторической фонологии А.я. позволяет считать, что не позже конца I тыс. до н. э. позиционное чередование смычных и щелевых аллофонов /b/, /g/, /d/, /p/, /k/, /t/ было свойственно всем А.я., однако время, когда правило автоматической поствокальной спирантизации начало действовать, не удастся установить с удовлетворительной точностью. Неоднократно утверждалось, что позиционная спирантизация смычных не могла быть чертой древнего арамейского, так как в противном случае спирантные аллофоны фонем /d/ и /t/, предположи-

тельно фонетически идентичные раннеарамейским фонемам **q* и **l*, смешивались бы с последними на письме. Однако такого рода фонетическая орфография едва ли вероятна в монументальных эпиграфических текстах. Скорее можно было бы ожидать появления эпизодических ошибок в употреблении букв {*k*} и {*h*} в текстах Ахеменидского периода, например в частной переписке V в. из Египта (/ħ/ = {*k*}, /k/ = {*h*}), однако такие случаи неизвестны.

С исторической точки зрения гипотеза, согласно которой тенденция к спирализации смычных наметилась еще до разделения праарамейского на восточную и западную ветви и затем была последовательно проведена в дочерних языках, привлекает своей простотой, однако совокупность фактических данных не поддерживает ее. Поэтому следует считать, что спирализация развилась параллельно (и примерно одновременно) во всех тех А.я., которые были зафиксированы на письме в первой половине I тыс. н. э. С типологической точки зрения поствокальная спирализация является довольно тривиальным позиционным чередованием. Среди эпиграфических семитских языков она в той или иной степени наблюдается в памятниках аккадского и финикийского. Специфика истории А.я. состоит в том, что на сравнительно раннем этапе развития А.я. началось взаимодействие позиционной спирализации смычных с позиционной синкопой кратких гласных, что стало причиной глубоких изменений в консонантизме А.я. I–II тыс. христианской эры (см. об этом в статье «Классический сирийский язык» и в статьях о новоарамейских языках в наст. издании).

В о к а л и з м А.я. I тыс. до н. э. восстанавливается лишь в общих чертах, преимущественно путем внутренней реконструкции, опирающейся на данные «огласованных» литературных языков I тыс. н. э. (прежде всего классического сирийского) и тивериадской огласовки библейского арамейского, зафиксированной в конце I тыс. н. э. Синхронными свидетельствами арамейского вокализма I тыс. до н. э. являются клинописное восточноарамейское заклинание и в некоторой степени арамейские лексические заимствования в аккадском.

Древний арамейский первой половины I тыс. до н. э. сохранил отдельные рефлексы всех шести прасемитских гласных фонем: **a* : **ā*, **i* : **ī*, **u* : **ū*. Это следует из отражения прасемитского флективного и продуктивного деривативного вокализма в огласованных арамейских корпусах (о грамматических формах и словообразовательных моделях, на которые опирается реконструкция прасемитского вокализма, см. статью «Семитские языки» в наст. издании). В древнем арамейском в той или иной мере сохранялись исторические дифтонги **aw* и **au*. Об этом свидетельствует то, что они присутствуют в части позиций в классическом сирийском (*yawm-ā*_{опр.} vs. *yōm*_{сопр.} 'день', *qays-ā*_{опр.} vs. *qēs*_{сопр.} 'древесина'), а также полностью сохранились в западном новоарамейском языке Маалулы (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании).

Все прасемитские трифтонгоидные сочетания монофтонгизировались в арамейском в доисторический период. С этим связана единственная заметная инновация в раннем арамейском вокализме по отношению к прасемитскому — возникновение **ē* в результате стяжения некоторых трифтонгов. Так, гипотетические трифтонги **awi* и **ayi* в именных производных корнях с R₂w/y отражаются в восточном варианте классического сирийского как /ē/, например *rēh-* 'запах', *ʿēd-* 'праздник'. Следует иметь в виду, что с начала письменного предания арамейского языка в IX в. до н. э. проводилось орфографическое различие между формами индикатива и юссива в префиксальном спряжении глаголов с R₃y, например *yhw h* 'он будет' vs. *yhw y* 'пусть он будет'. Из сравнения с огласованными текстами следует, что буква {*h*} в таких случаях обо-

значала гласный /ē/; он возник в результате монофтонгизации трифтонга *-Vyu. Буква {y} в формах юссива передавала дифтонг *-ay и (или) *-ī < *-iy. В А.я. середины и второй половины I тыс. до н. э. гласные типа /ē/ возникали из сочетаний *-iʔ и *-aʔ в результате падения гортанного взрыва, а также при монофтонгизации (повсеместной или позиционно обусловленной) дифтонга *-ay. Примером может служить история прасирийского вокализма, рассмотренная в статье «Классический сирийский язык» в наст. издании. Самое раннее свидетельство о падении гортанной смычки /ʔ/ и монофтонгизации *-ay в устных А.я. дает орфографическое варьирование в арамейских документах из Египта середины I тыс. до н. э.

Гласный /ō/ появился в А.я. середины I тыс. прежде всего в результате стяжения дифтонга *-aw, а также вследствие нерегулярного перехода *ā > *ō перед /n/ в корневых и суффиксальных морфемах, ср. например *tšru* [tōširī] 'ты_{ж.р.} пришлешь' (√wšr) и *?rwn* 'ящик' (< *?Vrān-) в египетском арамейском, *dkrwnʔ* 'меморандум' (< *dikrānā) в библейском арамейском (Esr 6:2). В ряде случаев диахроническая ретроспектива /ō/ в древних А.я. неясна, как, например в продуктивной модели имени деятеля qāṭōl-.

Краткие падежные гласные в ауслaute именных форм и краткие суффиксальные гласные в ауслaute финитных форм глагола пали в дописьменную (отчасти, возможно, в доарамейскую) эпоху.

Важнейшим этапом в фонологической эволюции А.я. в исторический период стала синкопа кратких гласных в открытых безударных слогах инлаута. Так как краткие гласные как правило не фиксировались в арамейских орфографиях до начала среднего периода, то для истории синкопы важна передача арамейских слов и текстов письменностями, регулярно выражающими гласные: силлабической клинописью и греческим алфавитом.

По данным лексических арамеизмов в новоассирийских, ново- и поздневавилонских текстах можно заключить, что в период с VIII по V в. включительно синкопа еще не наступила. Об этом свидетельствуют следующие заимствования из А.я. в аккадский I тыс., представленные в фонологической транскрипции В. фон Зодена, который составил список из примерно 250 арамеизмов в аккадском: поздн. вав. *galālu* 'камень, галька' — иуд. вав. арамеизм. *glāl-* 'камень', кл. сир. *glāl-* 'круглый'; н.-асс. *gumāru* 'древесный уголь' — кл. сир. *gmurtā* 'уголь', мн. ч. *gumrīn*; поздн. вав. предлог *lapan* 'перед' возник из сочетания арамейского предлога *l-* (< *la) + аккад. *pan-* 'передняя часть'; поздн. вав. *darīku* 'спрессованные финики' — арамейское производное корня *drk* 'давить, топтать', не имеющего этого значения в аккадском. Однако ценность приведенных примеров для истории арамейского вокализма не очевидна: во-первых, в позиции будущей синкопы всякий раз оказывается гласный первого слога, при том, что в аккадском языке недопустим начальный консонантный кластер; во-вторых, в большинстве примеров второй слог начинается с сонорного, а в аккадском сонорные в такой позиции обладали способностью в той или иной степени блокировать синкопу (правда, чаще такие случаи наблюдаются перед /r/). Более «безупречных» примеров в корпусе не найдено.

В качестве синхронного свидетельства о кратком арамейском вокализме клинописное закливание более важно, чем арамеизмы в аккадском тексте. Этот памятник указывает на сохранность безударных кратких гласных в открытом слоге, ср., например *ga-ba-re-e* 'мужчины' vs. *gabrē* в сирийском (праарамейская форма имела вид *gabaraayaʔ*), *qu-da-am* 'перед' vs. *qdām* в сирийском и *qōdām* в тивериадской огласовке библейского арамейского.

О сохранении кратких гласных в инлауте свидетельствуют арамейские слова и тексты, записанные греческим алфавитом в I в. н. э., ср. например $\tau\alpha\lambda\iota\theta\alpha$ = [talīṯā] 'девочка' (Mc 5:41), $\lambda\alpha\mu\alpha \sigma\alpha\beta\alpha\chi\theta\alpha\nu\iota$ = [lamā šabaqtanī] 'Почему ты меня оставил?' (Mc 15:34).

Консонантная орфография классического сирийского указывает на то, что в эпоху создания старосирийской орфографической нормы (вероятно, в конце II в. до н. э.), отчасти унаследованной классическим сирийским, еще сохранялся вставочный гласный /a/ в основе множественного числа односложных существительных $C_1\check{V}C_2C_2$: $\text{ʕm}?$ [ʕammā] 'народ' — мн. ч. $\text{ʕmm}?$ [ʕamamē], $\text{sm}?$ [samṯā] 'лекарство' — мн. ч. $\text{smmm}?$ [samamānē]. То же наблюдается и в орфографии иудейского палестинского арамейского (преемственной по отношению в западноарамейской орфографии конца I тыс. до н. э.): $\text{ym}?$ 'море' — мн. ч. $\text{ymmy}?$.

Первое недвусмысленное эпиграфическое свидетельство о падении кратких гласных дают арамейские слова и тексты, записанные греческим алфавитом в эллинистическом г. Дура-Эвропос на среднем Евфрате в первой половине III в., например $\theta\alpha\rho\theta\eta\nu \gamma\omicron\beta\nu\nu$ (< *gubānīn) 'два сыра'. Как видно из этого примера, а также из огласованных библейских арамейских и сирийских текстов, в последовательности из двух безударных кратких слогов выпадал второй.

Вероятно, что /i/ в некоторых А.я. синкопировался раньше, чем /a/. Для классического сирийского в пользу такого предположения свидетельствует то, что выбор смычного или щелевого согласного иногда зависит от качества синкопированного этимологического гласного, например katpā (< *katīpā) 'плечо' vs. kenpā (< *kanapā) 'крыло', garbā (< *garībā) 'чесоточный' vs. garbā (< *garabā) 'чесотка'. Такие контрастные примеры позволяют соотнести хронологию спирализации и синкопы. В конце I тыс. до н. э. во всех А.я. прошла поствокальная спирализация смычных, приведшая к позиционному чередованию взрывных и фрикативных аллофонов. Уже после этого, примерно между 150 г. и 250 г. н. э., краткие гласные выпали. В сирийском они выпадали не одновременно. Когда наступила синкопа /i/, правило аллофонии смычных и щелевых еще действовало, поэтому * garībā преобразовалось в garbā . Когда, вероятно лишь несколько десятилетий спустя, синкопировался /a/, смычное произношение следовавших за ним спирантов /b/, /g/, /d/, /p/, /k/, /t/ не восстановилось: * garabā > garbā . В классическом сирийском это привело к частичной фонологизации контрастов типа $b : \check{b}$ и ряду аналогических переносов. Например, у глаголов с R_3u и типовым гласным претерита i во 2-м лице единственного числа появляется суффикс $-t$ по аналогии с сильным глаголом: hđīt 'ты радовался/радовалась' (ср. ktabt 'ты написал(-а)') vs. hđī 'я радовался/радовалась'.

Тивериадская диакритика библейского арамейского, в отличие от классического сирийского, регулярно показывает щелевое произношение согласного, следующего за выпавшим гласным, например kāṭbā (< *kātībā) 'она пишет' (в отличие от сир. kāṭbā). Труднообъяснимые с исторической точки зрения колебания наблюдаются лишь у именного показателя женского рода *-at в формах единственного числа определенного статуса, ср. $\text{mđīntā}_{\text{опр.}}$ 'город' vs. $\text{gbūrṯā}_{\text{опр.}}$ 'сила'. Вероятно, что в том палестинском арамейском диалекте, фонология которого запечатлена в тивериадской традиции чтения библейского арамейского, краткие гласные разного качества выпали одновременно, и при этом позиционное чередование смычных и щелевых аллофонов не восстановилось.

Судя по данным стандартной огласовки, в классическом сирийском синкопа безударных кратких гласных в открытых слогах имела «одноразовый» характер: она

прошла последовательно и затем утратила силу синхронного правила, обусловленного лишь фонетической позицией в потоке речи. Об этом говорит отсутствие синкопы в тех релевантных позициях, которые возникли в ходе дальнейшей эволюции сирийского. Например, фонологический облик инфинитива *tG*-породы *meṭihābū* 'быть отданным' (\sqrt{yhb}) получился в результате закономерного падения /a/ в праформе **meṭyahābū* и последующего перехода $y > \bar{i}$ в окружении согласных (об этом переходе см. статью «Классический сирийский язык» в наст. издании), однако возникший в результате этих двух позиционно обусловленных изменений открытый краткий безударный слог *me-* уже не подвергся синкопе, хотя сирийская фонология не запрещает начального кластера. Синкопой не затронуты инновационные формы множественного числа претерита и императива с конечным *-n*: *ktābūn* 'они написали', *ktobūn* 'Напишите!'. Если верно, что в этих формах ударение переместилось на последний слог, то это произошло уже после того, как правило синкопы утратило силу (об истории ударения см. ниже).

В А.я. начала христианской эры краткие гласные в позициях синкопы выпали полностью и, вероятно, сразу до фонологического нуля. Другими словами, у нас нет достаточных оснований постулировать некую фонологически значимую поэтапную редукцию безударных слогов — вначале количественную, затем качественную (до гипотетического «сверхкраткого» /ə/, наподобие *šwa mobile* в традиции описания тивериадской огласовки текста Ветхого Завета). Яркий пример фонологии без «гебраистического» *šwa mobile* дает классический сирийский, где в огласованных литургических текстах кластер из трех согласных часто разбивается диакритическим знаком для гласного, и появляется этот знак в позиции этимологического нуля гласного, например *tešabqūn* < *tešbqūn* < **tašbuqūn* 'вы оставите'. Однако по крайней мере в одном диалекте, христианском палестинском, рефлексы этимологических кратких гласных разного качества довольно часто записываются буквой {y}. Это указывает на то, что в позиции синкопы вторично возник нейтральный краткий гласный, разбиравший неудобопроизносимые кластеры: *bytwl?* 'девственница' (< **batūlat-*), *šylm?* 'благо' (< **šalām-*), часто для обозначения префиксального гласного D-породы: *nyqbl* [nəqabbəl] 'мы примем'. Буква {y} в позиции синкопируемого краткого гласного иногда появляется также в иудейском вавилонском, например *tuqwm* 'она (должна) будет стоять'. Подобные примеры известны и в самаритянском; интересна, в частности, запись слова 'небеса' как *šwmyh* (< **šamaṣyā*), где {w} в позиции синкопы, вероятно, передает вставочный гласный, огубленное качество которого объясняется соседством с /m/.

Фонология почти всех среднеарамейских языков изучена недостаточно. При нынешнем состоянии наших знаний можно предположить, что *matres lectionis* в позиции синкопы появляются в тех литературных корпусах, орфография которых установилась или испытала изменения уже после падения кратких гласных в инлауте слова.

К началу I в. до н. э. в А.я. пали долгие безударные гласные в конце фонетического слова. При этом заударные гласные в 3-м лице множественного числа суффиксального спряжения и формах императива с флективными суффиксами в ряде диалектов сохранялись в результате добавления *-n* в ауслaute (см. выше характеристику среднеарамейских языков). Самое раннее свидетельство о падении заударных вокалических суффиксов 3-го лица множественного числа суффиксального спряжения в живых диалектах дает пальмирской корпус (см. выше его характеристику). В арамейском языке Палестинского Талмуда употребляются преимущественно формы с добавочным *-n*: перф. *qṭālūn*, *qṭālān*, имп. ед. ч. ж. р. *qṭālīn*, имп. мн. ч. м. р. *qṭālūn*. В класси-

ческом сирийском хорошо засвидетельствованы формы обоих типов, с добавочным *-n* и без него. Например, для 3-го лица множественного числа мужского рода суффиксального спряжения есть формы типа *q̄alūn* и формы типа *q̄al* (с непроизносимой буквой {w} в графическом ауслауте). Такого рода факты следует объяснять тем, что в живом языке употреблялись формы на *-ūn*, а записи типа *q̄l̄w* отражали орфографическую норму, возникшую (возможно, под имперско-арамейским влиянием) в конце II в. до н. э., в период создания «старосирийского», литературного языка царства Осроэна.

Возможно, что некоторые разговорные формы А.я. утратили долгие гласные в ауслауте ряда личных местоимений уже в Ахеменидскую эпоху. Об этом свидетельствует орфографическое варьирование вроде *?nty* vs. *?nt* 'ты_{ж.р.}', *-h* vs. *-hh/-h?* 'её' в арамейском корпусе из Египта, см. об этом статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании.

История ударения в А.я. понята недостаточно, общепринятая точка зрения на этот счет не выработана. Наиболее правдоподобной представляется следующая реконструкция, основанная преимущественно на данных огласованных корпусов.

Все древние А.я. на некотором этапе своего развития имели сильное экспираторное ударение, чем объясняется прошедшая в начале III в. н. э. синкопа кратких гласных в открытых предударных слогах. Для истории ударения у имен важен тот факт, что краткие падежные гласные были утрачены до появления членной формы имени, т. е. в преарамейский период (см. выше описание морфологических инноваций праарамейского). Имена в I тыс. до н. э. имели фиксированное ударение на последнем слоге: неопр. и сопр. ф. **rāhīm* 'друг', опр. ф. **rāhīm-ā*, мн. ч. неопр. ф. **rāhīm-īn*, мн. ч. сопр. ф. **rāhīm-āy*, мн. ч. опр. ф. **rāhīm-ayūā*. Такая же картина восстанавливается для имен женского рода с суффиксом **-at*: неопр. ф. **šappīr-ā* 'прекрасная', сопр. ф. **šappīr-āt*, опр. ф. **šappīr-atā*, мн. ч. неопр. ф. **šappīr-ān*, мн. ч. сопр. ф. **šappīr-āt*, мн. ч. опр. ф. **šappīr-ātā*. По данным арамейских имен собственных в клинописной передаче, существительные с историческими односложными основами C₁VC₂C₃- сохраняли конечный кластер в бессуффиксальных формах до середины I тыс., ср., например *ab-da-il* и *ab-dī-il* [ʔabdʔil] 'слуга бога', *id-ra-īm* [ʔidr hadad] 'помощь Адада', *zab-di-il* [zabdʔil] 'дар бога': в первом примере варьирование гласного элемента в слоговых знаках CV указывает на конечный консонантный кластер, который не может быть непосредственно передан средствами силлабического письма. Позже конечный кластер в этом классе существительных был устранен за счет вставки вспомогательного гласного (преимущественно /e/), вследствие чего возникли имена с ударением на предпоследнем слоге, например **hēlm* > **hēlem* 'сон'. В дальнейшем в этом классе имен ударение, под влиянием общей тенденции, перешло на последний слог: **hēlem* > **hēlēm*. Когда предударные краткие гласные выпали, эти существительные в бессуффиксальных формах получили тот облик, который они имеют в огласованных текстах, т. е. **hēlēm* > *hlem*.

У глагольных форм ударение в I тыс. до н. э. приходилось на предпоследний слог, если форма имела исход на долгий суффиксальный гласный, в остальных случаях ударение было на последнем слоге: **katābū* 'они написали' vs. **katabūn* 'вы написали'. К началу I в. до н. э. долгие заударные суффиксальные гласные либо пали, либо сохранились за счет появления /n/ в ауслауте. Вероятно, что в формах типа *ktabūn* 'они написали' в классическом сирийском и арамейском диалекте Палестинского Талмуда ударение тоже перешло на последний слог в период их бытования как жи-

вых языков, однако после того, как перестало действовать правило синкопы кратких гласных.

История ударения в А.я. в период вскоре после арабского завоевания прослеживается плохо. На основании сведений о традиционном чтении в ряде общин (иудеев, сирийских христиан, самаритян) и данных об ударении в новоарамейских языках принято считать, что около 700 г. н. э. ударение в большинстве А.я. стало передвигаться на предпоследний слог — вначале в словоформах с открытым последним слогом, а затем и с закрытым. Таким образом, ни на одном из известных этапов в истории А.я. словесное ударение не имело фонологической нагрузки.

Новоарамейские языки обнаруживают тенденцию к фиксированному ударению на предпоследнем слоге (см. их описания в наст. издании). По сведениям О. Ястрова, обнаруженный им на юго-востоке Турции (и ныне вымерший) язык млахсо, в целом близкий к туройо, имеет ударение на последнем слоге. Фиксированное ударение на последнем слоге имеется и в еврейских новоарамейских языках иранского Азербайджана и восточного Ирака; по мнению И. Гарбелл, это не архаичная черта, а инновация, возникшая под влиянием курдского. См. об этом также статью «Новоарамейские языки» в наст. издании.

Морфология. В А.я. существительные делятся на два рода, мужской и женский. К мишеням согласования по роду относятся атрибутивные и предикативные прилагательные, бóльшая часть финитных глагольных форм и личных местоимений, другие разряды местоимений (обычно некоторые из вопросительных и пространственно-дейктические), количественные числительные первого или первых двух десятков. Морфологические показатели рода у существительных и согласуемых по роду лексемах сохраняют материальную преемственность на протяжении всей документированной истории А.я.: эти показатели изменялись лишь фонетически под действием диахронических закономерностей (ср., например 2.3.2. в статье «Маалулы язык» в наст. издании). Существительные в восточных новоарамейских языках противопоставлены по родам лишь в единственном числе, так как все мишени согласования (прилагательные, глаголы и личные местоимения) утратили согласовательные родовые формы во множественном числе (см. раздел 4., а также статью «Туройо язык» в наст. издании). Исключение составляют лишь некоторые количественные числительные: в ряде восточных новоарамейских языков (например в туройо) они согласуются в роде с исчисляемыми во множественном числе.

Существительные во всех А.я. изменяются по ч и с л а м. Категория числа имеет два значения: единственное и множественное. Число является внутренней согласовательной категорией у прилагательных и глаголов.

Ниже прослеживается характерная для А.я. связь между кодированием о п р е д е л е н н о с т и у существительных и методами маркирования существительного как прямого дополнения переходных глаголов. Способы выражения этих двух типов значений в А.я. часто совмещаются, так как объектные маркеры в ряде случаев сочетаются лишь с контекстуально детерминированными существительными. С точки зрения исторической типологии интересно, что для арамейского на всем протяжении его истории характерно стремление поддерживать достаточно регулярные, морфологические или продуктивные аналитические, способы кодирования детерминации и объектности: по мере десемантизации старых морфологических или аналитических показателей этих типов значений отдельные А.я. создают для этих значений новые способы выражения, часто с высокой степенью грамматикализации.

Как следует из предложенных выше лингвистических характеристик А.я. I тыс. до н. э., во всех этих языках с контекстуально детерминированными существительными употреблялся суффиксированный определенный артикль, который копировался и атрибутивными прилагательными: *byt-ʔ₁ rb-ʔ₂* [baytā rabbā] ‘большой₂ дом₁’ (TAD A3.8:6). Как и в других древних семитских языках, артикль был несовместим с вершинами именных групп с зависимыми-существительными или связанными местоимениями. В праарамейском артикль имел форму **-aʔ* или **-āʔ* (неопределенность реконструкции связана с тем, что в ряде А.я. ударный **-aʔ* преобразовывался в *-ē*, в то время как артикль после падения гортанного взрыва неизменно получает облик *-ā*). Этимология арамейского артикля неясна и остается предметом дискуссии.

Что касается аналитических показателей прямого дополнения, то из приведенных выше (см. раздел 4.) наблюдений за ними на материале А.я. I тыс. до н. э. можно сделать следующие выводы. В праарамейском существовала *nota accusativi* **ʔiyūāt*, этимологически связанная с близкими по семантике элементами в родственных языках: самальским *wt* (*wātʔ*), ханаанейским I тыс. до н. э. *ʔt*, а также классическим арабским *ʔiyūā-*. Эта *nota accusativi* **ʔiyūāt* была унаследована западной ветвью староарамейского. Данный показатель, вероятно, тяготел к употреблению с контекстуально определенными дополнениями (как и указанные маркеры в родственных языках), при этом преимущественно обозначающими лиц. На это предположение наводит раннеарамейский текст из Сфире (*hn* [...] *l-tʔth b-ħylk* [...] *l-šgb byt-y* [...] *l-šgb ʔyt ʔqr-y* ‘Если [...] ты не придешь со своей армией [...], чтобы защитить мой дом [и если твой потомок не придет,] чтобы защитить [nota accusativi] моего потомка’, КАИ 222 В:31 сл.), а также ряд других вхождений *ʔyt* и его более поздней редуцированной формы *yt* в западных староарамейских текстах. В некоторых западных староарамейских диалектах с этим показателем начинает конкурировать предлог *l-* с этимологическим директивным значением, уже в праарамейском функционировавший и как показатель адресата и реципиента. Вероятно, что в диалекте, ставшем основой ахеменидского арамейского, *l-* полностью вытеснил унаследованную *nota accusativi*, так как в ахеменидском корпусе *yʔt/yt* не употребляется. В ахеменидских текстах из Египта наблюдается тенденция употреблять *l-* с контекстуально детерминированным прямым дополнением, при этом преимущественно (хотя уже не обязательно) с обозначениями лиц (см. 2.3.4. в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании).

Однако в большей части устных западных диалектов I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. *yt* как показатель прямого дополнения сохранился. Это видно, в частности, из того, что он появляется (обычно наряду с *l-*) в постахеменидских имперско-арамейских корпусах. Для объяснения этого факта следует допустить, что речь идет о влиянии устных адстратных А.я. на литературный имперский арамейский. С этой гипотезой хорошо согласуются данные фрагментов палестинского таргума из Каирской генизы (как принято считать, они не затронуты «вавилонизирующим» влиянием официальных таргумов). В ряде случаев этот таргум употребляет *yt* и *l-* в порядке свободного варьирования в одном и том же отрывке: *w-qbl₁ mʔmr₂-h d-ʔdny₃ b-rʔwh₄ yt hbl₅ w-yt dwrwn₆ dydh₇ w-l-qyn₈ w-l-dwrwn₉ dydh₁₀ lʔ qbl₁₁ b-rʔwh₁₂* ‘Слово₂ Господа₃ приняло₁ Авеля₅ и его₇ дар₆ с благосклонностью₄, а Каина₈ и его₁₀ дар₉ не приняло₁₁ с благосклонностью₁₂’. По наблюдениям С. Фасберга, *l-* в этом корпусе маркирует преимущественно прямые дополнения-существительные с положительным значением определенности, обозначающие лиц, а более частотный показатель *yt* сочетается и с другими типами контекстуально определенных существительных, а также с суффи-

гированными местоимениями. Сходная ситуация обнаруживается в хасмонейской редакции имперского арамейского: в качестве показателя прямого дополнения в этом корпусе хорошо засвидетельствованы обе частицы. Однако в библейском арамейском, который по ряду диагностических черт очень близок к хасмонейскому, *yt* появляется лишь однажды. Напротив, в набатейском и пальмирском корпусах, а также в «старом западноарамейском» (см. раздел 4.) употребляется лишь *yt*. Таким образом, среди западных А.я. I тыс. до н. э. к чистым *l*-корпусам относятся ахеменидский и библейский арамейский.

В разговорных западноарамейских языках среднего этапа предлог *l*- как показатель прямого дополнения вероятно не употреблялся: в самаритянском и христианском палестинском в качестве *nota accusativi* появляется лишь *yt*, а иудейский палестинский, где в этой функции засвидетельствованы *l*- и *yt*, едва ли отражает в этом отношении живой узус, так как в его корпусе ощутимы имперско-арамейское и «вавилонское» (т. е. восточноарамейское) влияния.

На глубокую укорененность *yt* в западных А.я. указывает и то, что в литературных западноарамейских корпусах средней ступени **yt* с объектным местоименным суффиксом часто записывается как связанный элемент при глагольной форме, ср. например *hmtyh* (\sqrt{hmy}) 'он увидел его' в галилейском арамейском (наряду с записью «в два слова» *hmh ytyh*), *mlth* (\sqrt{mly}) 'он наполнил его' и *šbhwth* ($\sqrt{šbh}$) 'они хвалили его' в самаритянском.

В древних восточных А.я. в качестве показателя прямого дополнения (первоначально контекстуально определенного) засвидетельствован лишь предлог *l*-. Немногочисленные вхождения *yt* в Вавилонском Талмуде и Пешитте объясняются влиянием западного арамейского или даже древнееврейского текста Ветхого Завета. Наблюдаемая здесь *l*-изоглосса между восточными А.я. и ахеменидским арамейским нуждается в осмыслении с точки зрения исторической диалектологии А.я. Можно допустить, что диалектом-основой имперского арамейского был западный идиом, бытовавший в VI в. до н. э. в восточноарамейском окружении (вероятнее всего в Месопотамии), так что речь идет об ареальной черте.

Эти факты дают основание реконструировать *l*- как инновационный показатель прямого определенного дополнения с личным референтом и для правосточноарамейского. Что же касается морфологического кодирования определенности, то уже в правосточноарамейском краткие формы вытесняются членными, что привело к маргинализации в восточном арамейском унаследованной словоизменительной категории статуса (см. раздел 4.). Праарамейская неопределенная форма употребляется в восточноарамейском лишь в ограниченном количестве синтаксических контекстов, например в обстоятельственных предложных группах и в качестве именного сказуемого, но и в этих контекстах она чередуется с членной формой (см. примеры в статье «Классический сирийский язык» в наст. издании). Таким образом, отделение восточного арамейского было отмечено параллельными инновациями в кодировании синтаксического объекта и семантики определенности.

В ответ на разрушение морфологической категории определенности восточные литературные А.я. средней ступени создали аналитические методы для выражения контекстуальной детерминированности существительных, употребляемых в разных синтаксических позициях. В частности, в классическом сирийском предлог *l*- как показатель детерминированного прямого дополнения расширил область своего употребления и часто сочетается с существительными, не обозначающими лиц: *?abgar*

malkā... ḥzā l-mayyā 'Царь Абгар... увидел (эти) воды'. В сирийском детерминированное прямое дополнение часто «отслеживается» также посредством кореферентного ему объектного местоимения, согласующегося с субстантивным дополнением в числе и роде: *tarḥū₁-y₂-waw mayyā₃ l-šūrā maḥrḥāyā da-mḏittā* 'Воды₃ прорвали₁-ее₂ западную стену города'. Подобные синтаксические приемы маркирования определенного дополнения обнаруживаются и в классическом мандейском: *apḵ-h_{м.р.} nu l-ḥurba_{м.р.}* букв. 'Ной выпустил-его_{м.р.} ворона_{м.р.}'. Эта пролептическая конструкция неизвестна в А.я. I тыс. до н. э.; вероятно, ее появление связано с тем, что семантика предлога *l*-как показателя детерминированного объекта стала стираться.

О связи между кодированием детерминации и прямого дополнения в новоарамейских языках см. раздел 4., а также статью «Маалулы язык» в наст. издании. В частности, на материале языка Маалулы хорошо видно, что западные А.я. в новоарамейский период во многом воспроизвели диахронический путь выражения определенности и синтаксического объекта, пройденный восточными А.я. в староарамейскую и среднеарамейскую эпохи. Историческая членная форма существительных в языке Маалулы уже не выражает семантику детерминированности. В качестве показателя контекстуально детерминированного прямого дополнения **yat* заменен рефлексом предлога *l*-, грамматический ранг которого повысился до уровня пролептического аффикса в составе глагольной словоформы: *ḥal-lē-le tarḥa_i* 'Он открыл ему дверь'.

У г л а г о л а в древних А.я. морфологически выражались в и д о - в р е м е н - н ы е, м о д а л ь н ы е и з а л о г о в ы е значения. Ниже предлагается краткий обзор того, как выражение этих значений эволюционировало в А.я. I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. О формальных и семантических аспектах глагольной морфологии в новоарамейских языках см. раздел 4., а также статьи «Новоарамейские языки», «Маалулы язык» и «Туройо язык» в наст. издании.

В древнем западном арамейском первой половины I тыс. до н. э. глагол обладал крайне скудным набором словоизменительных средств для выражения вида/времени и модальности: все они унаследованы из працентральносемитского состояния. С формально-морфологической точки зрения «базовых» парадигм всего две: суффиксальное спряжение и префиксально-суффиксальное спряжение («перфект» и «имперфект» традиционных грамматик). В обоих спряжениях флективные согласовательные аффиксы отражают лицо, число и род подлежащего; у глагольных форм 1-го лица нет родовых противопоставлений, как и у местоимений 1-го лица. В префиксально-суффиксальном спряжении у форм с суффиксами морфологически противопоставлены индикатив («долгая» форма) и юссив («краткая» форма, иногда называемая также «апокопированной»). От основы префиксального спряжения образуется императив: он ограничен 2-м лицом и изменяется по числам и родам. Императив имеет те же словоизменительные суффиксы, что и юссив 2-го лица, в функции отрицательного императива употребляется юссив с отрицанием *ʔal* (о суффиксе императива множественного числа женского рода см. ниже.) Примерно та же картина была и в праарамейском; о реконструируемой для праарамейского косвенно-модальной форме *l*-прекатива (возможно, находившейся в отношениях свободного варьирования с у-юссивом) ср. раздел 4. при обсуждении этимологии *l*- и *n*-префиксальных форм в восточном арамейском.

Общее представление о внешних словоизменительных аффиксах глагола в древнем арамейском дает парадигма финитных форм, засвидетельствованных в ахеменидском корпусе (см. статью «Имперский арамейский язык» в наст. издании). Орфо-

графически эти формы тождественны тем, что встречаются в древнеарамейской эпиграфике XI–VI вв.

История префиксального спряжения в староарамейских языках (I тыс. до н. э. — начало н. э.) может быть реконструирована следующим образом:

— общий предок арамейских языков и самальского имел *l*-прекатив, сохранившийся в праарамейском языке; так как в самальском в 3-м лице единственного числа мужского рода *l*-прекатив сосуществовал с синонимичным ему *y*-юссивом (см. раздел 4.), то такую же ситуацию можно допустить и для праарамейского;

— в правосточноарамейском *l*-форма вытеснила *y*-форму не только в волитивном значении, но и в значении будущего времени, что объясняется близостью семантики будущего времени и косвенной модальности;

— в западном арамейском, напротив, *y*-форма полностью вытеснила *l*-форму в ходе того же семантического развития;

— к началу христианской эры все индивидуальное А.я., как западные, так и восточные, утратили морфологическое различие «долгой» и «краткой» форм префиксального спряжения (т. е. прежних форм индикатива/будущего времени и юссива) в пользу «долгой» формы исторического индикатива. Это упрощение объясняется тем, что со второй половины I тыс. до н. э. «новый презенс» (предикативное причастие) все больше проникал в сферу будущего времени, вытесняя префиксальное спряжение в область косвенной модальности. К этому же времени юссивное отрицание *?al* вышло из употребления, уступив место индикативному отрицанию *lā*.

Отдельную проблему представляет собой морфологический облик староарамейского юссива 2-го и 3-го лица множественного числа женского рода. В древнем и ахеменидском арамейском в этих формах семантические юссивы орфографически тождественны семантическим индикативам: те и другие имеют исход на *-{n}*, которому в префиксальном спряжении среднеарамейских языков соответствует суффикс *-ān* (см., например, глагольные парадигмы классического сирийского). Ср. некоторые релевантные примеры юссива из Сфире (VIII в.): *yhynq-n* 'Пусть они_{ж.р.} кормят грудью!' (КАИ 222 А:22, 23; 223 А:2, К-порода *√ynq*), *y?p-n* 'Пусть они_{ж.р.} пекут!' (КАИ 222 А:24, *√?py*), *?l yml?-n* 'Пусть они_{ж.р.} не наполнят!' (КАИ 222 А:24, *√ml?*), а также из Букана: *yhynq-n* 'Пусть они_{ж.р.} кормят грудью!' (КАИ 320:6). Такую же флексию имеет единственный относительно надежный пример юссива 2-го лица в ахеменидском арамейском, который появляется в переписке из Гермополя: *tdʕ-n* 'Вам_{ж.р.} следует знать!' (ТАД А2. 5:2, *√ydʕ*). Для Сфире и Букана волитивный смысл приведенных форм доказывается тем, что в аналогичных контекстах этих же памятников имеются графически недвусмысленные формы юссива мужского рода (например *yhp-k-w* 'Пусть они_{м.р.} перевернут' в КАИ 222 С:21), а также наличием волитивного отрицания *?l*. При этом в Сфире формы индикатива префиксального спряжения множественного числа мужского и женского рода имеют графический исход на *-n*: *yšlh-n*_{м.р.} '(боги) пошлют' (КАИ 222 А:30), *ygzr-n*_{м.р.} '(его вельможи) будут отсечены' (КАИ 222 А:40), *yqh-n*_{ж.р.} '(эти женщины) будут забраны' (КАИ 222 А:42). Семантически индикативный характер формы *yqh-n*_{ж.р.} подтверждается параллелизмом с графически недвусмысленной формой индикатива *ygzr-n*_{м.р.}.

Такая же орфография наблюдается у соответствующих форм *l*-прекатива в надписи из Телль-Фахариye (IX в.): *lhynq-n* 'Пусть они_{ж.р.} кормят грудью!', *l?p-n* 'Пусть они_{ж.р.} пекут!' (ср. форму множественного числа мужского рода *llqt-w* 'Пусть они_{м.р.} собирают урожай!').

Приведенные фактические данные позволяли бы предположить, что во множественном числе женского рода древний арамейский имел общую форму у индикатива и юссива, возможно с инновационным праарамейским глагольным суффиксом *-ān* (см. раздел 4. о праарамейских инновациях, и ср. *teqtl-ān*, *neqtl-ān* в сирийском). Однако такому допущению противоречит сравнение с теми огласованными корпусами, в которых существование глагольного флективного суффикса *-ān* впервые становится наглядным.

Принимаемый в настоящем описании тезис о формальном различии между индикативными и юссивными формами множественного числа женского рода в А.я. I тыс. до н. э. вытекает из наблюдений над глаголами с R_{3y}. В библейском арамейском с тивериадской огласовкой имеются формы *yīšknān*_{ж.р.} 'они_{ж.р.} будут обитать' (Да 4:18), *lāhāwūān*_{ж.р.} 'они_{ж.р.} будут' (Да 5:17, \sqrt{hwu}). Последний пример показывает, что в библейском арамейском (как и в среднеарамейских языках) глаголы с R_{3y} сохраняют согласный /y/ в формах с *-ān*, что подтверждается орфографией той же формы из Кумрана: *lhwyn mlwhy*_{мн.ч.ж.р.} *d[y ?n]wš dy l? ydš mđš* 'Его слова_{мн.ч.ж.р.} будут как у человека, который не знает ничего' (АТТМ 269 Е 1:4). Однако эти данные не соответствуют орфографическому облику приведенных выше древнеарамейских форм *y?p-n/l?p-n* 'Пусть они_{ж.р.} пекут!' ($\sqrt{?py}$), так как при формальной идентичности юссива индикативу для форм с **-ān* ожидалась бы запись **y?py-n/*l?py-n*. В ахеменидском корпусе есть еще одна релевантная форма глагола с R_{3y}, которая тоже записана без буквы {y}: *hn tkl-n*_{ж.р.} *thyt-n*_{ж.р.} (TAD A2. 5:5, $\sqrt{?ty}$ К-порода). Т. Мураока считает, что это форма индикатива: 'если вы сможете послать', букв. 'если вы сможете_{ж.р.} (и) вы пошлете_{ж.р.}'. На этом основании Мураока предполагает, что в ахеменидском арамейском у индикатива и юссива множественного числа женского рода была общая форма с суффиксом *-n* (< **-na*), как в классическом арабском. В рамках описания ахеменидского корпуса эта позиция неопровержима, однако отсюда должно следовать сильное утверждение о том, что в западных А.я. не позже II в. до н. э. (время написания Да) в индикативе суффикс **-na* заменился на **-ān*. Поэтому при имеющихся фактических данных (и в перспективе истории арамейского глагола) более простым представляется предложение Дж. Хюнергарда: в древнем арамейском IX–VIII вв. в индикативе был суффикс **-ān*, а в юссиве — **-n(a)*: **yaqtul-ān* 'они_{ж.р.} убьют' vs. **yaqtul-n(a)* 'пусть они_{ж.р.} убьют' (в таком случае форму *thyt-n*_{ж.р.} (TAD A2. 5:5) вероятно следует толковать как юссивную: 'если вы можете, (то) вы должны послать'). Косвенным образом существование юссивного суффикса **-na* в восточном арамейском подтверждается единственной формой императива множественного числа женского рода, засвидетельствованной для I тыс. до н. э. Она встречается в клинописном заклинании: *qu-ú-mi-ni* [qútmən] 'Вставайте_{ж.р.!}', где слоговая письменность передает вспомогательный гласный, разбивающий конечный кластер (< **qúm-na*).

В то же время во всех А.я. средней ступени имеется рефлекс императива множественного числа женского рода с суффиксом *-ā* (**qtúl-ā*). Юссив с суффиксом **-ā* однажды засвидетельствован в Кумране: *ybd-h*_{ж.р.} [yābudā] 'Пусть они_{ж.р.} погибнут!' ($\sqrt{?bd}$, АТТМ 268). Эти факты можно объяснить с помощью предположения об аналогическом выравнивании по парадигме: на последнем этапе существования юссива как отдельной морфологической сущности формы множественного числа женского рода были образованы заново от одноименных форм индикатива, т. е., например *yaqtul-ān*_{инд.} — *yaqtúl-ā*_{юсс.}, по аналогии с формами множественного числа мужского рода *yaqtul-ún*_{инд.} — *yaqtúl-ū*_{юсс.}, что привело также к замене флективного суффикса в императиве множественного числа женского рода (*-ā* вм. **-na*).

Орфографическое различие между релевантными староарамейскими формами индикатива и юссива глаголов с R_{3y} (*lhwn* 'они будут_{мн. ч. ж. р.}' vs. *yʔp-n/lʔp-n* 'Пусть они пекут_{мн. ч. ж. р.}!') должно объясняться тем, что по фонологическим условиям R_{3y} в формах юссива реализовывался как гласный и поэтому не отражался на письме.

Семантика суффиксального и префиксального с п р я ж е н и я традиционно остается классической темой в исследованиях по грамматике А.я. I тыс. до н. э. История изучения староарамейского глагола рассмотрена в монографии Х. Гзеллы. Трудности в установлении «базовых значений» обоих спряжений связаны с тем, что анализ взаимодействия между (всего лишь) двумя типами финитных форм и их контекстами зависит от теоретических решений, которые не всегда могут быть приняты для письменных языков с малыми корпусами. Так как текстовый материал не позволяет показать, что суффиксальное и префиксальное спряжения выражают видовое противопоставление в одном и том же временном плане (т. е. в будущем или прошедшем), то с практической точки зрения проще всего считать, что мы имеем дело не с видовыми значениями, а с бинарной временной оппозицией «прошедшее» (суффиксальное спряжение) vs. «непрошедшее» (префиксально-суффиксальное спряжение). Именно таково контекстуальное значение обеих форм в монументальной эпиграфике IX–VIII вв. Так как в этом корпусе отсутствуют высказывания с семантикой настоящего времени, то мы не можем узнать точно, когда в А.я. возникла тернарная, в основе своей дейктическая, оппозиция: суффиксальное спряжение = прошедшее, предикативное причастие = настоящее, префиксально-суффиксальное спряжение = будущее. Эта ситуация хорошо засвидетельствована в эпистолярном корпусе из Гермополя, созданном около 500 г. до н. э. Насколько удастся установить, самый ранний пример предикативного причастия с значением настоящего времени (с перформативным оттенком) появляется в правовом документе VII в. из городища Шуях-Фаукани, опубликованном Ф.М. Фалесом в 1996 г.: *rhnn ʔš* '(Поименованные выше участники сделки) **отдают** человека **в залог** (за восемь сиклей серебра)'.¹

Этот простой способ выражения временных отношений в основе своей поддерживался во всех литературных А.я. второй половины I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., однако во всех этих языках (в восточных в более выраженной мере, чем в западных) сказываются инновации, поначалу синтаксического характера, которые привели к созданию новых и при этом сложно устроенных средств морфологического кодирования видо-временных значений, которые наблюдаются в новоарамейских языках.

Уже в ахеменидском корпусе свободно употребляются перифрастические конструкции причастий с личными формами вспомогательного глагола *hwy* 'быть', выражающие дуративные и итеративные ситуации в плане прошедшего и будущего, как например: *zy ʔrḥ? zn? yhwḥ ʔdh_{прич.} ʔyš ʔl yʔml* 'Всякий, кто **будет проходить мимо** по этой дороге, пусть не причиняет вреда (этой гробнице)' (КАI 318:3 сл.). В классическом сирийском имеется около десятка перифраз, выражающих временные, аспектуальные и модальные значения и в ряде случаев конкурирующих с синтетическими формами. В этих перифразах упорядочивается место вспомогательного глагола *hwy* относительно слова, несущего лексическое значение, а в случае постпозиции *hwy* происходит его клитизация и фонологическое сокращение: все вместе это указывает на начинавшуюся морфологизацию некоторых из перифраз.

В А.я. средней ступени далеко зашла грамматикализация предикативных отглагольных прилагательных в качестве новой формы настоящего-будущего времени. Так, в устном языке, лежащем в основе классического сирийского, постпозитивные

субъектные местоимения при предикативных прилагательных приобрели статус словоизменяемых суффиксов. В частности, некоторые формы сирийских прилагательных, спрягаемых за счет местоименных энклитик, морфологически идентичны синтетическому презенсу в туройо, ср. например кл. сир. *damkát* — тур. *dámxət* (обе формы имеют значение 'ты_{м.р.} спишь').

Залог и актантная деривация в староарамейских языках выражались производными породами и внутренним пассивом. Систематическое описание репертуара пород в староарамейский период возможно лишь для библейского арамейского в тивериадской традиции. В библейском арамейском есть три основные породы: морфологически неосложненная G-порода, D-порода («интенсив» с геминацией среднего радикала), K-порода («каузатив» с породным префиксом *h-* или *ʔ-*), и две *t*-производные породы: *tG* и *tD*. Для G и K в суффиксальном спряжении засвидетельствован внутренний пассив. Вероятно, что такой же набор пород следует реконструировать для праарамейского (ср. выше лингвистические характеристики праарамейского и языка арамейской эпиграфики IX–VIII вв.). Порода *tK* надежно засвидетельствована лишь на среднеарамейском этапе, поэтому приходится делать допущение, согласно которому она возникла в ходе развития А.я. в исторический период.

За пределами библейского корпуса финитный внутренний пассив засвидетельствован в староарамейском у G-породы (в древнем арамейском и во всех имперских корпусах) и у K-породы (преимущественно в Кумране). Для внутреннего пассива D-породы мало надежных примеров.

В текстах IX–VII вв. все вхождения внутреннего пассива приходятся на префиксальное спряжение. Ср. наиболее достоверные из немногочисленных примеров внутреннего пассива в ранней эпиграфике: *ygzr* 'он будет разрублен', *tgzr* 'она будет разрублена', *ygzrn* 'они будут разрублены', *y[r]šmn* 'они будут записаны', *yʔr* 'он будет ослеплен', *tʔmr* 'пусть она будет упомянута', *tšbr* 'она будет разбита' (все из Сфире), *ynšr* 'Пусть он будет храним!' (КАИ 225:13, эпиграфия, около 700 г.). Все эти примеры принято относить к G-породе на основании орфографии (отсутствует показатель K-породы) и сравнения со словарем среднеарамейских языков. Морфологический облик этой формы (Gr) неизвестен, в литературе обычно постулируется **uqʔal* по аналогии с классическим арабским. Внутренний пассив K-породы (Kp) в древнем арамейском не засвидетельствован.

Во второй половине I тыс. н. э. внутренний пассив представлен почти исключительно в суффиксальном спряжении. Засвидетельствованы десятки суффиксальных форм Gr и Kp, в частности 42 формы Gr и 12 форм Kp в библейском арамейском. Ср. следующие примеры пассива G-породы из ахеменидского корпуса: *ʔʔynt* 'она была возложена' (TAD B2. 3:24), *šʔyltm* 'вы были допрошены' (TAD B2. 9:8), *qʔylw* 'они были убиты' (TAD A4. 7:17).

Приведенные записи с {*y*} и огласованный библейский текст позволяют предположить, что основа пассива суффиксального спряжения G-породы тождественна основе пассивного причастия той же породы (**qaʔil-*). Если это предположение справедливо, то суффиксальное спряжение Gr имеет диахронически неглубокое отыменное происхождение и, таким образом, представляет собой арамейскую инновацию. Альтернативно можно сделать допущение о том, что основа суффиксального спряжения Gr имела облик **qaʔil-*, однако оно едва ли может быть обосновано на материале исторических А.я. Основа суффиксального спряжения Kp — *ʔuqʔal/huqʔal*, ср. *hussaʔ* 'он был поднят' (Da 6:24).

К началу среднеарамейского периода от внутреннего пассива уцелели только пассивные причастия G-, D- и K-пород; в некоторых восточных А.я. пассивные причастия производных пород сохранились до новоарамейского периода, а в туройо они не только сохранились в качестве продуктивных отглагольных имен, но и стали основами для новых личных форм с детранзитивными значениями (в северо-восточных новоарамейских языках такого рода значения выражаются аналитически). В среднеарамейских языках для выражения пассивного и детранзитивного значений используются *t*-породы и пассивные предикативные причастия. Так, в классическом сирийском пассив часто выражается аналитическими предикатами, включающими пассивное причастие и клитизированную финитную форму глагола *hwy* 'быть', например *ḥšlīm-waw* 'они были изготовлены'.

С л о в о о б р а з о в а н и е. На всем протяжении истории А.я. в них сохраняются обычные для семитских языков классы словообразовательных морфем и характерные для этих языков типы словообразовательной синтактики. Так, при отглагольном словообразовании всегда вычленяется консонантный корень, с которым по определенным правилам сочетаются разные типы аффиксов (в основном это диффиксы, приставки и суффиксы, а также операция удлинения второго радикала).

У отглагольных существительных в А.я. есть продуктивные словообразовательные правила, поддерживающиеся на протяжении всей известной нам арамейской языковой истории. Один из важных примеров такого рода — **qaṭāl*, модель абстрактного имени действия, образуемого от глаголов исходной породы. В аккадском и, вероятно, в прасемитском по модели *qaṭāl* образовывались инфинитивы, т. е. продуктивные имена действия, при употреблении которых в активной диатезе семантический объект может оформляться так же, как прямое дополнение при личной форме глагола. Как упоминалось выше (см. раздел 4.), в литературном древнем арамейском маргинально засвидетельствованы беспрефиксальные G-инфинитивы, например *l-šgb* *ʔy* *ʔqy* 'защитить моего потомка' (КАИ 222 В:32). В этом тексте инфинитив G-породы *šgb* вводится предлогом *l-*, что в имперском арамейском и А.я. средней ступени почти обязательно для инфинитивов во всех синтаксических позициях, а семантический объект инфинитива получает показатель прямого дополнения *ʔy*. Есть основания считать, что здесь мы имеем дело с архаичной морфологической моделью G-инфинитива *qaṭāl*.

В устных А.я. уже в первой половине I тыс. до н. э. употреблялся лишь инновационный (специфически арамейский) G-инфинитив **maqṭal*, имеющий продолжение во всех среднеарамейских языках (подробнее см. раздел 4.); при этом унаследованная модель *qaṭāl* не была утрачена, но лишь изменила свои синтаксические свойства. Это видно из того, что в А.я. средней ступени по модели **qaṭāl* от глаголов исходной породы свободно образуются имена действия, лексически синонимичные инфинитивам **maqṭal*, но не принимающие предлог *l-* в позиции подлежащего и оформляющие свой семантический объект как зависимое в именной группе. Ср. в классическом сирийском *l-meḳtab* *l-seḫrā* 'писать [nota accusativi *l-*] книгу' vs. *ktāb-ēh d-seḫrā* 'написание-ее (этой) книги'.

Таким образом, в А.я. средней ступени возникла виртуальная синонимия имен действия, свободно образуемых по двум правилам от одного и того же глагола. На новоарамейском этапе эта синонимия была устранена в пользу **qaṭāl*: во всех новоарамейских языках инфинитив **maqṭal* исчез почти бесследно, а в качестве инфинитива исходной породы используется рефлекс **qaṭāl* (см. статьи «Маалулы язык» и «Туройо язык» в наст. издании).

С точки зрения эволюции глагольной системы А.я. особый интерес представляет словообразовательная структура *qaṭṭīl*: она специфична для А.я. в качестве продуктивной модели прилагательных, образующихся от одностепенных и низкотранзитивных двухместных глаголов. Такие прилагательные обычно имеют результативную, процессную или стативно-качественную семантику, в зависимости от значения этимонов. В среднеарамейский период отглагольные прилагательные *qaṭṭīl* по продуктивности становятся сравнимыми с активными и пассивными причастиями исходной породы (*qāṭel* и *qṭīl*) и, как и эти причастия, регулярно употребляются в качестве предикатов именных предложений и в составе перифраз с вспомогательным глаголом *hwy* 'быть' (подробности и примеры см. в статье «Классический сирийский язык» в наст. издании). Как известно (см. раздел 4.), в обеих ветвях новоарамейских языков предикативные прилагательные *qaṭṭīl*, спрягаемые за счет энклитических субъектных местоимений, эволюционировали в финитные формы непереходных глаголов с результативно-перфектным (западные новоарамейские языки) и претеритальным (ряд восточных новоарамейских языков) значениями. Причина появления этой изоглоссы не понята. В языках, относящихся к обеим ветвям новоарамейских языков, прилагательные **qaṭṭīl* остаются продуктивными (см. разделы о словообразовании в статьях «Маалулы язык» и «Туройо язык» в наст. издании). В свете истории арамейских активных причастий представляется важным, что в туройо рефлекс **qaṭṭīl* используется как свободно образуемое результативное прилагательное, производное от непереходных глаголов (т. е. «причастие»), которое обычно употребляется в качестве предиката именных предложений с постпозитивной энклитической местоименной копулой: *kalle*_{1ж.р.} *rawixe*_{2ж.р.} *d-as-sasye* u *ʕaskar lawiše*_{3ж.р. -ne}_{коп. 3 л. мн. ч.} 'Все они₁ сидят верхом₂ на лошадях и одеты₃ (+ копула 3 л. мн. ч.) (как) солдаты'.

С точки зрения истории словообразования в А.я. особого внимания заслуживают активные причастия, которые рассматриваются здесь преимущественно на примере причастий G-породы, хотя это описание в целом верно и для причастий D- и K-пород. В качестве активного причастия G-породы во всех древних А.я. использовался рефлекс прасемитской именной модели **qāṭil*. В аккадском (возможно и в прасемитском) имена **qāṭil* употреблялись преимущественно как продуктивные *nomina agentis*, отличаясь от канонического общесемитского имени деятеля **qaṭṭāl/qaṭṭal* лишь синтаксически: *qāṭil* в качестве имени деятеля обычно возглавлял именную группу с зависимым в генитиве. Он сохранил эту функцию и в древних А.я. (см. раздел о словообразовании в статье «Классический сирийский язык»), однако уже в I тыс. до н. э. арамейские причастия **qāṭil* (как и причастия других пород) чаще использовались как предикаты именных предложений, описывающих процессы, которые протекают в моменте речи или в другой точке отсчета и лексически обозначаются соответствующим глаголом. Из этих причастий уже на среднеарамейском этапе возникли «основы презенса» (или «имперфектива»), с префиксальной флексией местоименного происхождения в западном арамейском, и с суффиксальной — в восточном. Результатом этого процесса грамматикализации была утрата соответствующими именными моделями статуса «активных причастий» в западных новоарамейских языках, а также в туройо и ряде северо-восточных новоарамейских языков, например в диалектах евреев Эрбиля и Амадии. Эта утрата объясняется тем, что в древних А.я. активные причастия были преимущественно именными предикатами, а не определениями в именных группах, поэтому они редко употреблялись в членной форме, и после прошедшей по всем А.я. вербализации активных предикативных при-

частий в качестве нового презенса этот класс имен потерял свою главную функцию, и тем самым продуктивность.

Главным средством глагольного словообразования в А.я. являются породы. Их репертуар остается в основе своей неизменным в староарамейский и среднеарамейский периоды (G, D и K-породы, а также их *t*-производные). Об их семантике см. описания отдельных древних А.я. в наст. издании. Новоарамейские языки, как правило, утрачивают *t*-породы (подробнее см. 4.), а различие между исходной породой и D в них последовательно лексикализовано, т. е. лишено какой бы то ни было регулярной семантической нагрузки. По-видимому, в каждом отдельном новоарамейском языке нет сколько-нибудь заметного количества корней, от которых образованы глаголы по морфологическим схемам обеих этих пород. В ряде новоарамейских языков вообще нет морфологически отдельных рефлексов древней D-породы; в частности, к таким языкам относятся диалекты евреев Эрбиля, Амадии и Урмии. Напротив, грамматический статус каузативной породы в некоторых новоарамейских языках повысился по сравнению со среднеарамейским состоянием. Так, в туройо (где D-порода в большой степени лексикализована) K-порода продуктивна: она свободно образуется от глаголов G-породы ряда семантических классов и глубоко вовлечена в кодирование отношений залогового типа (транзитива и каузатива), см. об этом статью «Туройо язык» в наст. издании. По мнению Р. Хобермана, и в диалекте евреев Амадии каузативная порода является «кандидатом во флективную категорию».

Следует также отметить, что в западных новоарамейских языках, которые заимствовали большое количество арабских глаголов производных пород, от исконных арамейских глаголов иногда образуются пассивные дериваты по модели арабской VII породы (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании).

С и н т а к с и с А.я. традиционно получает в арамеистике мало внимания; стандартные грамматики большинства письменных корпусов и даже ряда устных диалектов ограничиваются анализом фонологии и формального аспекта морфологии, не затрагивая морфологическую семантику и синтаксические вопросы. Заметное исключение составляют работы одного из основателей современной арамеистики Т. Нёльдеке (1836–1930), который в свои описания сирийского, мандейского и христианского «новосирийского» языков включал все разделы традиционно понимаемого синтаксиса.

С общелингвистической точки зрения наиболее интересен синтаксис восточных новоарамейских языков. Синтаксический строй трех бесписьменных северо-восточных новоарамейских языков иракского Курдистана (Эрбиль, Каракеш и Сулеймания) описан в грамматиках этих диалектов, опубликованных на рубеже XXI в. английским семитологом Дж. Ханом. Американский семитолог Р. Хоберман опубликовал монографическое исследование глагольного морфосинтаксиса и синтаксиса еврейского диалекта Амадии, который также относится к северо-восточным новоарамейским языкам иракского Курдистана. Израильский лингвист Э. Коэн подготовил монографическое описание синтаксиса другого языка той же подгруппы — диалекта евреев из Захо в иракском Курдистане. Едва ли не единственными специальными исследованиями по историческому морфосинтаксису А.я. являются статья Г. Гольденберга «Арамейские перфекты», в которой прослеживается история выражения результативно-перфектной семантики в А.я., а также работа того же автора «Ранний новоарамейский и нынешнее диалектное разнообразие». Французский лингвист Д. Коэн в своем фундаментальном труде о вербализации именных предикатов «Именное пред-

ложение и эволюция глагольной системы в семитских языках» рассматривает в частности возникновение в восточных новоарамейских языках финитного глагола из именных предикаций.

На протяжении всей истории А.я. «базовый» (т. е. коммуникативно нейтральный) порядок слов в простом глагольном предложении, как правило, имеет вид SV(O), при этом порядок слов не выражает формально-синтаксические отношения. Вероятно, что базовый порядок VS(O), традиционно считающийся наиболее типичным для древних семитских языков, отражается лишь в повествовательных текстах ранней эпиграфики, где каждое предложение вводится союзом *w-* 'и': *w-smw₁ kl₂ mlky?₃ ?l₄ msr₅* 'И установили₁ все₂ эти₄ цари₃ укрепление₅' (КАИ 202:9).

В диахроническом аспекте для А.я. характерна нарастающая сложность синтаксических структур предложения, резко повышающаяся в новоарамейский период. В арамейских текстах IX–VII вв. до н. э. именные предложения с подлежащим–личным местоимением нередко обнаруживают стандартное для ряда древних семитских языков устройство P — S: *?š₁ ?nh₂ ?nh₃* 'Я₃ — смиренный₂ человек₁' (КАИ 202 А:2). О нейтральном порядке слов в именных предложениях с подлежащим–существительным судить трудно из-за малого числа примеров. В монументальной эпиграфике этого периода однажды засвидетельствовано (в отрицательной форме) предикативное слово **?i(ay)*, которому была суждена важная роль в дальнейшей истории именного предложения в А.я.: *by₁ tb₂ l-yš-h₃ l-?bhy* букв. 'хорошего₂ дворца₁ нет-его₃ (= не было) у моих предков' (КАИ 216:16). В этом предложении *yš* выступает как спрягаемая копула: это слово согласуется с подлежащим *by* 'дом, дворец' в мужском роде и единственном числе посредством связанного местоимения. В ахеменидском арамейском это предикативное слово засвидетельствовано лишь как неизменяемая вершина односоставных экзистенциальных предложений: *?yty by* 'имеется дом' (КАИ 319:10), *hn mlh l-?yt b-byt?* 'если в доме нет соли' (ТАД D7.2:3). В библейском арамейском *?i-tay* употребляется не только как вершина экзистенциальных предложений, но и как спрягаемая копула: *mdr₁* ед. ч. м. р. *-hwn ?m₃ bsr?₄ l?₅ ?ytw-hy* ед. ч. м. р. 'Их (= богов) обитель₁ — не₅ с₃ (человеческой) плотью₄' (Да 2:11). В этом же корпусе в именном предложении впервые появляется связка в виде личного местоимения 3-го лица, согласующегося в роде и числе с подлежащим: *?nth₁ hw?₂ r?šh₃ dy dhb?₄* 'Голова₃ из золота₄ — это₂ ты₁!' (Да 2:38). Обе эти возможности для эксплицитного выражения предикативной связи в именном предложении получили развитие в литературных А.я. среднего периода (см. раздел 4. об иудейском вавилонском арамейском и описания синтаксиса именного предложения среднеарамейских языков в статьях наст. издания), а затем — в значительно большей степени — и в новоарамейских языках (см. описания языка Маалулы и туройо в наст. издании). Г. Гольденберг называет появление во всех восточных новоарамейских языках обязательных и при этом спрягаемых связок (с различной этимологией в индивидуальных идиомах) переходом от именного предложения к «связочному» (copular sentence) и квалифицирует этот сдвиг как «синтаксическую революцию», сравнимую с «морфологической революцией» при переходе в восточной подгруппе от среднеарамейского глагола к новоарамейскому. О копулятивных предложениях в северо-восточных новоарамейских языках см. статью «Новоарамейские языки» в наст. издании.

Структура глагольного предложения в староарамейский период описана в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании. Решающие изменения по сравнению со староарамейской языковой эпохой наступили в глагольном предложении лишь на

новоарамейском этапе. Можно выделить два типа таких сдвигов, оба они связаны с прослеженной в настоящем описании эволюцией глагола от среднеарамейского состояния (где еще нет настоящего разрыва с исходной арамейской системой) к новоарамейскому. Во-первых, в новоарамейских языках обеих ветвей были созданы глагольные формы, в той или иной степени специализирующиеся на маркировании сказуемого придаточных предложений, что несвойственно древним арамейским языкам. В западных новоарамейских в этой функции употребляется форма префиксального спряжения. В восточных новоарамейских префиксальное спряжение утрачено полностью, и в них синтаксическую функцию субъюнктива выполняет спрягаемая основа отыменного презенса (см. раздел 4. выше и статью «Туройо язык» в наст. издании). Второй сдвиг затрагивает лишь восточноарамейские языки (за исключением ново-мандайского): образование нового претерита переходных глаголов из пассивного причастия с постпозитивным местоименным агенсом в косвенном падеже привело к различиям в кодировании аргументов предикативного ядра в переходных и непереходных предложениях со сказуемым в претерите (см. раздел 4.). В частности, в предложениях со сказуемым-претеритом обнаруживаются черты эргативного синтаксиса (см. также статью «Туройо язык» в наст. издании).

На протяжении трех тысяч лет письменно засвидетельствованной истории А.я. их л е к с и к а, сохраняя многие из своих фундаментальных особенностей, также претерпела существенные изменения.

Как показал Л. Коган, некоторые общие для северозападносемитских языков лексемы, еще сохранявшие свою базовую функцию в наиболее древних арамейских памятниках, оказались на периферии лексического фонда позднейших арамейских диалектов или даже утратились вовсе. Сюда относятся такие древнеарамейские термины, как **rbh* 'саранча' (позднее *qams-*), **š* 'огонь' (в позднейшие периоды постепенно вытесняется термином *nūr-*), **zz* 'быть сильным' (позднее в основном *tqp*), *gbl* 'граница' (позднее *thūm-*), *hry* 'быть беременной' (позднее *bṭn* или **br*), *lḥmh* 'война', *lḥm* Gt 'сражаться' (позднее производные корня *qrb*), *lḥy* 'плохой' (с имперско-арамейской эпохи вытесняется производными корня *b?š*), *zqn* 'быть старым' (позднее *šyb* или *qšš*).

В то же время некоторые лексемы, высокоспецифичные для арамейских языков позднейших периодов, не засвидетельствованы в древнеарамейском корпусе IX–VIII вв. Сюда относятся такие термины, как **lān-* 'дерево' (замещает прасемитский термин **iš-*, рефлекс которого сохраняется в значении 'древесина'), *dmk* 'спать', *kēp-* 'камень' (постепенно вытесняет прасемитский термин **abn-*), *kpn* 'голодать' (замещает прасемитский корень **ryb*), *taly-* 'юноша' (семантическая эволюция прасемитского термина **talay-* 'ягненок'). Л. Коган отмечает, что для большинства концептов, обозначаемых словами этой категории, древнеарамейские надписи не содержат диагностических контекстов. Поэтому возможно, что эти термины были экспонентами соответствующих базовых концептов уже на наиболее древних стадиях развития А.я.

Тенденция к обновлению лексического фонда отмечается также при сравнении словаря имперско-арамейских памятников и «классических» среднеарамейских диалектов. Так, например, употребительные в древнем и имперском арамейском глаголы *lqh* 'брать' и *nš?* 'поднимать, носить' заменяются на ранее не засвидетельствованные *nsb*, *nfl*, *sbl* и *šql*. Сходным образом, утрачиваются такие характерные для ранних арамейских памятников глаголы, как *khl* 'мочь' и **št* 'думать, полагать'.

Как упоминалось выше (см. раздел 4.), последовательное сопоставление базовой лексики классических А.я. восточной и западной ветвей не проводилось. В литературе упоминаются лишь отдельные случаи расхождений в этой области. Наиболее бесспорным является следующий пример. В западных А.я. I тыс. до н. э. в качестве главной лексемы со значением 'видеть' употребляется глагол *hzy*, который вероятно был экспонентом этого значения и в праарамейском, так как *hzy* используется в качестве главного глагола 'видеть' во всех восточных среднеарамейских корпусах. Однако западные среднеарамейские языки обновляют это значение за счет глагола *hny*, который остается основным термином для 'видеть' и в новых западноарамейских языках.

В новоарамейских языках базовая лексика в некоторой степени обновилась за счет заимствованных слов, см. описания новоарамейских языков в наст. издании.

Картина лексических заимствований в А.я. хорошо согласуется с историческими сведениями о контактах арамеоязычных народов с другими языковыми сообществами и с тем, что различные варианты билингвизма и диглосии были важным фактором арамейской языковой истории едва ли не с начала письменной фиксации А.я. При оценке лексических заимствований следует также иметь в виду, что арамейский практически никогда не был языком моноязычного национального государства.

К наиболее древнему пласту заимствований в А.я. относятся аккадизмы. Они появляются уже в ранних текстах IX–VIII вв., например *krs?* 'трон' (< акк. *kussû*) в договоре из Сфире. В древних А.я. засвидетельствовано около 150 аккадизмов — преимущественно существительные, относящиеся к разным семантическим группам культурной лексики; по классификации С. Кауфмана это, в частности, политико-правовая терминология, обозначения профессий, архитектурные термины, названия инструментов и другие термины из области материальной культуры. Эти аккадизмы рассматриваются в наст. издании в описаниях имперского арамейского, иудейского палестинского, классического сирийского, мандейского; см. также выше лингвистическую характеристику иудейского вавилонского. Аккадизмы полностью адаптированы в арамейское словоизменение, они хорошо представлены во всех древних арамейских корпусах начиная с ахеменидского и сохранились в бесписьменных восточных новоарамейских языках.

В среднеарамейских языках есть небольшая группа глаголов, преимущественно с каузативной семантикой, образованных с помощью непродуктивных префиксов *š-* и (реже) *s-* по просодической модели D-породы. В лексиконе восточных среднеарамейских языков такие глаголы представлены лучше, чем в западных, однако в той или иной мере они присутствуют во всех шести классических среднеарамейских диалектах. Ср. некоторые примеры, засвидетельствованные в сирийском: *šawdaš* 'учить, объявлять' < G *ʔidaš* 'знать', *šamlī* 'исполнять' < G *mlā* 'быть полным'; в иудейском вавилонском: *šhrr* 'отпустить на свободу' < G *hrr* 'быть свободным', *šštm* 'заковычивать' < G *štm* 'закрывать'; в мандейском: *šrgz* 'приводить в гнев' < G *rgz* 'сердиться', *šrhb* 'расширять' < G *rhb* 'быть широким', *ssql* 'полировать' < G *sql* 'очищать'. Во всех восточноарамейских языках среднего этапа, а также в арамейском Палестинского Талмуда и мидрашей, есть глаголы *šʔbd* 'подчинять, поработать' < *ʔabdā* 'раб' и *srhb* 'торопить(-ся)' < G *rhb* 'суетиться'. Наиболее правдоподобным диахроническим источником этих каузативных префиксов представляется аккадский *Š-*каузатив. Вероятно, что первоначально в арамейский попали некоторые частотные аккадские гла-

голы каузативной породы как отдельные лексические единицы, три таких заимствования засвидетельствованы в ахеменидском и библейском корпусах имперского арамейского: *šzb* 'спасать' < аккад. *šūzubu*, *škl* 'завершать' < аккад. *šuklulu*, *šyš?* 'заканчивать' < аккад. *šūšū* 'выводить'. Затем носители А.я. вычленили в этих заимствованиях /š/ как словообразующий каузативный префикс, который вследствие этого получил возможность сочетаться с исконно арамейскими корнями. Обращает на себя внимание популярность нескольких таких глаголов (например *šʕbd* 'подчинять'): они не только встречаются во всех А.я. среднего периода, но и были заимствованы из арамейского в мишнаитский еврейский.

Е г и п т и з м ы в заметном количестве засвидетельствованы лишь в ахеменидских текстах из Египта, где часть из них возможно относится к окказиональным заимствованиям (см. примеры в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании).

В староарамейских языках практически нет **г е б р а и з м о в**, надежно отождествляемых по фонологическим или морфологическим критериям. О гебраизмах в среднеарамейских языках см. статьи «Классический сирийский язык», «Мандейский язык» и «Иудейский палестинский арамейский язык» в наст. издании.

А р а б и з м ы в эпоху до завоевания Передней Азии арабами засвидетельствованы в заметном количестве лишь в набатейском и пальмирском (см. раздел 4.). В остальных эпиграфических корпусах они появляются крайне редко. Известен лишь один относительно надежный пример такого рода, появляющийся в новоассирийском частноправовом документе VII в. до н. э.: *rhnn ?š* '(Поименованные выше участники сделки) **отдают** человека **в залог** (за восемь сиклей серебра)', ср. кл. араб. *rahana* с тем же значением. Этот термин засвидетельствован и в набатейском арамейском.

Заимствования из **древнеперсидского** впервые появляются в А.я. в Ахеменидскую эпоху, они составляют заметный слой культурной лексики в ахеменидском арамейском, см. о них в статье «Имперский арамейский язык» в наст. издании. В библейском арамейском насчитывается около 15 иранизмов, среди них есть лексемы, отсутствующие в ахеменидском и имеющие надежно реконструируемые древнеперсидские этимоны, например *dt* 'закон' < др.-перс. **dāta-*, *hdm?* 'член, часть тела' < др.-перс. **handāma-*. Об иранизмах в классическом сирийском, мандейском и иудейском палестинском см. одноименные статьи в наст. издании.

В корпусах древнего и ахеменидского арамейском практически нет заимствований из **греческого** (см. статью «Имперский арамейский язык» о единственном греческом заимствовании, названии денежной единицы «статир», в египетском арамейском). После падения Ахеменидской империи греческий стал официальным и престижным языком в восточном Средиземноморье — государстве Селевкидов, а затем восточной части Римской империи. Из разнообразных источников по истории Палестины известно, что знание греческого в эту эпоху было распространено в высших слоях еврейского общества, тем не менее в арамейских текстах из Палестины, написанных примерно до III в. н. э., грецизмы представлены слабо. Два хорошо адаптированных заимствования из греческого засвидетельствованы в письмах Бар-Кохбы, предводителя второго восстания против римлян: *?kls-h sgy* 'народу (здесь) много' < греч. ὄχλος (АТТМ 352 уСК 15:5, 134 г. н. э.), *b-ʔsply?* 'под охраной, с соблюдением правил безопасности' < греч. ἀσφάλεια 'безопасность, защита' (АТТМ II 284). В брачном договоре из Палестины, написанном до 135 г. н. э., встречается оборот *k-nms?* 'по закону' < греч. νόμος (АТТМ 310 М 21:11). В «Свитке о постах» (ок. 70 г. н. э.) обнаруживаются еще два грецизма, они передают концепты, связанные с рим-

ским владычеством: *dymwsny* 'сборщик податей (в пользу Рима)' < греч. δημοσιώνης, *smh* 'штандарт (с изображением римского императора)' < греч. σημαία 'знамя'. В арамейской части книги Даниила (гл. 3) встречаются греческие названия музыкальных инструментов: *qytrws* < греч. κίθαρις, *psntryn* и *psntryn* < греч. ψαλτήριον, *swmpnyh* < греч. συμφωνία. Вероятно, эти термины имели хождение в Палестине середины II в. до н. э. В целом же складывается впечатление, что письменный арамейский Иудеи II в. до н. э. — II в. н. э. был в большой степени закрыт для заимствований из греческого и стремился по возможности обходиться исконной лексикой, в отличие от современных ему пальмирского и старосирийского. Однако некоторые из приведенных выше примеров наводят на мысль о том, что в устном арамейском Палестины могло быть немало грецизмов.

О грецизмах в набатейском корпусе см. раздел 4. Сравнительно многочисленные (не менее 46) грецизмы в пальмирском относятся преимущественно к семантическим областям администрации, политики, права и архитектуры, например *hptyq?* 'консульский' < греч. ὑπατικός, *hygm?* 'губернатор' < греч. ἡγεμών, *nmws?* 'закон' < греч. νόμος, *?sfw?* 'портик' < греч. στοά. В эпиграфическом корпусе из Хатры почти нет грецизмов, о грецизмах в старосирийском см. статью «Классический сирийский язык» в наст. издании.

В среднеарамейских литературных языках количество греческих заимствований возрастает на порядки по сравнению с предшествующей эпохой. В этом отношении показательны оригинальные тексты на классическом сирийском и особенно галилейском арамейском, который оставался за пределами христианской цивилизации.

Л а т и н и з м ы в древних А.я. по семантике более ограничены, чем заимствования из греческого, это почти исключительно политическая и военная терминология эпохи принцепата, а также названия денежных единиц. Тринадцать заимствований такого рода есть в пальмирском, например *dnr?* < лат. *denarius* 'денарий', *wtrn* < лат. *veteranus* 'старый солдат, ветеран', *lgywn?* < лат. *legio* 'легион', *qtry?* < лат. *centuria* 'центурия', *qlny?* < лат. *colonia* 'земельный надел'. Как принято считать, в классический сирийский латинизмы попадали через посредство греческого.

Лексические заимствования в новоарамейских языках рассматриваются в статьях «Маалулы язык», «Туройо язык» и «Новоарамейские языки» в наст. издании.

ЛИТЕРАТУРА

- Введения в арамеистику, наддиалектные исследования по грамматике
- Barth J. Zwei pronominale Elemente // JSL, 1896, vol. 13.
- Beyer K. Semitische Syntax im Neuen Testament. Göttingen, 1968².
- Beyer K. Die aramäischen Texte vom Toten Meer samt den Inschriften aus Palästina, dem Testament Levis aus der Kairoer Genisa, der Fastenrolle und den alten talmudischen Zitaten. Göttingen, 1984, Bd. I; 1994, Ergänzungsbdt; 2004, Bd. II.
- Boyarín D. An Inquiry into the Formation of the Middle Aramaic Dialects // Bono Homini Donum: Essays in Historical Linguistics, in Memory of J. Alexander Kerns / Ed. Y. Arbeitman, A. Bomhard. Amsterdam, 1981.
- Creason S. Aramaic // The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages. Cambridge, 2004.
- Dalman G. Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch. Leipzig, 1905.
- Fitzmyer J. The Phases of the Aramaic Language // J. Fitzmyer. A Wandering Aramean: Collected Aramaic Essays. Missoula, 1979.
- Ginsberg H. Aramaic Studies Today // JAOS, 1942, vol. 62.
- Goldenberg G. Tautological Infinitive // IOS, 1971, vol. 1.

- Greenfield J.* Standard Literary Aramaic // Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique. The Hague, 1974.
- Gzella H.* Tempus, Aspekt und Modalität im Reichsaramäischen. Wiesbaden, 2004.
- Kaufman S.* The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago, 1974.
- Kaufman S.* Aramaic // The Semitic Languages / Ed. R. Hetzron. N. Y., 1997.
- Kutscher E.* Aramaic // Current Trends in Linguistics / Ed. T. Sebeok. The Hague, 1970.
- Kutscher E.* Aramaic // Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1973, vol. 3.
- Rosenthal F.* Die aramäistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1939.
- Rosenthal F.* Aramaic Studies during the Past Thirty Years // JNES, 1978, vol. 37.
- Tropper J.* Die Inschriften von Zincirli. Neue Edition und vergleichende Grammatik des phönizischen, sam'alischen und aramäischen Textkorpus. Münster, 1993.
- Исследования арамейских литературных языков и культуры
- Борисов А.Я.* Эпиграфические заметки. Четыре арамейские магические чаши Эрмитажа // Эпиграфика Востока. Вып. XIX. Л., 1969.
- Altheim F., Stiehl R.* Die Araber in der alten Welt. Berlin, 1964, Bd. I.
- Brock S. (et al.).* The Hidden Pearl: The Syrian Orthodox Church and Its Ancient Aramaic Heritage. Rome, 2001, vol. I–III.
- Fitzmyer J.* The Languages of Palestine in the First Century A.D. // J. Fitzmyer. A Wandering Aramean: Collected Aramaic Essays. Missoula, 1979.
- Lipiński E.* The Aramaeans: Their Ancient History, Culture, Religion. Leuven, 2000.
- Macdonald M.* Reflections on the Linguistic Map of pre-Islamic Arabia // Arabian Archaeology and Epigraphy, 2000, vol. 11.
- Müller-Kessler Ch.* Interrelation between Mandaeic Lead Rolls and Incantation Bowls // Mesopotamian Magic / Ed. Tz. Abusch, K. van der Toorn. Groningen, 1999.
- Murre-van den Berg H.L.* A Syrian Awakening. Alqosh and Urmia as Centres of Neo-Syriac Writing // Symposium Syriacum VII. Rome, 1998.
- Murre-van den Berg H.L.* From a Spoken to a Written Language. The Introduction and Development of Literary Urmia Aramaic in the Nineteenth Century. Leiden, 1999.
- Parpola S.* Assyrian Identity in Ancient Times and Today. http://www.nineveh.com/parpola_eng.pdf
- Schwartz S.* Language, Power and Identity in Ancient Palestine // Past and Present 148, 1995.
- Исследования по исторической грамматике
- Beyer K.* Der reichsaramäische Einschlag in der ältesten syrischen Literatur // ZDMG, 1966, Bd. 116.
- Cohen D.* La phrase nominale et l'évolution du système verbal en sémitique. Etudes de syntaxe historique. Leuven; Paris, 1984.
- Fischer W.* Zur chronologie morphophonematischer Gesetzmäßigkeiten im Aramäischen // Festgabe für Hans Wehr. Wiesbaden, 1969.
- Geller M.* Philology versus linguistics and Aramaic phonology // BASOR, 2006, vol. 69.
- Huehnergard J.* Asseverative *la and Hypothetical *lu/law in Semitic // JAOS, 1983, vol. 103.
- Huehnergard J.* The Feminine Plural Jussive in Old Aramaic // ZDMG, 1987, vol. 137.
- Huehnergard J.* What is Aramaic? // Aram, 1995, vol. 7.
- Kaufman S.* The History of Aramaic Vowel Reduction // Aramaic and the Aramaic Literary Tradition / Ed. M. Sokoloff. Ramat Gan, 1983.
- Kaufman S.* On Vowel Reduction in Aramaic // JAOS, 1984, vol. 104.
- Kutscher E.* Two 'Passive' Constructions in Aramaic in the Light of Persian // Proceedings of the International Conference on Semitic Studies. Jerusalem, 1969.
- Muchiki Y.* Spirantization in Fifth-Century B.C. North-West Semitic // JNES, 1994, vol. 53.
- Muchiki Y.* Egyptian Proper Names and Loanwords in North-West Semitic. Atlanta, 1999.
- Tropper J.* Aramäisches wyqtl und hebräisches wayyiqtol // UF, 1996, vol. 28.
- Исследования по грамматике отдельных языков
- Bauer H., Leander P.* Grammatik des Biblisch-Aramäischen. Halle, 1927.
- Beyer K.* Die Aussprache des christlich-palästinischen Aramäisch. Zur neuen Grammatik von Christa Müller-Kessler // JSS, 1995, vol. 40.
- Cantineau J.* Le Nabatéen. Paris, 1930–1932.
- Degen R.* Altaramäische Grammatik der Inschriften des 10–8. Jh. v. Chr. Wiesbaden, 1969.

- Epstein J. N.* A Grammar of Babylonian Aramaic. Jerusalem, 1960 [на иврите].
- Fassberg S.* A Grammar of the Palestinian Targum Fragments from the Cairo Genizah. Atlanta, 1990.
- Garr R.* *AY > A in Targum Onqelos // JAOS, 1991, vol. 111.
- Hug V.* Altaramäische Grammatik der Texte des 7. und 6. Jrs v. Chr. Heidelberg, 1993.
- Khan G.* The Morphology of Babylonian Jewish Aramaic // Morphologies of Asia and Africa / Ed. A. Kaye. Winona Lake, 2007.
- Lvias C.* A Grammar of the Aramaic Idiom contained in the Babylonian Talmud. Cincinnati, 1900.
- Luzzatto S.* Elementi grammaticali del caldeo biblico e del dialetto talmudico. Padua, 1865 (имеется английский перевод).
- Macuch R.* Grammatik des samaritanischen Aramäisch. Berlin, 1982.
- Macuch R.* Samaritan Languages: Samaritan Hebrew, Samaritan Aramaic // The Samaritans / Ed. A.D. Crown. Tübingen, 1989.
- Margolis M.* Die aramäische Sprache des babylonischen Talmuds. München, 1910.
- Morag Sh.* Babylonian Aramaic: The Yemenite Tradition — Historical Aspects and Transmission Phonology: the Verbal System. Jerusalem, 1988.
- Müller-Kessler C.* Grammatik des Christlich-Palästinisch-Aramäischen. Schriftlehre, Lautlehre, Formenlehre. Hildesheim, 1991, T. 1.
- Müller-Kessler C., Kwasmann T.* A Unique Talmudic Aramaic Incantation Bowl // JAOS, 2000, vol. 120.
- Muraoka T., Porten B.* A Grammar of Egyptian Aramaic. Leiden; Boston, 2003².
- Nöldeke T.* Mandäische Grammatik. Halle, 1975.
- Rosenthal F.* Die Sprache der palmyrenischen Inschriften und ihre Stellung innerhalb des Aramäischen. Leipzig, 1936.
- Rosenthal F.* A Grammar of Biblical Aramaic. Wiesbaden, 1961.
- Schlesinger M.* Satzlehre der aramäischen Sprache des babylonischen Talmuds. Leipzig, 1928.
- Schulthess F.* Grammatik des christlich-palästinischen Aramäisch. Tübingen, 1924.
- Издания текстов**
- Abou Assaf A., Bordreuil P., Millard A.* La statue de Tell Fekherye et son inscription bilingue assyro-araméenne. Paris, 1982.
- Bachelot L., Fales M.* Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Padova, 2005, vol. 2.
- Ben Hayyim Z.* Tibat Marq: A Collection of Samaritan Midrashim. Jerusalem, 1988 [на иврите].
- Beyer K.* Die aramäischen Inschriften aus Assur, Hatra und dem übrigen Ostmesopotamien (datiert 44 v. Chr. bis 238 n. Chr.). Göttingen, 1998.
- Biran A., Naveh J.* The Tel Dan Inscription: A New Fragment // IEJ, 1995, vol. 45.
- Bresciani E., Kamil M.* Le lettere aramaice di Hermopoli. Roma, 1966.
- Bron F., Lemaire A.* Les inscriptions araméennes de Hazaël // RA, 1989, vol. 83.
- Donner H., Röllig W.* Kanaanäische und aramäische Inschriften. Bd. 1–5. Wiesbaden, 2002.
- Drijvers H., Healey J.* Old Syriac Inscriptions of Edessa and Osroene: Texts, Translations and Commentary. Leiden; Boston, 1999.
- Eph'al I., Naveh J.* Hazael's Booty Inscription // IEJ, 1989, vol. 39.
- Fales F.M.* Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period. Rome, 1986.
- Fales F.M.* An Aramaic Tablet from Tell Shioukh Fawqani, Syria // Semitica, 1996, t. 46.
- Fales F.M., Bachelot L.* Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Padova, 2005, vol. 2.
- Fitzmyer J.* The Genesis Apocryphon of Qumran Cave I: A Commentary. Rome, 1966.
- Geller M.* The Aramaic Incantation in Cuneiform Script (AO 6489 = TCL 6, 58) // JEOL, 1997–2000, vol. 35–36.
- Hackett J.* The Balaam Text from Deir 'Allā. Chico, 1984.
- Hillers D.R., Cussini E.* Palmyrene Aramaic Texts. Baltimore, 1996.
- Klein M.* Genizah manuscripts of Palestinian Targum to the Pentateuch. Cincinnati, 1986.
- Kwasmann T.* Two Aramaic legal documents // BSOAS, 2000, vol. 63.
- Lipiński E.* Studies in Aramaic Inscriptions and Onomastics. Leuven, 1994, vol. 2.
- MacDonald J.* Memar Marqah. Berlin, 1963. 2 vols.
- Mengozi A.* Israel of Alqosh and Joseph of Telkepe. A Story in a Truthful Language, Religious Poems in Vernacular Syriac (North Iraq, 17th century). Louvain, 2002. 2 vols.
- Müller-Kessler C., Sokoloff M.* A Corpus of Christian Palestinian Aramaic. Groningen, 1996–.
- Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Jerusalem, 1986–1999. Vols. 1–4.

- Radner K.* Die neuassyrischen Texte aus Tall Šēh Hamad. Berlin, 2002.
- Schwiderski D.* Die alt- und reichsaramäischen Inschriften: Texte und Bibliographie. Berlin; New York, 2004, Bd. 2.
- Sokoloff M.* The Old Aramaic Inscription from Bukān: A Revised Interpretation // IEJ, 1999, vol. 49.
- Sperber A.* The Bible in Aramaic: Based on Old Manuscripts and Printed Texts. Leiden, 1959–1973. Vols. 1–4.
- Tal A.* The Samaritan Targum of the Pentateuch. A Critical Edition. Tel Aviv, 1980, vol. 1; 1981, vol. 2; 1983, vol. 3.
- Yamauchi E.* Mandaic Incantation Texts. New Haven, 1967.
- И с с л е д о в а н и я н о в о а р а м е й - с к и х я з ы к о в
- Cohen E.* The Copular Clause in Jewish Zakhō Neo-Aramaic // JSS, 2008, vol. 53.
- Fox S.* The relationship of the eastern Neo-Aramaic dialects // JAOS, 1994, vol. 114.
- Garbell I.* The Jewish Neo-Aramaic dialect of Persian Azerbaijan: Linguistic Analysis and Folkloristic Texts. The Hague, 1965.
- Goldenberg G.* Early Neo-Aramaic and Present-Day Dialectal Diversity // JSS, 2000, vol. 45.
- Goldenberg G.* Pronouns, Copulas and a Syntactical Revolution in Neo-Semitic // Studi afroasiatici. XI incontro italiano di linguistica camito-semitica / A. Mengozzi (ed.). Milano, 2005.
- Häberl C.* The Neo-Mandaic Dialect of Khorramshahr. Harvard University, Cambridge (MA), 2006 [неопубликованная диссертация].
- Hoberman R.* The History of the Modern Aramaic Pronouns and Pronominal Suffixes // JAOS, 1988, № 108.
- Hoberman R.* The Syntax and Semantics of Verb Morphology in Modern Aramaic. A Jewish Dialect of Iraqi Kurdistan. New Haven, 1989.
- Hopkins S.* Neo-Aramaic Dialects and the Formation of the Preterite // JSS, 1989, vol. 34.
- Jastrow O.* *Mlahsō*: An Unknown Neo-Aramaic Language of Turkey // JSS, 1985, vol. 30.
- Jastrow O.* The Neo-Aramaic Languages // The Semitic Languages / Ed. R. Hetzron. New York, 1997.
- Kapeliuk O.* Is Modern Hebrew the Only «Indo-Europeanized» Semitic language? And What About Neo-Aramaic? // IOS, 1996, vol. 16.
- Khan G.* Some Remarks on Linguistic and Lexical Change in the North Eastern Neo-Aramaic Dialects // Aramaic Studies, 2003, vol. 1, № 2.
- Khan G.* The Morphology of Babylonian Jewish Aramaic // Morphologies of Asia and Africa / Ed. A. Kaye. Winona Lake, 2007.
- Khan G.* The Morphology of Neo-Aramaic // Morphologies of Asia and Africa / Ed. A. Kaye. Winona Lake, 2007.
- Khan G.* Ergativity in the North Eastern Neo-Aramaic Dialects // Studies in Semitic and General Linguistics in Honor of Gideon Goldenberg / Ed. T. Bar and E. Cohen. Münster, 2007.
- Khan G.* The North-Eastern Neo-Aramaic Dialects // JSS, 2007, vol. 52.
- Krotkoff G.* A Neo-Aramaic Dialect of Kurdistan. Texts, Grammar, and Vocabulary. New Haven, 1982.
- Pennacchietti F.* Verbo neo-aramaico e verbo neo-iranico // Tipologie della convergenza linguistica: Atti del Convegno della Società Italiana di Glottologia / V. Orioles (ed.). Bergamo 17–19 dicembre 1987. Pisa, 1988.
- Younansardaroud H.* Bibliographie zur neuaramäischen Dialekte. http://userpage.fu-berlin.de/~semiarab/neuaram_bibliographie.pdf
- С л о в а р и и и с с л е д о в а н и я л е к с и к и
- Brockelmann C.* Lexicon Syriacum. Halle, 1928 [Berlin, 1892].
- The Comprehensive Aramaic Lexicon. <http://cal1.cn.huc.edu>.
- Drower E., Macuch R.* A Mandaic Dictionary. Oxford, 1963.
- Hoftijzer J., Jongeling K.* Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Leiden; New York; Köln, 1995. Vols. 1–2.
- Kogan L.* Lexicon of the Old Aramaic Inscriptions and the Historical Unity of Aramaic // Babel und Bibel, 2005, vol. 2.
- Maraqten M.* The Arabic Words in Palmyrene Inscriptions // Aram, 1995, vol. 7.
- O'Connor M.* The Arabic Loanwords in Nabatean Aramaic // JNES, 1986, vol. 45.
- Schulthess F.* Lexicon Syropalaestinum. Berlin, 1903.
- Sokoloff M.* A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period. Ramat Gan, 1990.
- Sokoloff M.* A Dictionary of Jewish Babylonian Aramaic of the Talmudic and Geonic Periods. Ramat Gan; Baltimore, 2002.

Sokoloff M. A Dictionary of Judean Aramaic. Ramat Gan, 2003.

Soden W., von. Aramäische Wörter in neuassyrischen und neu- und spätbabylonischen Texten: Ein Vorbericht // *Or.*, 1966, vol. 35; 1968, vol. 37; 1977, vol. 46.

Tal A. A Dictionary of Samaritan Aramaic. 2 vols. Leiden; Boston; Cologne, 2000.

Сокращения названий историков

Названия библейских книг даются по-латински в соответствии с общепринятыми научными изданиями *Biblia Hebraica Stuttgartensia* и *Nestle-Aland Novum Testamentum Graece et Latine* (в скобках приводятся русские соответствия в Синодальном переводе):

2 R — Regum 2 (4-я Царств)
 Na — Nahum (Наум)
 Cant — Canticum Santicorum (Песнь Песней)
 Eccl — Ecclesiastes (Екклесиаст)
 Thr — Threni (Плач Иеремии)
 Est — Esther (Есфирь)
 Da — Daniel (Даниил)
 Esr — Esra (Ездра)
 Neh — Nehemia (Неемия)
 Mc — Secundum Marcum (Евангелие от Марка)
 Mt — Secundum Mattheum (Евангелие от Матфея)
 In — Secundum Iohannem (Евангелие от Иоанна)
 1 Cor — Ad Corinthios I (Первое послание к Коринфянам)

АЕСТ — *Fales F.M.* Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period. Rome, 1986.

ATTM — *Beyer K.* Die aramäischen Texte vom Toten Meer samt den Inschriften aus Palästina, dem Testament Levis aus der Kairoer Genisa, der Fastenrolle und den alten talmudischen Zitaten. Göttingen, 1984, Bd. I; 1994, Ergänzungsband; 2004, Bd. II.

CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Paris, 1881–1932.

EA — *Knudtzon J.A.* Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1915.

GenAp — кумранский текст, переизданный в ATTM I (стр. 165–186).

Hug — *Hug V.* Altaramäische Grammatik der Texte des 7. und 6. Jrs v. Chr. Heidelberg, 1993.

KAI — *Donner H., Röllig W.* Kanaanäische und aramäische Inschriften. Bd. 1–5. Wiesbaden, 2002.

Masada I — *Yadin Y., Naveh J.* Masada I: Final Reports. Jerusalem, 1989.

OSI — *Drijvers H., Healey J.* Old Syriac Inscriptions of Edessa and Osrhoene: Texts, Translations and Commentary. Leiden; Boston, 1999.

RA — Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale.

TAD — *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vols. 1–4. Jerusalem, 1986–1999.

TCL — Textes cunéiformes, Musées du Louvre. Paris, 1910–.

TF — *Abou Assaf A., Bordreuil P., Millard A.* La statue de Tell Fekherye et son inscription bilingue assyro-araméenne. Paris, 1982.

С.В. Лёзов

ИМПЕРСКИЙ АРАМЕЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Имперский арамейский язык (И.а.я.) — основной официальный язык персидской Ахеменидской державы, существование которой условно датируется 539–331 гг. до н. э.

1.1.1. В источниках на И.а.я. этот язык называется *ʔrmyt* (В2.11:4, 6); это существительное, образованное от этнонима **ʔaram*, который был самоназванием арамеев в конце II — начале I тыс. до н. э. (см. статью «Арамейские языки» в наст. издании). В еврейской Библии арамейский язык называется *ʔārāmīṯ* (например Да 2:4а). В греческих источниках, современных Ахеменидской империи, тексты на И.а.я. называются ἄσσυρία γράμματα 'ассирийские письмена' (у Геродота и Фукидида) и σῦρια γράμματα